

АЛЕКСАНДР ОСТРОВСКИЙ: Пьесы на все времена

АРХАИКА ПРОТИВ ПРОГРЕССА

ПРО ПЬЕСЫ АЛЕКСАНДРА ОСТРОВСКОГО ПРИНЯТО ГОВОРИТЬ, ЧТО они в нашей стране – на все времена. Какую пьесу из почти полсотни написанных родоначальником русского театра ни возьми – так легко получится постановка про наши дни. С узнаваемыми героями, словно они не из XIX века, а из сегодняшней светской и политической хроники. Почти те же нравы, почти те же типажи. Как Шекспир задал чуть ли не все основные драматургические сюжеты, так и Островский на десятилетия вперед прорисовал образы тех, кто делает русскую жизнь. Или, как теперь принято говорить, принимает решения.

Можно выявить немало конкретных актуальных тем и образов в его драматургии, но, пожалуй, наибольшую важность сегодня представляет его постановка нравственных и этических проблем в контексте вечного взаимодействия традиционализма, устойчивости бытия, с одной стороны, и прогресса, развития, деятельного начала перемен – с другой. Вот как он сам, к примеру, характеризует рутину своего рода «микрокосма» дремучего консерватизма – тогдашнего Замоскворечья: «сила косности, онемелости, так сказать, стреноживающая человека». И развивает свою мысль: «Я не без основания назвал эту силу замоскворецкой: там, за Москвой-рекой, ее царство, там ее трон. Она-то загоняет человека в каменный дом и запирает за ним железные ворота, она одевает человека ваточным халатом, она ставит от злого духа крест на воротах, а от злых людей пускает собак по двору. Она расставляет бутылки по окнам, закупает годовые пропорции рыбы, меду, капусты и солит впрок солонину. Она утучняет человека и заботливой рукой отгоняет ото лба его всякую тревожную мысль, так точно, как мать отгоняет мух от заснувшего ребенка. Она обманщица, она всегда прикидывается «семейным счастьем», и неопытный человек не скоро узнает ее и, пожалуй, позавидует ей».

Нам и сегодня «подмигивает» эта «замоскворецкая сила» – в объявлениях ворожей и ясновидящих, в вере в «отвороты-привороты», распространенной среди значительной части населения, в подчас дремучих представлениях обывателей о современном мире, в неумении в нем ориентироваться без помощи «царя-батюшки». Писатель, драматург и фи-

лософ в любом обществе, похоже, вечно обречены копаться в хитросплетениях взаимодействия патриархального традиционного уклада и соответствующих ему устойчивых взглядов с новыми вызовами и потребностями общества, с настроениями, отражающими интересы социального прогресса. Этот конфликт вечен. Но актуальность пьес Островского для нашей страны и нашего времени подчеркивается еще и тем, как точно он указывал на опасность любого прогресса, если тот не сопровождается соответствующим развитием этических и нравственных представлений, развитием культуры в широком смысле этого слова. Когда на фоне бездуховности старая добрая архаика может кому-то показаться обманчиво привлекательной. ❧

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР – ТАСС)»

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Россотрудничества

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Министр культуры Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по международным делам

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по международным делам, председатель правления Фонда

СКОРОСПЕЛОВ П.П.

Исполнительный директор фонда «Русский мир», заместитель председателя правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ФУРСЕНКО А.А.

Помощник президента Российской Федерации

ЮРКОВ Е.Е.

Директор Института русского языка и культуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, генеральный секретарь Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы

МОЛЧАНОВ Д.В.

Директор департамента культуры Аппарата правительства Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Директор департамента специальной связи МИД России

ЯКУНИН В.И.

Президент открытого акционерного общества «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

ФЕДЮКИН И.И.

Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

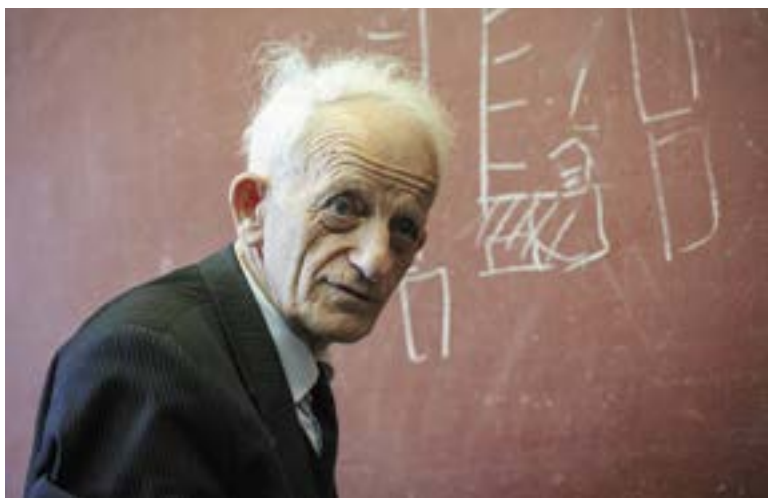
РУССКИЙ МИР

- 06 Марш легионеров
под «Бухенвальдский набат»
- 10 Ренессанс на Поклонной горе

РУССКИЙ ЯЗЫК

- 12 Встреча двух культур

ИНТЕРВЬЮ

- 16 Мысль о жизни
- 22 «Мне посоветовали отсидеться в Америке»
- 26 Станиславский vs Вахтангов
- 30 «Нужно внутренне быть свободным»

ИСТОРИЯ

- 36 Смутились все

НАСЛЕДИЕ

- 42 Человек-театр

- 48 Печатным шагом

- 52 «Умъ молодъ не дошель»

РЕПОРТАЖ

60 В шаге от неба

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

70 Помеха справа

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

66 Спаситель
Васильевки

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

78 Записки врача
84 Терриконовые
леса

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Каледонский дневник

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(499) 519-01-68

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Дмитрий ИВАНОВ
Андрей КУЛЬБА
Сергей ЛЕСКОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Вера МЕДВЕДЕВА
Зоя МОЗАЛЕВА
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Михаил ТАРКОВСКИЙ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
info@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

МАРШ ЛЕГИОНЕРОВ ПОД «БУХЕНВАЛЬДСКИЙ НАБАТ»

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ [ФОТО АВТОРА]

В ЭТОМ ГОДУ РИЖСКИЙ МАРШ БЫВШИХ ЛЕГИОНЕРОВ ВАФФЕН-СС И ИХ СТОРОННИКОВ ПРОХОДИЛ В ВЕСЬМА НАПРЯЖЕННОЙ И НЕОБЫЧНОЙ ОБСТАНОВКЕ. КАК ТОЛЬКО ПРАЗДНИЧНАЯ КОЛОННА ВО ГЛАВЕ С МОЛОДЫМИ ЛИДЕРАМИ КРАЙНЕ РАДИКАЛЬНОЙ ПАРТИИ «ВСЁ – ЛАТВИИ!», ВХОДЯЩЕЙ В ПРАВЯЩУЮ КОАЛИЦИЮ, ПРИБЛИЗИЛАСЬ К ПАМЯТНИКУ СВОБОДЫ, РАЗДАЛСЯ ОГЛУШИТЕЛЬНЫЙ ВОЙ СИРЕН. ТАК АНТИФАШИСТЫ ПРЕДУПРЕДИЛИ СВОИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ОБ УГРОЗЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ НАЦИЗМА В ЛАТВИИ.

А ПОТОМ ТАК ЖЕ ГРОМКО по всей площади разнесся «Бухенвальдский набат». Говорят, весь мир замер, когда впервые услышал в 1958 году эту песню памяти узников фашистских концлагерей. В нынешнем, 2013 году грозное напоминание о Бухенвальде в неподражаемом исполнении Муслима Магомаева, прозвучавшее из усилителей на максимальной громкости, заставило вздрогнуть многих собравшихся 16 марта в Риге у памятника Свободе. Эта необычная акция, организованная местными антифашистами, была заранее согласована с городскими властями, как и митинг противников шествия, установивших стенды в виде виселиц с фотографиями жертв нацизма. Как только наступила тишина, диктор на латышском языке начал зачитывать длинный список преступных деяний нацистов и их приспешников на территории Латвии. Расстрел десятков тысяч мирных жителей в Румбуле, Бикерниеки, Лиепаве, Бауске, замученные узники Саласпилса, Кайзервальда и других латвийских концлагерей. Легионеры Ваффен-СС принимали активное участие в карательных операциях в Белоруссии, России, Польше... При этих нелепых напоминаниях о «подвигах» легионеров во время Второй мировой войны, растерянность в рядах националов и их многотысячной группы поддерж-

ки сменилась невероятной злобой, особенно неистовствовали молодые депутаты Сейма Латвии из радикальной партии во главе со своим лидером Райвисом Дзинтарсом. Пытаясь снести металлические ограждения, отделяющие пикетчиков от участников шествия, народные избранники набросились на полицейских, преградивших им путь. Казалось, еще немного – и разгоряченная толпа прорвется сквозь преграды, чтобы заглушить голос диктора и растоптать организаторов акции протеста. В их сторону неслись угрозы и ругательства, среди которых «проклятые свиньи!» было наиболее безобидным.

Полиции все-таки удалось сдержать натиск толпы и вывести разбушевавшихся депутатов, которые при этом пригрозили увольнениями людям в форме. Порядок был восстановлен, хотя Дзинтарс и его соратник-депутат Домбрава, изловчившись, сумели-таки сорвать и смять фотографию, на которой были запечатлены раздетые в мороз донага еврейские женщины перед расстрелом в Лиепайских дюнах. Вот уж поистине – правда глаза колет. Интересно, рассказывала ли бабушка этим воинствующим мальчикам, как в 1941–1942 годах в Риге и других латвийских городах местные жительницы выстаивались в многочасовые очереди, чтобы купить за бесценок окровавленную одежду и обувь убитых евреев и их детей? Об этом в

своих воспоминаниях писали чудом пережившие Холокост в Латвии...

Как и в прошлом году, опять пострадал от надругательства венок жертвам нацизма, его возложили у памятника Свободе приехавшие на конференцию в Ригу участники международного правозащитного движения «Мир без нацизма». Среди них были известные правозащитники и депутаты парламентов из Израиля, Германии, Италии, Бельгии, Молдавии, два конгрессмена США, депутат Европарламента Татьяна Жданок. Позже гости Риги увидели, как с их венка была сорвана траурная лента, а сам венок был полностью завален грудой красных и белых цветов, рядом с которыми появились фотоportреты офицеров в форме Ваффен-СС. Один из немолодых уже сторонников латышских легионеров, назвавшийся Янисом, даже вступил в дискуссию с иностранными антифашистами. По его мнению, у памятника Свободе не следует класть траурные венки жертвам нацизма, так как здесь никто из них не захоронен. Участник делегации из России, первый вице-президент движения «Мир без нацизма» Александр Починков попытался было рассказать Янису, что в Латвии в годы немецкой оккупации было убито 70 тысяч евреев, на что мужчина совершенно искренне ему ответил: «Ну и что?! Они же неполноценные были. А сколько погибло латышей при Сталине? Вот о чем надо говорить...» Сегодня это самый распространенный аргумент в Латвии, с помощью которого здесь объясняют причины вступления латышей в гитлеровскую армию во время войны – для борьбы со сталинским режимом за независимость Латвии. Так что же это за дата такая 16 марта – день чести или позора для Латвии? Об этом говорили участники конференции «Мир без нацизма».

Накануне мартовских страстей рижским общественным организациям был представлен документальный фильм «Ostland. Ночь под свастикой», подготовленный известным латвийским публицистом, депутатом Сейма Латвии от «Центра Согласия» Николаем Кабановым и доктором экономики и общественным деятелем Александром Гапоненко. Фильм смонтирован из документальных материалов из ки-

У памятника
Свободы
в Риге 16 марта
дело дошло
до столкновений

ноархивов Германии и Латвии. Немецкая кинохроника военных лет, документы с цифрами и фактами свидетельствуют о том, что ядро добровольческого латышского легиона СС, созданного в марте 1943 года по приказу Гиммлера, состояло из местных приспешников нацистов, отличившихся особыми зверствами с первых дней оккупации Латвии. В 1943–1945 годах они «боролись за независимость Латвии», сжигая белорусские, украинские и русские деревни вместе с мирными жителями. Довольно большая часть фильма посвящена трагической судьбе советских военнопленных – более 300 тысяч узников шталагов на территории Латвии содержались в нечеловеческих условиях: в ямах под открытым небом, где их почти не кормили. На фотографиях тех лет можно видеть деревья, с которых на высоту в два человеческих роста содрана вся кора – ею питались пленные красноармейцы, выжить удалось единицам. Фильм о годах гитлеровской оккупации Латвии был продемонстри-

рован и участникам конференции. Современность они могли наблюдать лично у памятника Свободы, что произвело на гостей неизгладимое впечатление. Выступлений на круглом столе антифашистов было очень много – эмоциональных, конкретных, деловых, политкорректных. Но первыми я хочу привести слова, сказанные после всего увиденного известной израильской защитницей русскоязычных репатриантов, депутатом кнессета (1996–2013) Мариной Солодкиной, которую называли «символом русского Израиля». Спустя несколько часов после конференции Марина Солодкина умерла в своем гостиничном номере – инсульт. Светлая память! Вот запись ее последнего блестящего выступления: «Спасибо за приглашение на эту конференцию. Своими глазами увидеть это гораздо важнее, чем прочитать в Интернете. Увидеть марширующую молодежь, самим участвовать в возложении венков жертвам нацизма – все это было очень важно. Но я не про это хочу говорить. Я хочу призвать латвийский

парламент и латвийское правительство к здравому смыслу. Я очень люблю латышей, и я не понимаю, зачем они ложатся в кровать, где лежат заразные больные. Зачем нужно независимость Латвии связывать с легионерами и той ужасной историей, которую мы про легионеров знаем, потому что у нас в музее Яд Вашем есть эти фотографии расстрелянных жертв гетто и концлагерей? Сейчас в Израиль приехали цыгане, они тоже организуют Союз и музей Катастрофы как люди, также пострадавшие от нацистов. Так же как и советские военнопленные в 1941–1942 годах – то, что мы вчера видели в документальном кино. Я хочу сказать, что на всех этих совещаниях у меня возникает мысль: хватит нам жаловаться на то, что было, надо сказать, что в рамках денацификации Германии были предусмотрены миллиардные компенсации жертвам нацизма. Латвия тоже хочет платить компенсацию? Я хочу сказать, что были уничтожены военнопленные руками легионеров, уничтожены в концлагерях, расстреляны мирные гражда-

не разных национальностей, угнаны в рабство жители из соседних русских областей для работы в латышских хозяйствах. Господа, это тянет на огромные счета! В демократиях не надо только призывать к протестам, демократия – это суды. Вот у нас здесь сидит американская делегация, мы должны сказать, что в последние годы, когда казалось, что все счета Второй мировой войны уже закрыты, американский судья открыл дела против Швейцарии и против Италии – за укрытие капиталов жертв Катастрофы, и эти страны начали платить! Если Латвия считает себя правопреемницей легионеров СС, у нас есть юридический кейс. У нас есть юридический кейс не в Латвии, господа, – в других судах! Там, где не скажут: «ничего страшного, что уничтожали евреев». Потому что мир состоит из законопослушных граждан, которые хорошо знают, что такое расизм, нацизм и нарушение Женевских конвенций по отношению к военнопленным. Поэтому я предлагаю очень серьезно поднять вопрос, считают ли себя латвийский парламент и правительство правопреемниками фашистских пособников, которыми были легионеры. Спасибо!»

Александр Починок напомнил о недавно принятой антинацистской резолюции ООН, но назвал ее расплывчатой и неконкретной. По его мнению, антифашисты через представительства своих стран должны добиваться ее конкретизации. Кроме того, необходимо договориться о выработке основных стандартов преподавания истории Европы, которых должны придерживаться правительства европейских стран при подготовке своих образовательных программ, где была бы изложена правда о Второй мировой войне и тех ужасах, которые она принесла миру. Коллегу поддержал и Джульетто Кьеза (Италия), депутат Европарламента в 2004–2010 годах, известный своим критичным отношением к различным европейским структурам и правящим властям ряда стран: «Я рассказывал на лекции студентам в Риме про Вторую мировую войну, их было человек сто, – сказал Кьеза. – Когда я отметил, что в России эту войну называют Великой Отечественной, то уви-

Лидеры движения «Мир без нацизма» Александр Починок (слева) и Валерий Энгель (справа). В центре – Иосиф Корен, председатель общества «Латвия без нацизма»

дел, что студенты смотрят на меня с удивлением. Тогда я спросил их, кто победил в той войне. Подавляющее большинство присутствующих выразило предположение, что это, наверное, была Америка. Они не виноваты, виноваты те, кто сегодня пишет для наших детей такие учебники по истории. Здесь, в странах Балтии, ситуация в десять раз серьезнее. Я не дипломат, я – журналист, могу сказать открыто. У меня вопрос: почему правительство Израиля не поднимает свой голос? 70 тысяч евреев было уничтожено на земле Латвии. Правильно сказала г-жа Солодкина, что надо начинать юридические действия против того правительства, которое поддерживает легионеров СС. У меня есть вопрос и к российскому парламенту. Почему Россия ничего не говорит об участии советских военнопленных, замученных в ямах и концлагерях в Латвии? Как бывший депутат Европарламента, где я отработал пять лет, я могу сказать, что атака против демократии идет с их стороны. Реальный хозяин нашего Европарламента – это рынок, он сегодня и определяет политику в разных странах. Мы все находимся в центре беспрецедентного политического европейского кризиса, который, я считаю, означает конец исторической Европы. Нам нужна другая Европа».

А вот по мнению сопредседателя Европейского еврейского парламента Джоэля Рубинфельда (Бельгия), только Америка сможет «впра-

вить мозги» властям Латвии. Он рассказал, что накануне побывал в небольшом латвийском городке Бауска, где в сентябре прошлого года состоялось официальное открытие памятника солдатам Ваффен-СС. Он хотел лично убедиться, что такое возможно сегодня на территории Европы. Той самой Европы, которая в 1946 году поддержала лозунг: «Никогда больше!» Съездил туда представитель Бельгии, увидел памятник, стоящий в красивом парке на берегу озера. Почитал надпись на нем: «Латвия должна быть латышским государством». Пошел к главе города, представляющему правящую партию «Единство», поинтересовался, как дошли они до жизни такой. «Мэр, милый, вежливый, смелый человек, долго заверял меня в существовании другой истории, рассказывая, как героически латышские легионеры боролись за независимость Латвии, и уверяя, что он против нацизма. Но как можно быть против нацизма и ставить ему памятники – я этого не могу понять, разве это не шизофрения?» – удивляется Джоэль. Он напомнил, как в 1994 году перед визитом в Ригу президента США Билла Клинтона американцы попросили своих латышских высокопоставленных коллег поменять форму и каски у солдат почетного караула, стоящих у памятника Свободе, поскольку уж очень те походили на солдат вермахта. И это сработало! Так и надо действовать, считает бельгий-

ский борец с нацизмом, который, кстати, и в Риге мужественно пытался защитить траурный венок от поругания, но был уведен полицией. По его твердому убеждению, надо вновь обратиться к американцам и показать всему миру Ригу, которая, по его словам, «364 дня в году, являясь столицей европейской Латвии, на один день превращается в столицу Ваффен-СС»... А конгрессмен от штата Нью-Йорк Стивен Симбровиц сказал, что он, как сын выживших в гетто Демблина и Ченстохова, не может понять: зачем матери приводят 16 марта своих детей, чтобы те возлагали цветы к памятнику Свободы? Чему они их учат? Политик предложил Латвии, по примеру Штатов, ввести в школах обязательный курс по предотвращению нетерпимости.

Депутат парламента Молдавии Инна Щупак рассказала, что подобные мероприятия, на которых прославляется профашистский режим Антонеску, происходят и в ее стране. Здесь тоже реализуется официальная политика замалчивания преступлений нацистов и их румынских прислужников, мало где сегодня можно найти упоминания о 300 тысячах жертв нацистов на территории нынешней Молдавии. Молдавский политик рассказала историю одной молодой женщины, автора первой постановки о Холокосте в Молдавии, недавно показанной на сцене неформального молодежного театра. В начале 90-х годов она, буду-

чи 18-летней девчонкой, вступила в румынскую легионерскую организацию, пройдя обряд посвящения с «киданием зига» (производное от *Sieg hail* (победа свята) – официальное приветствие нацистов. – **Прим. авт.**) и прочими атрибутами. Приехав в Германию, девушка впервые от немцев услышала о том, что в ее родной стране был геноцид евреев. Не поверила. Вернулась домой, сама объездила молдавские города и деревни, записала рассказы бывших узников гетто. А потом на основании этой хроники сочла своим долгом рассказать правду своим согражданам о Холокосте. Спектакль идет до сих пор и пользуется в стране большой популярностью...

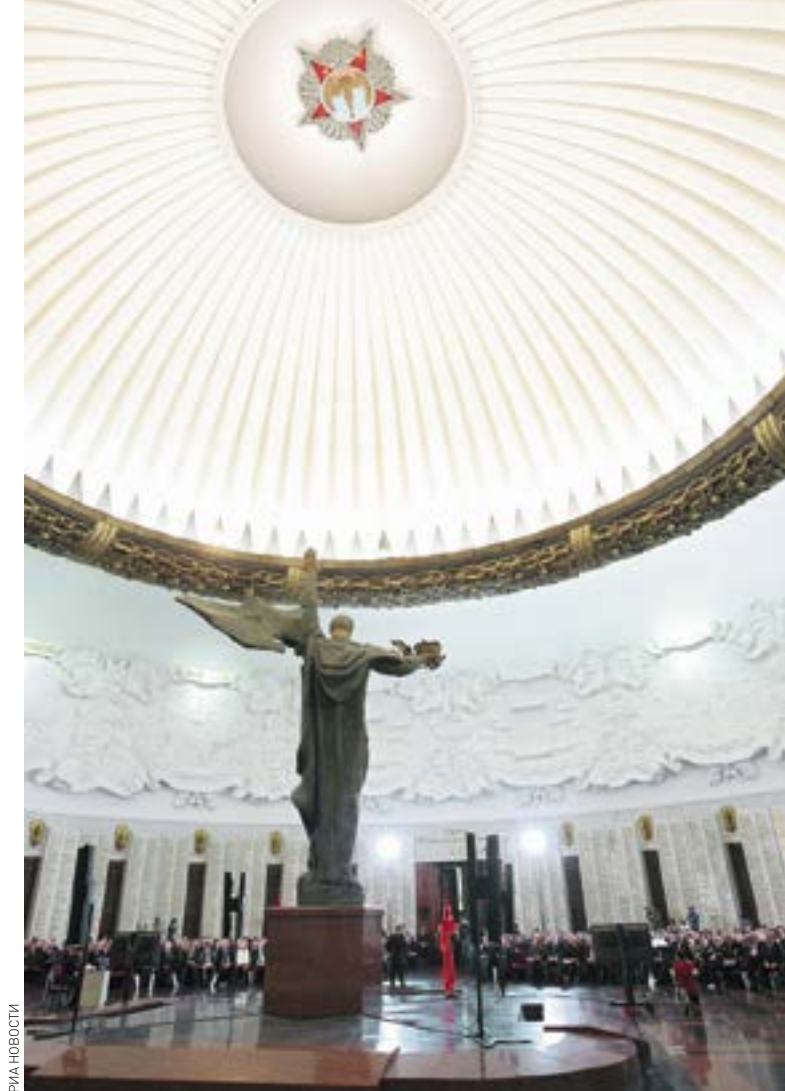
Известный литовский политический деятель, которого недавно привлекли к уголовной ответственности за его взгляды по поводу событий 1991 года, не совпадающие с официальной позицией, лидер Социалистического народного фронта Литвы Альгирдас Палецкис, возглавляющий также движение «Литва без нацизма», предложил следующую конференцию «Мир без нацизма» провести в Вильнюсе. Хотя на территории его страны не было литовского легиона СС, но свастика и крики «Литва – литовцам» здесь очень популярны. Делегация из 15 человек, представляющих радикальные националистические организации Литвы, принимала активное участие и в нынешнем шествии легионеров СС в Риге. Многие из них сто-

Альгирдас Палецкис возглавляет движение «Литва без нацизма»

яли в почетном карауле с литовским триколором в руках. Палецкис также предложил организовать антифашистскую конференцию в Страсбурге в этом году, когда Литва будет председательствовать в Европейском союзе.

Конечно, участники конференции обсуждали проблему ограничений подобных нацистских акций, но, по мнению некоторых политологов, это будет нарушением свободы мнений. С этим утверждением многие готовы были поспорить. «Я за свободу митингов и собраний, – выступил председатель общества «Латвия без нацизма» Иосиф Корен. – Но если в Латвии в 1998 году к памятнику Свободы подходили старички с цветами в трясущихся руках, то сейчас там шеренги молодежи. Я видел, как выстраивались школьники лет 10–12, которых приводили учителя. Подобной агрессии мы давно не видели. В Латвии есть все признаки классического нацизма!» Первый вице-президент международного движения «Мир без нацизма» Валерий Энгель (Россия) предложил чтить память павших легионеров у соответствующих мемориалов и на кладбищах, а не чествовать их в центре города как героев, какими они не были: «Они воевали на стороне гитлеровской Германии, и не важно, как и почему они туда попали. То, что мы видели сегодня, это кошунство по отношению к многомиллионным жертвам войны, что недопустимо».

Участники международной конференции обратились с письмом в Сейм Латвии и поблагодарили каждого из 63 депутатов, проголосовавших в марте 2013 года против возвращения 16 марта в список государственных памятных дней. Кроме того, они обратились к президенту Андриусу Берзиньшу по поводу обсуждаемого сейчас в Сейме законопроекта о статусе ветеранов войны, который направлен прежде всего на поддержку ветеранов Ваффен-СС, что противоречит духу и букве Нюрнбергского трибунала. Было подписано обращение верховному комиссару ООН по правам человека Нави Пиллэй, в котором указано на регулярные нарушения Латвией резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о недопустимости героизации нацизма. ■

РИА НОВОСТИ

РЕНЕССАНС НА ПОКЛОННОЙ ГОРЕ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

14 МАРТА 2013 ГОДА В МОСКВЕ, В МУЗЕЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ПРОШЕЛ УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД РОССИЙСКОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

РАЗ УЖ РЕЧЬ ИДЕТ ОБ истории, то с нее – истории Общества – и стоит начать.

Идею создать общественную организацию, которая бы занималась вопросами военной истории, впервые озвучил еще в первой половине XIX века князь Николай Голицын. Выпускник Пансиона при Царском-Сельском лицее начал службу в Генеральном штабе прапорщиком в 1826 году, 20 лет от роду. Закончил военную карьеру генералом от инфантерии в 1880-м. После Николай Сергеевич издал за собственный счет труд всей жизни – 15-томную «Всеобщую военную историю». А вот создать общество у Голицына не вышло.

Практически сразу после смерти генерала Голицына его идею попытались реализовать известные в то время исследователи военной истории генералы Николай Дубровин, Николай Шильдер и Александр Мышлаевский. Однако – вновь неудача. Из этой генеральской тройки до дня рождения Русского Императорского военно-исторического общества в 1907 году дожил только Мышлаевский. Именно Александр Захарьевич стал отцом-основателем организации.

Начало было скромным. В марте 1907-го Мышлаевский собственноручно составил письмо-предложение о создании Общества и разослал его на сотню адресов. Людям, которые, по его мнению, не мог-

ли не откликнуться. Учредительное собрание состоялось 20 апреля. Прошло еще полгода, и в августе последовало Высочайшее утверждение устава организации. В конце сентября государь Николай II получил доклад об учредительном съезде РВИО. Прочитал и завизировал: «Глубоко сочувствуя целям общества, Я охотно принимаю на себя звание почетного его председателя и жалую ему наименование Императорского».

Председателем Совета, руководившего деятельностью Общества с момента его основания и до закрытия в 1917 году, был генерал от кавалерии, адъютант великого князя Николая Николаевича – младшего Дмитрий Скалон. Да, после Февральской революции кто-то посчитал, что Россия в такой общественной структуре не нуждается. Так же после Октябрьского переворота посчитали и пришедшие к власти большевики. Мышлаевский ушел из жизни в 1920 году. Иными словами, видел и рождение своего детища, и его раннюю гибель.

Казалось бы, всего десять лет... Что можно успеть сделать за столь короткий срок на такую фундаментальную тему? Тем более что мирного времени РВИО было отпущено еще меньше – только семилетие. И подавляющее большинство участников в 1914 году ушли на фронт. Но сделано было достаточно. Общество занималось издательским делом, архивной работой, военными музеями и библиотеками, археологическими раскопками на местах сражений, созданием памятников героям прошлого. Отдельная тема – популяризация военной истории России в народе. Издавались специальные брошюры для простых людей, а также нижних чинов: о Северной войне и Полтавской победе, о Крестьянской реформе 1861 года... Имелось у РВИО и периодическое издание – «Журнал Русского Императорского военно-исторического общества».

Отделения Общества работали в Москве, Варшаве, Киеве, Гельсингфорсе, Одессе, Орле, Казани, планировалось открытие филиалов в Новочеркасске, Иркутске, Тамбове, Вильно, Тифлисе. Перед Первой мировой войной в членах орга-

низации состояло свыше 2,5 тысячи человек.

Очевидно, что воссозданное указом президента Путина от 29 декабря 2012 года Военно-историческое общество начинает работу не на пустом месте. Тем более что после роспуска предшествующей организации интерес к военной истории в стране не угас. И в советское время, и в новой России помимо официальных структур и профессионального исторического сообщества тысячи людей на добровольческой основе продолжали искать, изучать, открывать, пропагандировать. Наряду с государственными музеями и мемориалами возникали частные коллекции, и на личные средства устанавливались скромные памятники павшим. Возникли и активно работают поисковые отряды и клубы военно-исторической реконструкции. Инициаторам возрождения Военно-исторического общества есть к кому апеллировать. Этот тезис подтвердил и учредительный съезд. В Москве на Поклонной горе собралось 300 представителей 67 российских регионов.

После официальных приветствий от президента страны Владимира Путина, председателя ГД РФ и председателя Российского исторического общества Сергея Нарышкина, главы Счетной палаты и председателя Императорского православного Палестинского общества Сергея Степашина, выступлений министра культуры и председателя Военно-исторического общества Владимира Мединского, директора Музея Великой Отечественной войны Збаровского, директора Государственного Исторического музея Алексея Левыкина прозвучала и конкретика.

Похоже, главной темой работы РВИО на ближайшее время помимо сугубо организационных аспектов будет история Первой мировой войны. Через год – 100-летие ее начала. Поэтому, вероятно, речь шла о создании и открытии памятников участникам ПМВ в Москве и Царском Селе. А также – о фильмах и книгах на эту тематику.

Правда, сразу же захотелось подискутировать по поводу места для памятника в столице. Если в Царском Селе площадка для памятни-

ка абсолютно исторична, так как мемориал планируется открыть на Братском кладбище, где похоронены останки офицеров, умерших в тамошних госпиталях, то Поклонная гора к Первой мировой войне никакого отношения не имеет. Тут и так сошлись 1812 год и 1941-й. А в планах РВИО открыть тут же и музей, посвященный воинам-интернационалистам. Более того, сделать это также в 2014 году, приурочив к 25-летию вывода советских войск из Афганистана.

Ладно бы в столице не имелось исторических мест, связанных с Первой мировой. Так нет же, есть! Например, Семеновский сквер неподалеку от одноименной станции метро, где раньше также находилось военное кладбище солдат 1914–1917-го. В Хамовниках сохранился комплекс казарм Сумского гусарского, 3-го Перновского и 4-го Несвижского гренадерских полков. Отсюда эти полки в 1914 году ушли в бессмертие.

Шла речь о создании учебного пособия по военной истории для школьников. Об использовании под музей территории Зарядья, где стояла снесенная несколько лет назад гостиница «Россия», о воссоздании Музея гвардии в Петербурге. С формулировкой последнего тезиса также хотелось бы поспорить.

Музей гвардии – структурное подразделение Государственного Эрмитажа. И он никуда не исчез. Начал работать в 2003 году, но в связи с реконструкцией здания Главного штаба на Дворцовой площади гвардейская экспозиция была временно свернута. Переговоры с Министерством обороны о передаче Эрмитажу здания Штаба Гвардейского корпуса, стоящего там, на Дворцовой площади, аккредитован между Зимним и Главным штабом, идут не первый год. Предмет этих переговоров – как раз но-

вые экспозиционные площади для Музея гвардии. Надо признать, что прежний министр обороны изрядно и с успехом этот переговорный процесс тормозил.

Замечательно, что воссозданное Военно-историческое общество сразу обратило внимание на этот вопрос и подключилось к его решению. Однако историческая справедливость в том, что инициативу первым проявил Эрмитаж.

Чему можно порадоваться? Тому, что у организации уже есть сайт. И он начинает наполняться информацией. Что серьезное внимание на съезде уделено поисковой работе. А ее до сих пор – непочатый край.

Что хотелось бы услышать, но не пришлось? Ни слова не было сказано о Заграничных походах 1813–1814 годов. Когда Русская армия выгнала остатки наполеоновских войск из пределов России, было сделано полдела. А доделали его наши солдаты и офицеры в 1813 и 1814 годах в Европе, отпраздновав победу на Елисейских полях в Париже. 200-летие, однако, на носу! Не было слышно и представителей Министерства обороны, которое является официальным соучредителем Военно-исторического общества. А военным, уверен, есть что предложить РВИО. И прежде всего попросить помощи для решения проблем по части воспитания солдат и образования офицеров.

Наконец, осталась пока неизвестной судьба «русского Арлингтона» – военного мемориального кладбища в подмосковных Мытищах. Уже десять лет прошло, как принято решение о его возведении. Годы минули с тех пор, как выделены колоссальные деньги. Трижды переносилось торжественное открытие. А теперь – даже не вспоминают.

Может быть, Российское военно-историческое общество напомним нам об этом? ■

В СТАТЬЕ «МОЯ ТВОЯ НЕ ПОНИМАЕТ» (АВТОР – ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО), ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ «РУССКИЙ МИР.RU» №2 ЗА 2013 ГОД, БЫЛИ ДОПУЩЕНЫ ОШИБКИ. В ЧАСТНОСТИ, УКАЗЫВАЛОСЬ, ЧТО ДИРЕКТОР ЦЕНТРА РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА И.Б. ЧЕРЕПОВСКАЯ ПРИНИМАЛА УЧАСТИЕ В ПАРЛАМЕНТСКИХ СЛУШАНИЯХ «БУДУЩЕЕ КУЛЬТУРНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИИ», ПРОХОДИВШИХ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РФ. ТАКЖЕ ЦИТИРОВАЛИСЬ СЛОВА И.Б. ЧЕРЕПОВСКОЙ О СИТУАЦИИ ВОКРУГ СДАЧИ ТРУДОВЫМИ МИГРАНТАМИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ЭКЗАМЕНА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ. ЭТА ПРИВЕДЕННАЯ В СТАТЬЕ ИНФОРМАЦИЯ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. И.Б. ЧЕРЕПОВСКАЯ НЕ УЧАСТВОВАЛА В ПАРЛАМЕНТСКИХ СЛУШАНИЯХ В ГОСУДРЕ И, СООТВЕТСТВЕННО, НЕ ВЫСКАЗЫВАЛА МНЕНИЯ О СИТУАЦИИ СО СДАЧЕЙ ТРУДОВЫМИ МИГРАНТАМИ ЭКЗАМЕНА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ. РЕДАКЦИЯ ПРИНОСИТ СВОИ ИЗВИНЕНИЯ И.Б. ЧЕРЕПОВСКОЙ И СОТРУДНИКАМ ЦЕНТРА РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА.

ВСТРЕЧА ДВУХ КУЛЬТУР

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ФОТО

МАРИСА МОРКАНСА

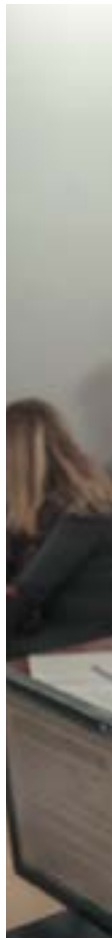
ЛАТВИЯ ПОДВЕЛА ИТОГИ РАБОТЫ, ПРОДЕЛАННОЙ ПОСЛЕ РЕФЕРЕНДУМА 2012 ГОДА О СТАТУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА. НА СПЕЦИАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В РИЖСКОМ ДОМЕ ЕВРОСОЮЗА ПРАКТИЧЕСКИ НИКТО ИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ ЛИЦ ДАЖЕ НЕ УПОМЯНУЛ О ПРАВАХ 273 ТЫСЯЧ ГРАЖДАН СТРАНЫ – ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КРУПНЕЙШЕГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА ЛАТВИИ, ПРОГОЛОСОВАВШИХ ЗА ДВУЯЗЫЧИЕ, НО НЕ НАБРАВШИХ КОНСТИТУЦИОННОГО БОЛЬШИНСТВА. В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ ПОРАДОВАВШИСЬ ПОБЕДЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ, МИНИСТРЫ И ПОЛИТИКИ ИЗ ПРАВЯЩЕЙ КОАЛИЦИИ ПРИЗВАЛИ К ЗАЩИТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА И БОРЬБЕ С «САМОДОСТАТОЧНОСТЬЮ РУССКОГО ЯЗЫКА».

В ПРОЧЕМ, НИ НА ЭТОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, НИ НА других подобных мероприятиях ничего нового мы не услышали. Лишь старая, порядком заезженная пластинка об угрозе для латышского языка со стороны русского, спасти от засилья которого, по мнению депутата Европарламента Инесе Вайдерс, могли бы перевод всех детских садов на латышский язык и выделение госфинансирования только латышским школам. «Мы должны стремиться к интеграции на базе латышского языка и латышской культуры», – подытожила депутат, представитель правящей партии «Единство». Последние двадцать лет русскоязычные жители Латвии, составляющие около 40 процентов населения страны, безуспешно пытаются всеми правдами и неправдами достучаться до сердец и умов своих латышскоговорящих сограждан, напоминая им, что русские Латвии – не пыль на ветру. Уже более десяти веков наши народы живут вместе на этой земле. Неоспоримых свидетельств тому имеется достаточно: и в исторических архивах, и в многочисленных научных исследованиях, и в народных преданиях. Тем не менее в латышской среде за двадцать лет независимости Латвии уже выросло поколение молодых людей, изучавших совсем другую историю. Как это ни грустно, но подавляющее большинство юных представителей титульной нации искренне считают местных русских наследием пресловутой оккупации Латвии, не имеющими права ни

на свой язык, ни на свое представительство во властных структурах. В качестве примера можно привести невинные на первый взгляд «шалости» учеников 1-й рижской гимназии, носящей звание лучшей в Латвии, которые во время проведения сбора подписей за референдум о придании русскому языку статуса второго государственного, взявшись за руки, становились на пути людей, пришедших поставить свои подписи. А затем в щенячьем восторге от собственной смелости эти же детишки вывесили из окна наспех нарисованный фломастером плакат с расписанием поездов по маршруту Рига – Москва...

Профессор отделения славистики и русистики Латвийского университета, ведущий специалист в области славянского языкознания Игорь Кошкин более двадцати лет посвятил изучению истории русского языка и славянской этимологии на территории Латвии.

– Меня давно интересовало, можем ли мы говорить о том, что русский язык на нынешней территории Латвии имеет глубокие исторические корни и тем самым отличается от просто иностранного языка, – говорит профессор. – Русский язык, как вы знаете, сегодня в нашей стране официально причислен к иностранным языкам, однако, как явствует из научных публикаций, в том числе моих, следы присутствия русского языка на этой территории были отмечены еще до XIII века, то есть до начала истории Ливонской конфедерации, связанной с немцами. Да, немецкий язык тоже имеет здесь давние исторические корни, но у него нет современной истории, а русский остался языком крупнейшего национального меньшинства, поэтому он де-факто никак не является просто иностранным языком. В своих исследованиях я выделяю несколько этапов в истории контактов русского и латышского языков. Первый относится к доливонской эпохе. В лингвистике считается, что результатом длительного контактирования языков являются заимствования в языке. Поэтому когда скептики отрицают факт присутствия древнерусского языка на этой территории, то это сразу опровергается наличием заимствованных слов в современном живом латышском языке. Причем даже сами носители латышского языка не ощущают эти слова как чужие, настолько давно это было. Я говорю, например, о словах, которые относятся к сфере общественно-политической жизни, связанной с христианизацией, – *baznīca* (церковь), *svēts* (святой), *svētki* (праздник), *grāmata* (книга). В случае последнего слова первоначально имелась в виду церковная книга, потому что письменность на Руси была связана со старославянской культурно-языковой традицией. Много заимствований в обозначениях различной еды – *pīrāgs* (пирог), *kāposti* (капуста), *kartupeļi* (картофель). Обычно чужие слова приходят, потому что они обозначают новые для народа понятия, часто явления, которые воспринимаются на данном этапе истории как более прогрессивные. Именно поэтому мы с полным основанием можем говорить о встрече двух культур – древнерусской и древнелатышской, – результатом которой являются многочисленные заимствования в языке.

– А каким было отношение к русскому языку в «ганзейские» времена?

– На территории Латвии в Средние века образовалось немецкоязычное меньшинство, и немецкий язык, немецкая культура также воздействовали на латышскую культуру. Но при этом сохранялись тесные контакты и с русскими купцами, что отражено в обильной дипломатической переписке между ганзейскими немецкими городами и древнерусскими княжествами. В архивах Латвии имеются оригиналы древнерусских грамот, адресатами которых были ливонские города, и это довольно уникальный материал для лингвистов. Я изучал язык этих писем и выявил разнообразные заимствования. Переговоры велись между ганзейцами и русскими князьями. Так вот, что интересно – итогом этих переговоров были тексты на немецком и древнерусском языках. В наших архивах есть ответные грамоты из Рижской канцелярии, также написанные на древнерусском. Это означает, что здесь были переводчики, были знатоки русского языка. Из истории мы знаем, что представители ганзейской элиты очень внимательно относились к русскому языку, сами изучали его. Но при этом существовали запреты на изучение русского языка не ганзейцами! Нам известны разговорники по русскому языку, происхождение которых связано с Балтией и Скандинавией. Древнерусское присутствие имело место в период, когда здесь была Ливонская конфедерация; далее были «польские» и «шведские» времена в истории Латвии, тем не менее традиции, связанные с русскими купцами, традиции контактов с носителями русского языка сохранялись.

Профессор отделения славистики и русистики Латвийского университета, ведущий специалист в области славянского языкознания
Игорь Кошкин

– Можно ли говорить, что в XVI веке на территории Латвии уже проживало русскоязычное меньшинство?

– Нет, русского национального меньшинства как такового тогда здесь не было. Но здесь постоянно проживало население, говорящее на русском языке, – это факт. По свидетельствам историков, в Латвии, в частности в Латгалии, имел место приток русского населения, в основном это были беглые крестьяне, староверы, бежавшие из России в Латвию раскольники. Также в архивах сохранилась так называемая Долговая книга Риги, где указаны русские, славянские имена. На этом основании можно судить о том, что русские люди не просто временно здесь селились, а имели недвижимость, семьи, наследников. Но, конечно, элитой общества в те времена, в том числе и по отношению к коренному населению, считались немецкие бюргеры, немецкое духовенство, другие представители немецкоязычного общества. Коренное население даже имело свое название: это были *Undeutsche* – «не немцы». Немецкий язык был языком элиты – политической, военной, католической. И даже после вхо-

ждения Латвии в состав Российской империи еще долгие годы здесь сохранялись традиции самого крупного и влиятельного немецкоязычного меньшинства, занимающего привилегированное положение в основных сферах жизни. Но постепенно на развитие латышского языка и культуры все большее влияние стал оказывать русский язык. Не будем отрицать, вхождение в другое политическое государство всегда связано с официальным престижем главного языка. В XVIII–XIX веках русский становится языком чиновников и административного управления Латвии, кроме того, в этот период растет и численность русского населения. Крепнут торговые и культурные связи соседних государств. Москва и Санкт-Петербург, как престижные центры культуры, привлекают лучших представителей латышской интеллигенции.

– Как известно, практически все представители цвета латвийской культуры образование, причем бесплатное, получали именно в России. Санкт-Петербург в середине XIX века

стал колыбелью для будущих отцов идеи независимости Латвии – так называемых младолатышей, боровшихся с засильем немецких баронов в Латвии...

– Добавлю – и первый полноценный русско-латышско-немецкий словарь, под редакцией Кришьяниса Валдемарса, был издан в Москве в 1872 году при поддержке Министерства народного просвещения России. Сам факт, что за составление такого словаря – а словарь – это всегда очень мощный инструмент развития лексики языка – взялась латышская интеллигенция, а не немецкие пасторы, говорит о том, что влияние русской культуры было в тот период очень сильным. Я занимался исследованием словаря, он содержит немало слов, заимствованных из русского языка, многие из которых и сегодня остались в литературном языке.

– Отличался ли язык русских Латвии от языка метрополии?

– Да, эти естественные отличия формируются там, где русский язык контактирует с другими языками, которых нет в России, например с латышским или немецким. Что касается первой Латвийской Республики, после 1918 года, то в Латвии эти отличия были усилены, я бы сказал, еще и культурно-политическим фактором. После того как произошло отделение от России, местный русский язык начал обнаруживать определенные черты своего развития даже внешне – в области графики и орфографии. В то время как советская Россия провела реформу графики и ор-

фографии (упрощения в правописании), что само по себе было прогрессивным явлением, в Латвии вплоть до 1940 года этого сделано не было. Традиции русского языка в Латвии поддерживала русская интеллигенция, связанная с дореволюционной Россией и белой эмиграцией. Для них эти отличия, видимо, имели еще знаковый культурно-политический смысл. Имелись отличия и на уровне слов. Например, в русской рижской газете «Сегодня» писали не *спортсмен*, а *спортист*, использовалась форма женского рода слова *фильм*: в Латвии и в 1937, и 1938 годах писали *фильма*. Между прочим, реформу графики и орфографии готовили еще в недрах Российской Императорской академии, и вовсе не революционеры, а известные ученые-лингвисты, но так получилось, что в жизнь ее вводили уже при ином политическом устройстве.

– Давайте перейдем к нынешним временам, когда в Латвии фактически объявлена война русскому языку, в его самодостаточности видят даже угрозу независимости страны. А недавно национал-радикалы предложили ввести уголовную ответственность за плохое отношение к языку – вплоть до трех лет лишения свободы. Как вы считаете, сегодня что-то угрожает латышскому языку?

– Этот фактор связан с политическими событиями. Когда Латвия входила в состав государства, где русский язык был главным, то его самодостаточность поддерживалась еще и на официально-политическом уровне. Но уже более двух десятилетий наша страна является независимым и само-

стоятельным государством, русский язык здесь уже давно не имеет статуса официального языка. По утверждению латышских социолингвистов, самодостаточность русского языка (если ее понимать как возможность, живя на территории Латвии, обходиться только русским языком) сохраняется до сих пор. Были описаны факторы угрозы полноценному функционированию и развитию латышского языка и факторы, способствующие его укреплению. По этой шкале языковая самодостаточность русскоязычного населения не способствует укреплению латышского языка на его территории. Но откуда же в «группу угроз» входят и такие явления, как глобализация, в том числе языковая на базе английского языка, малая численность носителей латышского языка, его низкий «экономический» престиж, и это никак не связано с русским языком. Но в период обострения напряжения в обществе как раз и можно слышать ссылки на то, почему многие русские не владеют государственным языком и не стремятся к этому, – из-за самодостаточности. На этом основании, особенно в среде радикалов, и предлагаются различные жесткие меры для снижения этого явления. Я все же думаю, что на территории Латвии ничто не угрожает латышскому языку. И уж если за пятьдесят лет пребывания в составе СССР латышский язык сохранился и испытал определенное развитие, то уж сейчас у государственного языка здесь есть будущее, и я думаю – стабильное будущее.

– *А может ли в Латвии при такой языковой политике исчезнуть русский язык?*

– Язык, как и цветок в горшке, не может зачахнуть сам по себе. Для этого нужны какие-то внешние условия. А они теоретически не исключаются. Такой пример: в 20–30-е годы в Латвии существовала крупнейшая немецкая община, и немцы активно отстаивали свои политические позиции и национальные интересы, в том числе и по языковому вопросу. В те годы обсуждалась проблема защиты латышского языка от засилья немецкого, на котором студентам в институтах читали лекции. Но с середины 30-х годов вся эта полемика естественным образом ушла в прошлое: начались исторические процессы, связанные и с правлением президента Ульманиса, и с политикой нацистской Германии, по призыву которой немцы Балтии в массовом порядке начали покидать эти территории, в том числе и Латвию. Все это привело к тому, что сегодня на улицах Риги мы не слышим немецкой речи и не говорим о немецком языке как о языке нацменьшинства Латвии. А прошло-то всего семьдесят с небольшим лет... Вот что значит – нет носителей языка. Но пока русскоязычные жители страны здесь живут и численность их существенно не падает, пока они ощущают себя связанными с культурой и территорией Латвии, я не вижу никаких печальных прогнозов для русского языка. Можно посетовать, что в глобальном отношении русский язык не удержал позиции межгосударственного языка, но он остается одним из языков ООН. Да, наверное, немного обидно, когда в паспорте гражданина Евросоюза ты видишь родную кириллицу, а это – запись на другом славянском языке. Но эти процессы зависят не от численности населения или исторической языковой перспективы, а от геополитических факторов, которые мы, лингвисты, должны просто регистрировать и, конечно, учитывать.

– *Кафедра русского языка в Латвийском университете, как известно, была ликвидирована еще в 90-е годы, осталось лишь отделение русистики и славистики на факультете гуманитарных наук, где вы преподаете. Кто они, ваши студенты, выбравшие своей профессией так не популярный в нынешней Латвии русский язык?*

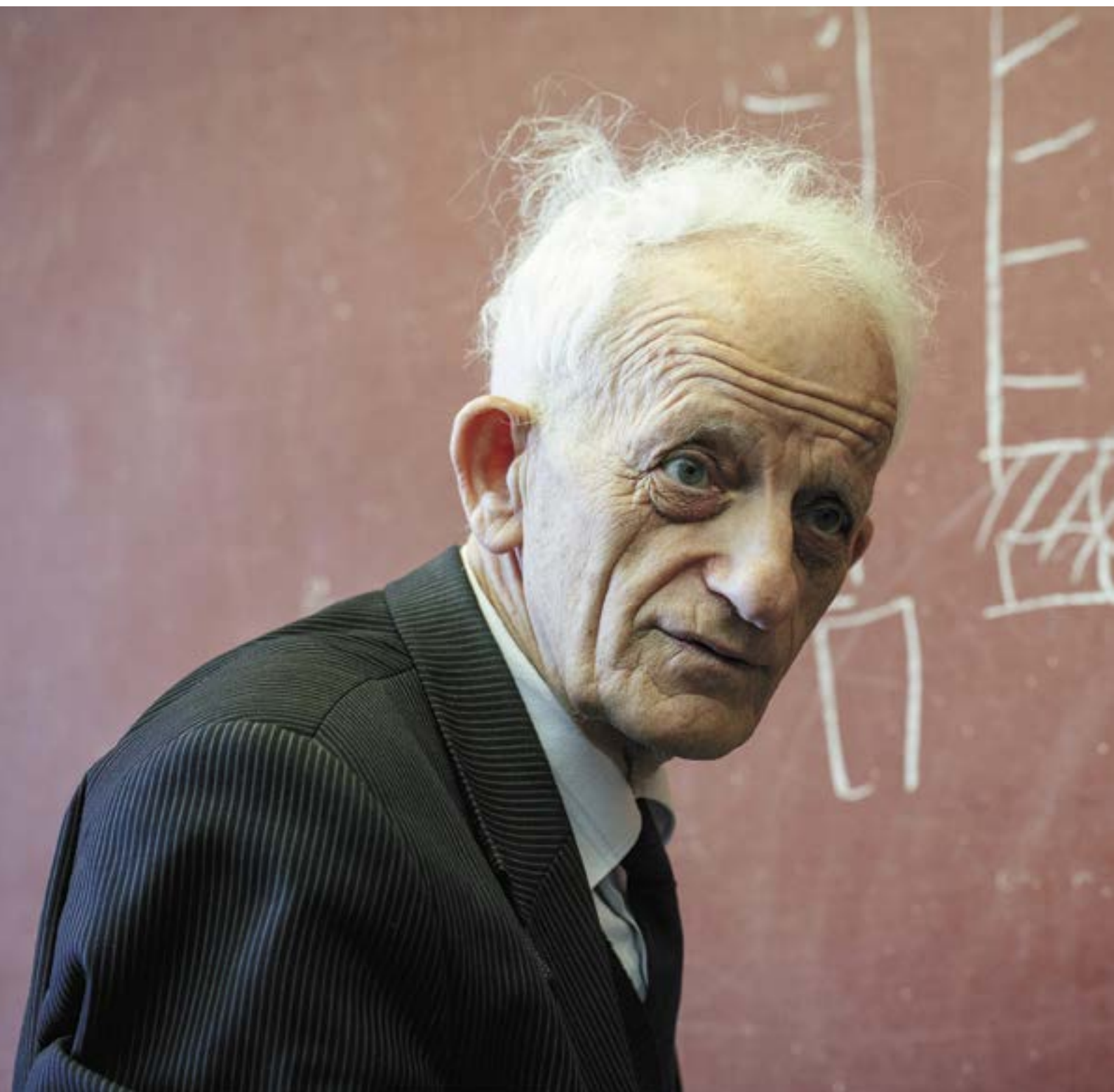
– Да, в результате структурной реорганизации университета кафедры были действительно ликвидированы, вместо них возникли отделения. Но в последние годы при этих отделениях вновь стали появляться кафедры. И вот сейчас есть кафедры, специализирующиеся по испанскому, французскому, немецкому языкознанию, но, к сожалению, не удается добиться поддержки для организации кафедры по славянскому языкознанию, где был бы в этом статусе специально представлен и русский язык. А почему, я даже не знаю, хотя интерес среди студентов есть. На нашем отделении русистики и славистики созданы три модуля – по изучению русской литературы, языка и культуры. И эти модули ежегодно заполняются желающими, на каждом курсе бакалаврской программы за счет государства учится около 40 студентов – это немало. Например, в других параллельных программах такого набора нет, да и такого количества бюджетных мест нет. Должен отметить, что в последние годы количество бюджетных мест на отделении русистики и славистики большое, и пока бюджетные места нам никто не сокращает. Некоторая часть из этих 40 студентов занимается русским языком и славянскими языками, но больше всего у молодых людей есть интерес к литературе, публицистике и критике. Преподавание ведется на русском языке. С точки зрения этнической принадлежности большинство составляют русскоязычные учащиеся, хотя много и тех, кто окончил латышские школы. Многие студенты, окончившие бакалавриат, в том числе и те, кто проявляет научный интерес к русскому языку, хотели бы продолжить обучение в магистратуре, но, увы, при наличии ограниченного количества бюджетных мест в магистерской программе для многих это возможно уже только на платной основе.

– *Сегодня уже мало кто из выпускников латышских школ владеет русским языком, говорят, упал интерес к его изучению. Это так?*

– Популярность платных курсов по русскому языку показывает, что интерес-то как раз есть! Например, мои коллеги организовали летнюю школу русского языка в Вентспилсе – от желающих отбоя не было. Родители привозили детей из Курземе, это регион, где традиционно не было и нет такой русскоговорящей среды, как в Риге, тем не менее они хотели, чтобы их дети знали русский язык. Однако по финансовым и другим причинам сделать такую летнюю школу регулярной пока не получается. Конечно, меня огорчает, что среди молодых людей все меньше и меньше знающих русский язык. В то же время реальная языковая ситуация в Латвии такова, что русский язык по всем признакам не может здесь считаться обычным иностранным языком. Иностранному русскому языку сможет быть только тогда, когда у него де-факто не будет тех социолингвистических функций, которые он сегодня имеет. Кроме того, у русского языка в Латвии и сегодня есть социальная база – это многочисленные носители этого языка с их древней и современной историей и культурой. И историю никуда не денешь – она уже такая, какая есть...

МЫСЛЬ О ЖИЗНИ

История одной идеи

БЕСЕДОВАЛ

АНДРЕЙ КУЛЬБА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

УЖЕ БОЛЕЕ ШЕСТИДЕСЯТИ ЛЕТ КАЖДЫЙ СВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ ПРОФЕССОР МГУ, БИОФИЗИК СИМОН ЭЛЬЕВИЧ ШНОЛЬ НАЧИНАЕТ В 4 УТРА. В СВОИ 83 ГОДА ОН ПРОДОЛЖАЕТ ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКУЮ РАБОТУ. А ЕЩЕ – В БЛИСТАТЕЛЬНЫХ КНИГАХ И ЛЕКЦИЯХ – ВОССОЗДАЕТ ИСТОРИЮ РОССИЙСКОЙ НАУКИ. ВОССТАНАВЛИВАЕТ ДОБРЫЕ ИМЕНА ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ, ЖИВИ ОНИ В ДРУГОЙ СТРАНЕ, ПОЛУЧИЛИ БЫ НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ И ПОЧЕТНУЮ СТАРОСТЬ, А В НАШЕЙ – БЫЛИ РЕПРЕССИРОВАНЫ И НА ДОЛГОЕ ВРЕМЯ ЗАБЫТЫ.

— В 1962 ГОДУ ЗА РАСШИФРОВКУ ДНК НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ ПОЛУЧИЛИ УОТСОН И КРИК. ВЫ УТВЕРЖДАЕТЕ, ЧТО В ОСНОВЕ ИХ ИДЕИ ЛЕЖИТ МАТРИЧНЫЙ ПРИНЦИП РУССКОГО БИОЛОГА НИКОЛАЯ КОЛЬЦОВА, НА КОТОРОГО ОНИ НЕ СОСЛАЛИСЬ. МОЖЕТЕ ОБЪЯСНИТЬ ПОДРОБНЕЕ, КАК ТАКОЕ МОГЛО ПРОИЗОЙТИ?

— Для меня в истории главное – развитие мысли. Так, съезды естествоиспытателей и врачей в отечественной истории XIX века для меня важнее войн, декабристов, продажи Аляски. В схеме зарождение мысли Кольцова о матричном принципе выглядит так. В 1859 году Дарвин публикует «Происхождение видов» с идеей эволюции в процессе естественного отбора. Этот отбор происходит в ходе случайных процессов – в этом вся тонкость. Тогда как Ламарк до Дарвина думал о закономерной изменчивости...

И был еще другой человек за Дарвином – Вейсман, отсюда «вейсманизм», с которым позднее боролись последователи Лысенко. Вейсман разделил жизнь на две сущности: на бессмертную зародышевую плазму и брентную сому. Бессмертная часть – это плазма, в которой из поколения в поколение сохраняются и накапливаются признаки. А брентная сома – наша жизнь: мы живем и умираем, оставляя клетки, в которых сохраняется все, накопленное в предыдущей эволюции. Эти идеи захватили весь мир. Но особенно – российское общество. Россия после 1861 года становится совершенно уникальной страной. Таких стран ни тогда не было, ни сейчас нет. 1861 год – это не только Крестьянская реформа, но и взрыв мысли, который мало кто из историков отмечает. Мы никому тогда не уступали и были резонаторами самых новых идей, поэтому дарвиновская биология попала в России на замечательную почву. А тем не менее все было непонятно.

В декабре 1893 года и в январе 1894-го на 9-м съезде естествоиспытателей и врачей выступает профессор Александр Андреевич Колли, химик, мыс-

литель, всеми забытый. Величие Колли в том, что он высказал недоумение: как можно вместить огромное число наследуемых признаков в клетку, ведь там мало молекул?

Только я вспоминаю об этом выступлении Колли в своей книге «Герои, злодеи, конформисты отечественной науки» и на своих лекциях. Недавно, кстати, нашлась сотрудница химфака – прямая наследница Колли. Уже тоже не очень юная, она пришла ко мне и сказала, что тронута моими рассказами о ее прадеде. Это был замечательный человек, но он умер в 1916 году, ответа не услышав.

– *А разве тогда было известно, сколько в клетке молекул?*

– Колли, конечно, не знал, сколько в клетке молекул, но он был на самом деле прав. Коллеги его не слышали. Какая-то абстрактная идея, а тут полно реальных научных задач. Даже пренебрежительно к нему отнеслись. Все, кроме двух студентов. Одним из этих студентов был Николай Кольцов. Причем учитель Кольцова, Мензбир Михаил Александрович, не поддерживал этого интереса. Это была, я бы сказал, драма юности: человек видит поразительный вопрос, а его профессорам кажется, что это завиральное отвлечение от работы.

Чтобы ответить на вопрос, как поместить столько признаков в маленькую клетку, потребовалось 34 года. Ужасное мучение мысли. В 1927 году Кольцов публично выступил с ответом. Но о своих шагах на пути к ответу он уже в 1919 году, наверное, студентам рассказывал. Среди студентов, несмотря на Гражданскую войну, холод и голод, были молодые таланты. И среди них – Николай Тимофеев-Ресовский и Елена Фидлер, в дальнейшем Тимофеева-Ресовская.

Ответ Кольцова на вопрос Колли и есть самая главная идея XX и XXI веков. Кольцов этот ответ сообщил съезду естествоиспытателей, съезду зоологов, анатомов, гистологов в 1927 году и потряс молодых людей, а взрослые опять его не приняли, им казалось, что все это общие мысли. Общая мысль состоит в том, что хотя молекул мало, но это длинные-длинные полимерные нити, где каждое звено – каждый мономер – буква. Поэтому Кольцов ввел понятие текста, которого до него не было. Это первый шаг. Шаг второй: это не просто текст, а текст, который копируется, как типографский текст, как матрица, по которой делается реплика. И хотя он не знал как – а на то, чтобы узнать как, ушло еще примерно пятьдесят лет, – были поставлены все вопросы. Кроме того, он не знал, из чего сделаны эти буквы. Он думал, что из аминокислот, а они оказались нуклеиновыми основаниями. Для концепции это не важно. Это логическая конструкция.

Он не смог добиться понимания в 1927 году, но его ученики, и прежде всего Тимофеев-Ресовский, с этой идеей поехали за границу – они были посланы советским правительством. Сначала упра-

шивали Кольцова поехать, его лично уговаривал профессор Фохт, специалист по генетике и другим дисциплинам, известный тем, что лечил Ленина. Но Кольцов не поехал, послал к Фохту в Германию своего студента – Тимофеева. Причем Тимофеев так и не кончил университет, диплом казался тогда не очень важной бумажкой, это ему потом отчасти вредило. Тимофеев немецким и французским владел свободно, за границей он, имея громогласный мощный бас, вел семинары. Он повлиял на весь мир. В Берлине семинар, который он устроил, вызвал смущение, потому что чопорные немцы не представляли себе, что можно так обсуждать проблемы: живо, свободно, громогласно и без ограничения времени и тематики. Но самое главное – Тимофеев там же по идеям Кольцова стал делать опыты на дрозофилах, облучая их радиоактивным излучением, убивая отдельные буквы и вызывая мутации дрозофил.

– *А потом мутацию буквы – молекулы – под микроскопом изучали?*

– Нет. Они многих подробностей еще не знали. Они облучали, а потом смотрели, какова вероятность того, что будет нарушение (изменение) в организме. Можно было посчитать, какой минимальный объем необходимо облучить, чтобы произошла мутация. Называется это «концепция мишени». Они высчитывали размер мишени.

– *То есть таким образом определили размер гена?*

– Да. В этом и состоял вклад Тимофеева. Он разработал идею радиобиологических мишеней. И так определил размер одной нуклеиновой буквы. Там к нему в лабораторию пришел молодой Макс Дельбрюк – аспирант по квантовой механике. Он сначала пришел с гордой мыслью, что он им будет делать теорию, а они – эмпирики ползучие и ничего не понимают. На что Тимофеев ему сказал: «Максик, мы и без тебя понимаем, что делаем, – садись и работай». И теоретик, будущий великий физик, сидел и просто считал, обсчитывал результаты. А там очень большой счет. Инструмент – только логарифмическая линейка, а с этой линейкой считать бездну всего. Два года они считали. Три человека делали этот опыт: Тимофеев-Ресовский, Дельбрюк и местный физик Циммер. Написали статью в захудалый журнал, который почти никто не знал. Но зато они взяли 200 экземпляров оттисков и разослали по всему миру. Эту работу называли «Зеленая тетрадь» – по обложке. Ее все цитировали. В прошлом году в Nature отметили юбилей выхода этой работы – восемьдесят лет, если я правильно считаю. А юбилей статьи нечасто отмечают. Работа получилась замечательная. И ссылки на Кольцова в ней есть. Но из-за яркой личности Тимофеева некоторые читатели не заметили, что это концепция Кольцова, и все ссылались на Тимофеева-Ресовского как на источник первого материального представления

о природе гена. Отсюда широко стало известно, что гены – это молекулярные буквы (слова).

Итак, 30–40-е годы: Гитлер, война – все суется, главное – в это время движется мысль. Великий физик, создатель волновой квантовой механики Шрёдингер прочел статью Тимофеева и ахнул: благодаря матричному принципу, все в биологии становится ясным. И он стал как физик свои мысли по этому поводу всюду творчески пересказывать. Прочел курс лекций на тему «Что такое жизнь?». Нашелся хороший человек, студент, который записал эти лекции, и они вышли в виде книжки в начале 40-х. Эта

книжка оказалась еще одним чрезвычайным событием. Прочитав эту книжку, в биологию бросились физики, потому что, оказывается, и в биологии есть строгая теория. А матричный концепт стал общим местом, на него перестали ссылаться как на концепцию – это подразумевалось. И опять имя Кольцова исчезло. Оно исчезло не только поэтому...

– А Тимофеева-Ресовского Шрёдингер упомянул?

– Да. Шрёдингер наивно сказал: «Как полагают биологи...» и сослался на Тимофеева. А биологи ничего не полагали. Шрёдингер решил, что

о матричном принципе все биологи знают. Очень важна реакция на это друга Кольцова – английского биохимика, физика, физиолога, очень яркого человека, нобелевского лауреата впоследствии Дж. Холдейна. Он опубликовал – подобное я только раз в жизни видел – статью в Nature, где написал, что не «полагают биологи», а «придумал великий Кольцов». С ним тогда согласились, но все это проходит, выпадает из сознания. Никто сейчас об этой статье не знает. Когда я о ней рассказываю, все очень удивляются...

– *А как идея Кольцова дошла до Уотсона и Крика?*

– Дельбрюк после работы с Тимофеевым так и не вернулся в физику. Уехав из фашистской Германии сначала во Францию, а потом в Соединенные Штаты, он стал заниматься исследованием молекулярных механизмов генетики и наследственности. Ему Тимофеев посоветовал перейти на генетику вирусов и фагов, как на самые простые объекты. Это самое простое, там ничего лишнего, только генетика. Этот совет оказался крайне продуктивным. Дельбрюк создал в Америке так называемую фаговую группу и стал своего рода центром – к нему съезжались учиться. Естественно, он рассказывал про Кольцова, но больше про Тимофеева, потому что сам непосредственно общался с Тимофеевым. Примерно в 1951 году к Дельбрюку пришел молодой человек, орнитолог Джим Уотсон. Он сказал, что интересуется тайнами жизни и думает, что Дельбрюк близок к этим тайнам. На что Дельбрюк ему ответил: это очень мило, но что делать орнитологу в молекулярной биологии? Надо биохимию изучать. И послал его учиться в Европу к великому датчанину биохимику Калькару. Но биохимия требует систематического труда. Потом, вместо зеленого леса и пения птиц это сероводородные комнаты, растворители... Уотсон сбежал оттуда, нарушив указания и договоренности, и оказался в Лондоне, в группе знаменитых отца и сына Брэггов, нобелевских лауреатов, где изучали как раз структуру молекул белков. Там была только одна лаборатория, в которой изучали нуклеиновые кислоты. И в этой лаборатории была неприятная женщина, Розалинд Франклин, неприятная тем, что имела серьезный характер и не отдавала свои результаты всякому, кто хочет в них влезть, в том числе своему заведующему Уилкинсу. Рентгенограмма – это лист, пленка, на ней черные точки. По порядку точек на плоскости вы можете расшифровать трехмерную структуру. Непосвященному невозможно представить, как это можно по точкам на плоскости построить трехмерную структуру. Розалинд Франклин только одна на свете умела делать кристаллы ДНК и их рентгенограммы. Но она хотела исследовать их сама и никому не давать. А Уилкинс стащил у нее рентгенограммы и отдал в соседнюю комнату Фрэнсису Крику – замечательному физику, который легче, чем Розалинд, мог эти черные точки расшифровывать. Тот понял,

что на рентгенограммах какая-то очень странная молекула в виде спирали. Но почему она там, никаких соображений у него не было. И вот к нему попал Уотсон и привез идеи от Дельбрюка о том, что есть матрица и есть ее реплика. Идея двойной спирали. А Крику было непонятно, откуда вторая. Построив окончательную модель, ахнув от потрясения, что теперь все понятно, Крик и Уотсон заперли комнату, никого не пускали, пока не сделали статью для Nature. В марте 1953 года вышла эта знаменитая статья, где представлена структура двойной спирали ДНК. Следующий из нее матричный принцип – необходимый и достаточный для полного описания принципов молекулярной биологии. *Размножение*, когда матрицы копируются. *Изменчивость*, когда отдельная буква заменяется. *Наследственность* – когда буква сохраняется в репликах: три главных компонента биологии даны вследствие матричного воспроизведения.

– *А почему у нас мысль Кольцова не получила развития?*

– Когда Кольцов на съезде выступил, его услышали немногие. Он продолжал работать над своей идеей. За рубежом это все пошло дальше, а у нас тривиальная история – начались гонения, выдвинулся Лысенко. Лысенко стал президентом Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина – ВАСХНИЛ, которую придумал Вавилов, а самого Вавилова 6 августа 1940 года арестовали. Величайший человек вселенной Николай Иванович Вавилов и Николай Кольцов с чрезвычайным уважением друг к другу относились. Кольцов довольно чопорный человек, оба они были интеллигентными и сдержанными. Но когда начались ужасные события и Кольцова потащили на допросы, чтобы он дал показания против Николая Ивановича, то Кольцов сопротивлялся и на провокационные вопросы не отвечал. Но сердце у него не выдержало. Когда в декабре 1940 года он приехал делать доклад о своей концепции в Ленинград – сердце его остановилось.

И там есть еще одна трагическая история. Когда Кольцова еще до революции выгнали из университета за то, что у него в зоомузее обнаружили запрещенную литературу, он стал читать лекции на Высших женских курсах. И там познакомился с юной красавицей Марией Полиевктовой, которая стала его женой. Она говорила, что если что-то случится с Николаем Константиновичем, она не проживет ни дня. Все думали, что это просто экзальтация. Но когда он умер, она на второй день отравилась. Из Ленинграда для захоронения в Москву везли два гроба...

После смерти Кольцова по понятным причинам его имя исчезло. Великая генетика в нашей стране была до 1948 года, после этого долгое время и настоящего образования не было по глубоким проблемам. Книжки были, журналы, но это не сравнить с тем образованием, которое может дать

уважаемый человек, который знает общую идею. Я учился в университете с 1946 по 1951 год и ни разу в то время не услышал о Кольцове и Вавилове. Мы прошли всю науку без этих имен. Интерес к ним вспыхнул только после 1953 года, когда во всех возможных местах заговорили о двойной спирали, о величии Уотсона и Крика. Лет десять-двенадцать назад приезжал Джим Уотсон сюда, в Пушкино. Я его спросил, почему они в своих трудах не упоминают свои идейные источники. На что он нагло сказал – он ужасно наглый тип: «При чем тут Кольцов? Это все мы и так знали, никакой связи». И это, наверное, тонкий вопрос: важно ли для науки сохранение личности? Важно ли, кто именно открыл то, что сейчас стало общим достоянием?

– *Важно – для правильного понимания, как идея рождается и растет. И потом – истина всегда важнее.*

– Абсолютно. Поэтому у меня есть лекционный курс «История науки» – о поисках формулировки, о мучениях мысли. Всем, кому приходится заниматься похожим мучением, – дело не в масштабе – очень важно знать, как преодолевается то, что кажется непреодолимой трудностью. Легче

самому, когда знаешь, как плохо было другим. В математике, в физике, иногда и в жизни не хватает сил на преодоление. Поэтому изучение классиков – чрезвычайно замечательное дело. Что касается великой российской генетики – сейчас последние возможности найти какие-то живые следы тех лет. На современных симпозиумах упоминаются в основном те работы, которые были опубликованы год, максимум два года назад. Молодые самоуверенные люди рассказывают только о том, что в прошлом году узнали...

Сейчас у нас в институте очень шумят. Мы готовимся к аттестации, нам надо узнать, сколько у кого ссылок, в каких журналах напечатали. Есть такое дурацкое понятие – импакт-фактор журнала. Качество издания оценивается количеством отвергнутых работ. То есть если журнал из ста работ публикует три, значит, хороший журнал. Это просто глупость. Оценивается не смысл работы, а ажиотаж. Если у вас направление, в котором тысячи людей работают, то у вас большая конкуренция и будет большой ажиотаж. А если по вашей теме один-два человека на земле работают, как это бывает у математиков, как это сейчас происходит и у биологов? Кто может вас оценить, если вас один или двое? ●

СЕРГЕЙ ЛЕСКОВ

«МНЕ ПОСОВЕТОВАЛИ ОТСИДЕТЬСЯ В АМЕРИКЕ»

БЕСЕДОВАЛ

СЕРГЕЙ ЛЕСКОВ

АКАДЕМИК РОАЛЬД САГДЕЕВ НА КАЖДОМ ЭТАПЕ СВОЕЙ ЖИЗНИ ОКАЗЫВАЛСЯ ЧЕЛОВЕКОМ-СИМВОЛОМ. В ЭПОХУ СПОРА МЕЖДУ ФИЗИКАМИ И ЛИРИКАМИ ОН В 35 ЛЕТ СТАЛ САМЫМ МОЛОДЫМ АКАДЕМИКОМ АН СССР. ПОТОМ РУКОВОДИЛ ЭКСПЕДИЦИЯМИ К ДРУГИМ ПЛАНЕТАМ, СТАЛ ЛАУРЕАТОМ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ И ГЕРОЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА. В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ САГДЕЕВ БЫЛ БЛИЗОК К ГОРБАЧЕВУ, РАБОТАЛ ЕГО СОВЕТНИКОМ НА ПЕРЕГОВОРАХ С РЕЙГАНОМ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ. НА ВЫБОРАХ ДЕЛЕГАТОВ ПЕРВОГО СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ В АКАДЕМИИ НАУК САГДЕЕВ ЗАНЯЛ ВТОРОЕ ПОСЛЕ АКАДЕМИКА САХАРОВА МЕСТО, БЫЛ АКТИВНЫМ ЧЛЕНОМ ВОШЕДШЕЙ В ИСТОРИЮ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ, КОТОРУЮ ВОЗГЛАВЛЯЛ ЕЛЬЦИН...

В 1990 ГОДУ АКАДЕМИК САГДЕЕВ СОВЕРШИЛ РЕЗКИЙ, НО ВПОЛНЕ ТИПИЧНЫЙ ДЛЯ ТОГО ВРЕМЕНИ ПОВОРОТ – ЖЕНИЛСЯ НА АМЕРИКАНКЕ И УЕХАЛ В США. Сагдеев сменил один символ на другой. Его брачный союз стал как бы индикатором окончательного завершения холодной войны. Жена Героя Социалистического Труда и специалиста по ракетно-ядерному щиту СССР – внучка президента США Эйзенхауэра Сьюзен, которая управляет Фондом Эйзенхауэра. Академик Роальд Сагдеев преподает нынче в Мэрилендском университете, но навещает в Россию и следит, пусть иногда без всякого восторга, за событиями на исторической родине. Мы несколько раз встречались с профессором Сагдеевым в Мэриленде, и каждый раз он приходил пешком, хотя, пребывая в СССР, традиционно пользовался соответственно своему статусу лучшими лимузинами.

– *Роальд Зиннурович, взяли ли вы с собой в Америку Звезду Героя Соцтруда? Здесь этот раритет вряд ли у кого имеется.*

– Конечно, взял, горжусь наградой. Хотя ни разу не надевал, поэтому реакции не знаю. Однажды я спросил у Сьюзен, где мне поставят бюст, который полагается дважды Герою, если я стану еще и Героем Каптруда? Жена рассмеялась: «Дарлинг, если ты станешь Героем Капиталистического Труда, ты сможешь купить себе любой памятник на свете».

– *В СССР у вас был исключительный, привилегированный статус, много высоких должностей – от директора академического института до народного депутата. Почему же вы решили уехать? Из-за любви?*

– Из-за любви я женился. Уехал по другой причине. В 1990 году мы поехали с женой в Венгрию, потом в США просто посмотреть на жизнь, оставаться планов тогда никаких не было. Уже хотел было возвращаться, как звонит директор Института США и Канады академик Георгий Арбатов и говорит страшным голосом: «У нас создали правительственную комиссию по расследованию потенциального ущерба от твоей женитьбы и твоего отъезда. Так что советую отсидеться за границей». Что делать, вынул вещи из чемодана. Но что значит отсидеться, ведь надо работать. Сначала хотел делить время между Россией и Америкой пятьдесят на пятьдесят. Но стал преподавать в Университете Мэриленда, втянулся во многие проекты, в том числе по строительству Международной космической станции, в совместные научные исследования, в работу Фонда Эйзенхауэра, который консультирует Администрацию США. Стал писать книги, в том числе, еще до 11 сентября, об опасности исламского терроризма. Нет, жить на две страны никак не получается. Недавно новый дом на свои научные заработки приобрел и очень этим горжусь.

– *Недавно вам исполнилось 80 лет. Вас поздравляли и в родном Институте космических исследований в Москве, и в Мэрилендском университете. Разрешите присоединить свой слабый голос к сонму поздравлений. Но, зная ваш привычный склад ума, хочется поинтересоваться – что вы чувствовали во время хвалебных речей?*

– Когда-то давным-давно в Новосибирске я защищал докторскую диссертацию, и все меня хвалили. А при голосовании обнаружился один черный шар. Мой приятель и коллега, грузин, кстати, признался, что шар положил он, потому что противно, когда все хвалят. Вот мне на собственном юбилее тоже было противно. Но что делать, надо было терпеть. Ведь в науке важен не столько личный юбилей, сколько повод, который спланирует научную школу и соединяет единомышленников.

– *Если зашла речь о научной школе, то Ленинскую премию вы получили за исследования в области физики плазмы. Плазма – это термояд, который в 1960-е годы казался спасением от энергетических проблем нашей цивилизации. Но сейчас надежды на термояд тают как весенний снег. Вы по-прежнему патриот термояда?*

– Нет, я уже давно не верю, что в XXI веке проблема термояда будет решена, а дальше загадывать бессмысленно. Академик Евгений Велихов, который возглавляет междуна-

родный проект по строительству во Франции термоядерного реактора ИТЭР, выдвигает новые идеи, но мне они оптимизма не прибавляют. К тому же в проекте ИТЭР очень плохой менеджмент. Почти как на Олимпиаде в Сочи.

Термояд – это главное разочарование юности. Когда-то нам, молодым кандидатам наук, казалось, что мир на 99 процентов состоит из плазмы и, разгадав ее законы, мы познаем тайны мироздания. А теперь выяснилось, что плазма – это только 4 процента вещества Вселенной, а остальное – темная материя и темное вещество! И что это такое, никто толком не знает. Сплошные потемки. Этому радоваться невозможно.

– *Роальд Зиннурович, расскажите поподробнее, чем вы занимаетесь в Америке. В СССР вы были одним из самых востребованных ученых, были нарасхват. А в Америке?*

– Конечно, востребованность стала заметно меньше. Но в России сейчас, я полагаю, она была бы вообще мизерной. При том состоянии, до которого докатилась наука в России, я бы на стенку лез. В России наука на самом краю, почти крах. Нет, отчужденности в Америке я не чувствую. Я стал членом нескольких американских академий. У меня немало высоких знакомых, могу позвонить советнику президента США по науке. И с предыдущим советником тоже был знаком. Конечно, мне не хватает крупных проектов, которые были в СССР. Но в Америке сейчас тоже нет крупных проектов в науке, не строится ни одного ускорителя или дорогостоящей лаборатории. Исследования в области энергетики сошли на нет, всех устраивает нефть. В области перспективных реакторов на быстрых нейтронах Россия даже опережает Америку, которая довольна нынешней нефтяной конъюнктурой.

Во многих проектах выступаю в качестве связующего звена между Европой, Америкой и Россией. С гордостью вспоминаю, что организовал в нескольких городах США публичные памятные мероприятия по поводу запуска первого искусственного спутника Земли. В США по этому поводу торжества прозвучали куда громче, чем в России. Хотя первый спутник в космос был запущен в СССР, а не в Америке. Впрочем, в моем возрасте трудно браться за новое дело. Это для молодых. Все чаще я – советник. Первый раз был им у Горбачева.

Но главное – это преподавание в Мэрилендском университете около Вашингтона. У меня самый высокий статус – привилегированного профессора, то есть я имею право преподавать один семестр в году, остальное – научная работа. Читаю физику плазмы, общую физику, физику телекоммуникаций. В американском университете среди физиков, которые будут определять будущее планеты, 80 процентов – это студенты из Китая и Индии. Кстати, раз в три года профессору в университете США полагается менять курс, на старом багаже не засидишься.

Трудностей с языком уже давно не испытываю. Хотя в зрелом возрасте свободно, что необходимо лектору, освоить второй язык тяжело. Еще тяжелее подготовить статью для печати. Помню, как во время дискуссии на радио о «грязной» бомбе, которую мог сделать бен Ладен, чтобы разбрасывать над городами радиоактивные изотопы и прочие отравляющие вещества, испытал чувство злости на себя от того, что не могу, как хотелось бы, образно и убедительно выразить свои мысли.

– *Что вы думаете о состоянии российской науки? Сохранили связь?*

– Мой преемник в Институте космических исследований академик Альберт Галеев рассказывал, что однажды к ним, чтобы открыть российско-американский космический центр, приехали тогдашний премьер Сергей Кириенко и тогдашний вице-президент Альберт Гор. Естественно, наш директор подготовился к встрече, хотел, как положено в таких случаях, показать институт, рассказать о проблемах. Но премьер сразу после короткой церемонии направился к машине. Академик прошептал: «А как же космос?» Кириенко строго ответил: «Космос – вопрос не первой важности». И ушел, но на ходу обернулся: «И даже не второй». Никаких иллюзий в отношении российской науки я, увы, не испытываю. Мой оптимизм иссяк. Кадровые назначения в науке ставят в тупик. На денежных потоках сидят недостойные люди, которые губят науку и ее репутацию. Академия наук уважением не пользуется, это факт. Иногда хочется воскликнуть: «Неужели власть ничего не видит?!» Но я, видимо, наивен. Хотя мой родной Институт космических исследований в ряду других научных учреждений выглядит достойно. Но это происходит исключительно благодаря международному сотрудничеству и накопленному в советское время потенциалу. Только этот потенциал не вечен. Сейчас Европейское космическое агентство не хочет допускать Россию в крупный проект «ЭкзоМарс», хотя для нас это исключительно возможная возможность поставить на межпланетный аппарат свои приборы. Причина колебаний – недоверие к российским ракетам, которые утратили былую надежность. Хочу подчеркнуть, что связь с родиной и с российской наукой не потеряна, это очень важно для меня.

ИТАР-ТАСС

– *В ваше время в правительстве и в Государственной думе было много ученых, академиков. А сейчас их практически нет. Можете объяснить?*

– Ученый не должен заниматься политикой, или это не ученый. В США ученые тоже не имеют политического веса. Эпоха Джефферсона и Бенджамина Франклина ушла в прошлое. Предыдущий президент США, Буш, говорил про себя с гордостью: в Белый дом может въехать даже троечник. Признаюсь, в те времена, когда я был близок к Горбачеву и был депутатом, я был уверен, что это временное явление. Интеллигенция обречена на то, чтобы быть битой в политике, как бы она ни стремилась к иному. Классик прав: бытие определяет сознание. В реальной жизни политикой управляют бизнесмены. История много раз доказывала: интеллигенция проигрывает троечникам. Часто думаю: если бы сейчас был жив Андрей Дмитриевич Сахаров, какое место он занимал бы в политике? Говорят, он мог бы стать русским Гавелом. Вряд ли. Горько, но вряд ли он сохранил бы свое влияние. Интеллигенция оказалась никому не нужна уже во времена Черномырдина, который разогнал прежнюю команду академиков и сформировал правительство троечников. Сам Черномырдин тоже был троечником, что, впрочем, не мешало ему оказывать неплохим премьером.

– *Российско-американские отношения находятся сейчас не в самой светлой фазе, хотя идеологических расхождений между нашими странами давно нет. В чем причина?*

– Слишком часто у нас меняются представления о национальных интересах. Вспоминается эпоха Ельцина, его министр иностранных дел... Мне рассказывали, как экс-президент Никсон после встречи с Козыревым, который сообщил, что у новой, демократической России нет национальных интересов, только общечеловеческие ценности, долго отплевывался: «Я, как сукин сын, защищал национальные интересы, Киссинджер был еще больший сукин сын, а этому молодому человеку надо работать в филантропической организации». При Путине появился прагматизм по защите национальных интересов. Америка это понимает и уважает. Но вдруг от российских чиновников проскакивают непостижимые для рационального смысла решения. В Америке это отпугивает потенциальных инвесторов, которые больше всего ценят предсказуемость и стабильность.

– *Недавно у нас случилась череда крупных скандалов в Высшей аттестационной комиссии. Вы вспоминали о своей докторской диссертации. Но ведь в Америке нет такой системы, а наука сильнее.*

– Российская диссертационная система – следствие бюрократизации науки. Мой учитель академик Андрей Будкер, когда давал мне положительный отзыв, ехидно при этом заметил, что писать докторскую диссертацию аморально. Диссертацию ученый должен изготовить с помощью клея и ножниц из своих научных публикаций. В СССР, а теперь в России на диссертации ухо-

дит масса времени и ненужных сил, которые отвлекают от настоящей работы. Но на диссертационных делах кормится множество людей – и система сохраняется. К тому же можно заниматься поборам, набивать карман и греть руки.

– Скорее состоятся очередные выборы в Российскую академию наук. Не исключено, появится новый президент РАН, притом что академик Юрий Осипов в нарушение устава находится на этом посту дальше, чем Брежнев был генсеком. О слабости и неэффективности академии не говорит только ленивый, но реформам она успешно сопротивляется. В чем главный изъян и порок академии?

– Российская наука – давно не монастырь науки, хотя такой образ используется часто в оправдание ее неприкосновенности. Наука начала обрастать бюрократами при Хрущеве, когда появилось много новых институтов. Ака-

Академии наук), в Национальной академии наук США выборы не трехступенчатые, как в РАН (секция, отделение, Общее собрание), а одноступенчатые. В течение двух-трех лет идет открытое обсуждение каждой кандидатуры. Американские и европейские академики – профессора и завлабы. Представить, чтобы в Европе или в Америке в академию стучался губернатор, министр или депутат, невозможно в принципе. Это был бы переворот всех представлений о морали.

– Президент Академии наук Болгарии каждого ученого, который уезжает на Запад, провожает цветами, чтобы родину не забывал и, если сложится, вернулся. В России такая утечка умов, что никаких оранжерей не хватит. Иногда кажется, что из крупных ученых у нас только чудак Перельман остался. Много ли российских ученых сейчас в Америке?

«Никаких иллюзий в отношении российской науки я, увы, не испытываю. Мой оптимизм иссяк. Кадровые назначения в науке ставят в тупик. На денежных потоках сидят недостойные люди, которые губят науку и ее репутацию. Академия наук уважением не пользуется».

демики стали размножаться сотнями, хотя при Сталине их было несколько десятков. При советской власти государственные и партийные чиновники не могли рассчитывать на звание академика. А сейчас в академию стаями слетаются функционеры всех мастей. Академия – это уже не храм науки, а клуб хозяев грубой земной, но никак не духовной жизни. Если РАН и можно назвать монастырем, то очень богатым, нигде в мире такой зажиточной академии нет.

Система выборов в РАН – это апофеоз бюрократии. Дискуссия о кандидатах отсутствует вовсе, список держится в тайне и становится известен незадолго до голосования. Все знают, что судьбу ученого решают интриги, подношения и сепаратные соглашения. Серый и безликий академик всем удобен, но живой, активный и энергичный таит опасность. Главное для академии – сохранить в неприкосновенности финансовые потоки, а научные открытия оказываются побочным продуктом. Великий Яков Зельдович, соавтор Сахарова по водородной бомбе и трижды Герой Социалистического Труда, которого не допускали в академики, хотя он был автором фундаментальных работ, сказал: «В действительные члены выбирают тогда, когда член становится недействительным». Конечно, необходимо отменить архаичную двухступенчатую систему выборов академиков и членов-корреспондентов, которая себя изжила и не отвечает мировой практике.

В старейшем английском Королевском обществе, в очень престижном немецком Обществе Макса Планка (аналог

– В России еще есть хорошие ученые, которые трудятся честно, несмотря на все препоны и унижения. Но перспективы кажутся все более грустными. Конечно, в США условия для занятий наукой значительно более благоприятные. В Америке работает полтора десятка российских академиков, на постоянной ставке несколько сотен наших ученых. Самое для нас печальное – Америка высасывает из России самый продуктивный слой ученых 35–40 лет. За последние годы наши ученые получили немало престижных премий. Не знаю никого, к сожалению, кто не старался бы получить новые гранты, чтобы продлить свое пребывание в Америке. Тем не менее к российской науке, особенно в точных дисциплинах, сохранилось уважение. Но вот надолго ли? Американцы делят человечество на две категории – «винеров» и «лузеров» (победителей и проигравших). Если попал в «лузеры» – на тебе ставят крест. России необходимо, даже находясь сегодня в трудном положении, сберечь научные школы и сохранить преемственность между поколениями. И конечно, необходимо приобретать современное оборудование. Помню, нобелевский лауреат Александр Прохоров говорил мне, что без новых приборов можно удерживать ведущие позиции лет пять, не больше. После этого прогноза прошло куда больше пяти лет, а новое оборудование – тонкий ручеек. Можно этого не замечать и жить, как многие академики, в довольстве, на академическом пайке. Но я помню иные времена, и мне нестерпимо больно. В российской науке, как в деревне во время войны, остались только старики и дети. ❀

СТАНИСЛАВСКИЙ VS ВАХТАНГОВ

БЕСЕДОВАЛ

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

НЫНЕШНИЙ ГОД НАЧАЛСЯ ЮБИЛЕЯМИ ДВУХ ВЕЛИКИХ ТЕАТРАЛЬНЫХ РЕЖИССЕРОВ. В ЯНВАРЕ 150-ЛЕТИЕ КОНСТАНТИНА СТАНИСЛАВСКОГО ПРОГРЕМЕЛО НА ВЕСЬ СВЕТ ОТ МОСКВЫ ДО ЛОС-АНДЖЕЛЕСА: ВЕДЬ В ГОЛЛИВУДЕ КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ – ОДНА ИЗ САМЫХ ПОЧИТАЕМЫХ ФИГУР. А В ФЕВРАЛЕ ОТМЕЧАЛОСЬ 130-ЛЕТИЕ ЕВГЕНИЯ ВАХТАНГОВА, ТАКЖЕ ВО ВСЕ НЕ ОГРАНИЧИВШЕЕСЯ ПЛАКАТОМ НА ТЕАТРЕ ЕГО ИМЕНИ, ЧТО НА СТАРОМ АРБАТЕ.

ТЕАТРОВЕД, КРИТИК И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ РУССКОГО ТЕАТРА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ академии театрального искусства Алла Самохина объединила две круглые даты двух театральных мэтров и отправилась в их компании по городам и весям. Название ее программы больше напоминает рекламу боксерского поединка – «Станиславский vs Вахтангов», но о близости двух гениев в ней говорится больше и убедительнее, чем о различиях.

Вроде бы и популярной лекцией это не назовешь... Алла Самохина просто беседует со зрителями. И временами эта беседа прерывается сценками из жизни двух режиссеров, которые разыгрываются актерами театра того города, где показывают программу.

В этих беседах Аллы Самохиной Станиславский предстает консерватором, правда, вовсе не чужающимся чего-то нового. А Вахтангов – экспериментатором-весельчаком, опиравшимся на Систему больше, нежели сам подозревал об этом. Станиславский прожил вдвое дольше, но, по мнению Аллы Самохиной, сегодняшнему театру Вахтангов и его школа ближе и интереснее, чем творческие заветы Константина Сергеевича. «А жаль», – резюмирует театровед.

– Как бы вы определили жанр своих выступлений – лекция, беседа, чтения?

– Я бы очень не хотела, чтобы мое выступление зрители сочли лекцией. Это, скорее, беседа. Я и начала это дело, когда придумался интересный и необычный взгляд – великие режиссеры-юбиляры, учитель и ученик, их личные и творческие взаимоотношения. О Станиславском и Вахтангове я читаю лекции своим студентам в академии, но лишь малая часть этих лекций вошла в театрализованную программу. Все-таки у того, что произносится с кафедры и со сцены, разные цели и разный слушатель. Другой причиной появления этой программы стало то, что мне очень захотелось поговорить с людьми, случайными и не случайными, о классическом и современном театре. Подобные встречи и в столицах редкость, а в провинции их вообще нет. На мои выступления приходят актеры, которые живут внутри театрального процесса. Знаете, у них с утра репетиция, днем беседа о Станиславском и Вахтангове, а вечером спектакль. Надеюсь, это проникновение в их жизнь мэтров из прошлого воспринимается органично.

– О притягательности подобного жанра бесед о театре вы сказали. А в чем вы видите их главную сложность?

– Наверное, в разнородности аудитории. Ведь среди зрителей и актеры, и режиссеры, и искусствоведы, и библиотекари с музейщиками, и студенты гуманитарных вузов – да кто угодно. А посему не до конца ясно, каким языком рассказывать о моих героях и в какую сторону должно стремиться повествование – биографическую ли, историческую или творческую... По ходу разговора эта проблема исчезает, мы находим тему, которая интересна всем или хотя бы большинству. Потому, наверное, я и не имею строгого конспекта своего выступления. Общий план есть, но он тоже на бумаге не записан, а держится в голове. При этом я всегда готова от него отступить.

– Программа называется «Станиславский vs Вахтангов». На афише это смотрится очень эффектно. Противопоставление вы сделали ради интриги или в шутку?

– Тут и шутка, и одновременно не шутка. Взаимоотношения двух режиссеров сложно назвать

безоблачными. Снисходительный добродушный учитель и почтительный ученик – это не про них. Поначалу взаимоотношения действительно были такими – Вахтангов был не просто учеником, а соратником Станиславского. Но после революции у Вахтангова произошел прорыв, он увлекся изобретением новых форм и оторвался от учителя. В старых энциклопедиях можно прочитать о том, что Станиславский с восторгом принял вахтанговский стиль, но это не совсем так. Да, есть свидетельства о том, что Константин Сергеевич посетил премьеру «Принцессы Турандот» и сказал много комплиментов об этом спектакле, но остается вопрос: насколько ему действительно понравилось увиденное? И об обратной реакции создателя МХАТа тоже есть свидетельства и многое написано. Вахтангов об этом если и не знал, то догадывался. Приглашая учителя на спектакль, он написал: «Я почти убежден, что вам не понравится». Зачем Станиславский хвалил то, что ему не по душе? Думаю, потому, что ратовал за сценическое разнообразие, обладал широкой душой и любил всех своих учеников. Подтверждение этому мы находим в историях и личных, и творческих взаимоотношений Станиславского с другими своими воспитанниками. Мейерхольд, Михаил Чехов, Вахтангов... Все они шли иной дорогой, нежели их учитель, но вместе с тем все трое считаются любимыми учениками Станиславского.

– *Согласны ли вы с тем, что в отношениях Станиславского с Мейерхольдом было больше конфликтности, чем в отношениях Станиславского и Вахтангова, и противопоставление «vs» там было бы более уместным?*

– Да, конечно. Мейерхольд был экспериментатором по своей сути, отрицавшим старые театральные подходы. Система Станиславского для него тоже была пережитком. Вахтангов, как мне кажется, оторвался от учителя гораздо меньше и строил свою систему на фундаменте Станиславского. И личные отношения между Мейерхольдом и Станиславским были более драматичными.

– *Станиславский и Вахтангов и визуально представляются полнейшими противоположностями: первый – высокий, красивый, неторопливый, настоящий русский барин. Второй – худой, ироничный, стремительный, играл шекспировских шутов.*

– Вы правы, они были различны и внешне, и по амплу. Станиславский отличался вальяжностью, обаянием, хорошим выговором. Благодаря внешности и манерам играл в основном благородных героев, но всю жизнь тяготел к характерным ролям. Вахтангов был по крови осетином и на сцене блистал восточной страстностью, которая проникала во все его роли. Ему был близок гротеск, игра и несколько утрированный рисунок роли.

– *Как по-вашему, почему Станиславский и Вахтангов приняли Октябрьскую революцию, как о том пишут упомянутые старые энциклопедии, и не уехали из России?*

– По моему мнению, принять приняли, но не столь восторженно, как об этом писали в советское время. Вахтангов воспринял Октябрьскую революцию как театральную революцию, ожидая от происходящих в стране процессов в том числе и сценических перемен, внедрения новых веяний и форм. И окунулся в новую жизнь с головой. Станиславский шел к принятию завоеваний революции постепенно, без особенной радости, по необходимости. Его настроение во время событий 1917 года многие мемуаристы и исследователи определяют как смятение. В стране происходят кардинальные перемены и в театре, в любимой работе от них не спрячешься. На место прежнего театра приходит агитационный, классовый театр. И многие его ученики становятся апологетами нового направления. Станиславского, который, как мы уже говорили, был терпим к самым разнообразным театральным формам, в определенный момент начинает мучить вопрос: неужели никому в стране более не нужен психологический театр, театр нюансов и переживаний? Но с годами его уверенность в ненужности Художественного театра новой России сошла на нет, и Станиславский включился в активную работу. Спектакль «Дни Турбиных» по пьесе Михаила Булгакова можно назвать вехой в истории МХАТа – это постановка театра, принявшего революцию.

– *Кстати о Булгакове. В своем «Театральном романе» он изобразил Художественный театр (по Булгакову – «Независимый») погрязшим в интригах учреждением, которое душит всякое творческое проявление. В противовес ему мельком проходит веселая и живая «Когорта дружных», за которой скрывается студия Вахтангова. Как вы относитесь к такому свидетельству очевидца?*

– Я тоже люблю «Театральный роман». Воспринимать это произведение как документальное, наверное, не стоит, но мне кажется, Булгаков очень четко уловил и передал атмосферу тогдашнего театрального мира, и МХАТа в частности. Он пришел в театр в 1926 году, когда Станиславский и Немирович-Данченко разошлись окончательно – в романе замечательно описаны отношения между основателями МХАТа – и в воздухе театра витали не совсем здоровые флюиды. Булгаков их, естественно, почувствовал, в какой-то мере от них пострадал и показал со свойственной ему фантастикой и преувеличением. Интриги закулисья, клановые войны... без этого не обходится ни один крупный театр. А коллектив Третьей студии МХАТа, названный в книге «Когортой дружных», это студия, где собрались единомышленники. Естественно, там царят мир, любовь и свобода творчества. Они понимали друг друга с полуслова и могли разговаривать цитатами из своих спектаклей.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

– Если бы Станиславский и Вахтангов жили сегодня, кто, по-вашему, был бы более успешен?

– Современный театр больше тяготеет к вахтанговской природе. Говорю об этом чисто условно, впрямую воспроизвести стилистику Вахтангова невозможно. Сегодняшний театр в большей мере игровой и фантазийный, нежели психологический. Если вам интересно мое мнение, то я соскучилась по реалистическому и бытовому театру. Сегодняшние актеры в большинстве своем разучились воздействовать на зрителя словом. Мысль иллюстрируется действием, пластикой, музыкой... чем угодно. Слово второстепенно. Показательна история с пьесами Островского. Для удобства и, как полагают, достоверности, актеры и режиссеры коверкают язык Островского, превращая его в подобие современного. В итоге коверкается созданный автором образ. А актер школы Станиславского первым делом постарался бы присвоить этот язык, оживить его, и тогда он не казался бы устаревшим. Из театра, особенно столичного, уходит кропотливая работа режиссера с актером, вытягивание из актера новых красок. Время другое, другой ритм, всем некогда.

– Станиславский и Вахтангов жили и творили менее ста лет назад, о поставленных ими спектаклях и сыгранных ролях можно лишь прочесть, но не увидеть. А посему они лишь немногим понятнее нам, чем режиссеры и актеры времен Софокла или Шекспира. Вместе с тем от более поздних русских театральных классиков, Ефремова, Товстоногова и других, остались видеoverсии их спектаклей, и потомки поймут их лучше, чем Станиславского или Вахтангова...

– Действительно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. К тому же сегодня мы живем электронным и визуальным восприятием дей-

ствительности. Вредит ли Станиславскому и Вахтангову то, что их спектакли не сняты на камеру? Не знаю. Тем, кто любит театр, достаточно и литературы о Константине Сергеевиче и Евгении Багратионовиче – ее очень много. А других вряд ли увлекли бы видеoverсии их спектаклей. Современному массовому зрителю это зрелище показалось бы весьма специфическим, без подготовки смотреть его было бы тяжело.

– Вы преподаете в театральном вузе и, конечно, рассказываете о системе Станиславского. Для современных молодых актеров она остается букварем и инструкцией или воспринимается лишь как важная веха из истории театра?

– Трудно сказать. Я не занимаюсь с ними мастерством, я читаю лекции. Систему Станиславского мои студенты изучают внимательно и увлеченно, что-то спрашивают, ищут дополнительную литературу. Заметно, что их мастера внушили им важность этого изучения. Но занимаются ли со студентами методикой Станиславского на практических занятиях? Думаю, нет.

– Общепризнано, что в России переизбыток юристов и экономистов. Не кажется ли вам, что и актеров тоже многовато? Что в сегодняшние прагматичные времена заставляет молодежь поступать в театральные вузы? В столичные театры попасть непросто, в провинциальных – платят маленькие зарплаты...

– Меня это тоже удивляет, но вместе с тем и радует. Ведь конкурс действительно остается достаточно серьезным. Вуз, в котором я работаю, выпускает довольно много актеров, и все как-то устраиваются – и большинство по профессии. Почему идут в театр? Наверное, потому, что не могут не идти. ■

«НУЖНО ВНУТРЕННЕ БЫТЬ СВОБОДНЫМ»

БЕСЕДОВАЛА

ВЕРА МЕДВЕДЕВА

МИР ОДНОГО РЕЖИССЕРА ГЛАЗАМИ ДРУГОГО... СЕРЖ АВЕДИКЯН, ЛАУРЕАТ «ЗОЛОТОЙ ПАЛЬМОВОЙ ВЕТВИ» КАННСКОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ, СНЯВШИЙ НЕДАВНО ФИЛЬМ О СЕРГЕЕ ПАРАДЖАНОВЕ, СТРЕМИЛСЯ НЕ К ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ТОЧНОСТИ, А К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАЗНОСТИ.

В ЭТОМ ПРОЕКТЕ Г-Н АВЕДИКЯН ВЫСТУПИЛ ОДНОВРЕМЕННО В ДВУХ ИПОСТАСЯХ – РЕЖИССЕРА И ИСПОЛНИТЕЛЯ ГЛАВНОЙ РОЛИ.

— А ЕСТЬ ЛИ ИНЫЕ ПРИМЕРЫ, КОГДА один режиссер играет роль другого режиссера, да еще при этом снимает и саму картину?

— Наверное, есть, но сразу не могу вспомнить. Но скажу честно, я в начале и не собирался ничего совмещать. Роман Балаян предложил мне роль Параджанова, я сразу согласился и думал, что режиссером картины будет сам Роман. Но он сказал, что Параджанов был его другом, до сих пор живы многие из тех, кто его хорошо знал, поэтому ему было бы трудно взяться за этот фильм. Мы попытались привлечь еще одного режиссера, но он оказался занят. И в результате сценарист Елена Фетисова позвонила мне с предложением снимать самому. Мне это решение далось непросто. Я встречался с Параджановым и в Тбилиси, и в Париже. И в результате подумал: если я как актер играю роль режиссера и при этом сам им же и являюсь, то тогда, может быть, смогу точнее отобразить мир Параджанова, воссоздать его в фильме. И, кроме того, возможно, такое положение дел стало более интересным для динамики фильма, поскольку актеры уже воспринимали меня не только как исполняющего роль на съемочной площадке, но и как «Параджанова», отдающего режиссерские распоряжения в своих же собственных фильмах.

— Таковую «динамику» вполне можно себе представить, но не слишком ли это было суетно для вас самого? Ведь нужно было выставить кадр вместе с оператором, а потом бежать на площадку, вживаясь в роль.

— К счастью, все происходило не так. Я очень много работал над сценарием, потом над раскадров-

кой, сам принимал участие в кастинге и до начала съемок посетил все те места, где должны были сниматься эпизоды картины. Киев, Тбилиси, Ереван — я уже визуально представлял себе заранее, как все должно происходить. Когда работа началась, то все было организовано следующим образом. Утром на площадке мы еще раз обсуждали с оператором и художником, как все должно выглядеть в кадре, потом я объяснял съемочной группе, как будет строиться день, и только после этого шел гримироваться.

— Говорят, все армяне друг другу родственники. Но вы в жизни не особо похожи на Параджанова, а в фильме — напротив, только килограммов пятнадцати веса не хватает. Не стали стремиться к прямолинейному сходству?

— Специально толстеть было незачем. Я понял для себя одну вещь: этот фильм не должен быть чисто биографическим. Поэтому и я не должен

из личного архива С. АВЕДИКЯНА

Серж Аведикян
на исторической
родине,
в Армении

стопроцентно походить на Параджанова. Мне хотелось сделать фильм прежде всего о внутреннем мире такого творческого человека, каким был Сергей Параджанов. Конечно, в картине присутствуют и биографические моменты, от которых не отмахнешься, такие, например, как его тюремное заключение, но совсем не это было смыслом картины.

– *Многие современные режиссеры, наоборот, сконцентрировались бы на подобных деталях...*

– Нам хотелось этого избежать по многим причинам. И в том числе потому, что Параджанов умер всего 22 года назад. Еще прошло слишком мало времени, чтобы все расставлять по местам. Во французском прокате этот фильм будет называться «Я, Параджанов, советский артист». В этом названии заключена и определенная ирония, и напоминание о том, насколько Параджанов мечтал быть свободным творцом в условиях, когда та-

кой свободы не могло быть по определению. Наш фильм о духе творчества, который иногда может оказаться губительным.

Мне кажется, смысл картины в том, чтобы в художественном фильме сделать образ Параджанова более символическим, чем он был бы в документальном кино. И это дает возможность донести до зрителя некоторые мысли через его образ. Это – сегодняшний взгляд через персонаж из вчерашнего дня. И, кроме того, мне как режиссеру хотелось передать молодому поколению ценность такой личности, как Параджанов, чтобы у молодых возникло желание посмотреть его фильмы. Для меня же как для актера попытаться отразить внутренний мир этого человека было проявлением к нему уважения и любви.

– *Учитывая, за что именно получил срок Параджанов, приходится выбирать слова, а то нас не так поймут.*

– Я, признаюсь, люблю женщин, но являюсь открытым человеком. Для меня главное в людях – это их душевные качества, а не ориентация. И нужно не забывать одну вещь. При всем том Параджанов всю свою жизнь любил одну женщину, свою бывшую жену Светлану. Я это видел сам и могу подтвердить. Эта женщина была для него и возлюбленной, и сестрой, и матерью. Она была для него настоящей «иконой», несмотря на то, что они были в разводе.

– **Говорят, Параджанов был очень простым и приятным в общении. Так ли это?**

– Совершенно точно. Я попросил записать на кинокамеру нашу первую встречу в Тбилиси.

Серж Аведикян прокручивает видеозапись, сделанную во дворике дома Параджанова. Вокруг – много соседей с детьми, все улыбаются, звучит музыка. Параджанов показывает свои коллажи, изготовлением которых

увлекся в Тбилиси. Один из коллажей Параджанова висит на видном месте в парижской квартире Сержа.

Смотрите, такое впечатление, что все знают друг друга давным-давно. А ведь прошло только пятнадцать минут после нашей встречи. Правда, Параджанов знал, что я знаком с Ивом Сен-Лораном, а тот через меня послал ему несколько костюмов. Он знал также, что я специально приехал из Еревана в Тбилиси, только чтобы с ним повидаться. Потом мы еще встречались в Ереване на съемках, когда я там работал как режиссер. И затем много раз в Париже, в том числе когда Параджанова приглашали на ретроспективу его собственных фильмов.

– **Как вы считаете, исчезло ли уже то особое кавказское братство, которое объединяло представителей разных национальностей и которое так хорошо чувствуется на этих съемках трид-**

«Путешествие во времени»: Серж Аведикян в роли Параджанова на съемках в Грузии

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА С. АВЕДИКЯНА

цатиленной давности в тбилисском доме Параджанова?

– Последний раз я был в Тбилиси прошлым летом во время работы над картиной. И мне кажется, внутренне люди не особо изменились по сравнению с тем временем, когда я там встречался с Параджановым. Изменились только социальные формы. Сегодня все стремятся стать богатыми, считая, что богатство в том числе приносит и свободу. В определенной степени так оно и есть, но я думаю, это – ложная свобода. Прежде всего нужно внутренне быть свободным. В противном случае окажешься пленником своих же денег. Когда я снимался на тбилисских улочках в гриме Параджанова, подходили люди, которые его еще помнят. И все они – грузины, армяне, греки – остались такими же открытыми, радующимися жизни, любящими шумные застолья. В этих людях не изменилось главное – их душа.

– А в Париже как Параджанов оказался?

– Первый раз его пригласили на фестиваль грузинского кино в Центре Помпиду, а второй раз он приехал уже на ретроспективу своих фильмов. Наша картина о Параджанове заканчивается так. Он в Париже по приглашению французов с фильмом «Легенда о Сурамской крепости». Сергей смотрит Париж, и я это хорошо помню, поскольку его сопровождал, он счастлив, ведь осуществилась его мечта. И последний кадр – Параджанов, босоногий, но чувствующий себя принцем, ложится спать на лавочке около знаменитого Фонтана Стравинского, недалеко от Центра Помпиду. И все. Его мечта сбылась. К нему пришло то признание, к которому он стремился. Психологически для меня он и умер в Париже. Именно здесь Сергей лечился в больнице Сен-Луи, где я старался через день его навещать. Его потом больного отправили в Армению.

– А пользовались ли здесь его фильмы успехом?

– Тогдашнее поколение французских кинематографистов очень любило и ценило картины Параджанова. Конечно, про широкую публику говорить трудно, но что касается людей из мира кино, то Параджанов повлиял на многих из них.

– Когда вы начали снимать картину о Параджанове, что для вас было особенно впечатляющим?

– Могу рассказать одну историю. Мы работали в грузинских горах, недалеко от монастыря Давид Гареджи, где сам Параджанов снимал «Ашик-Кериб» и «Легенду о Сурамской крепости». Среди массовки находились люди, которые должны были переодеваться в такую же одежду, что была когда-то у персонажей Параджанова. И произошел удивительный эффект, я это видел по глазам: для них я и был Параджановым. Они смотрели эти фильмы еще в детстве и здесь оказались «внутри» своих любимых фильмов. Мы использовали в кадре машины того времени, кинокамеры того времени. Для этих людей Параджанов вернулся. И я еще раз понял для себя: каким же магическим чудом является кинематограф, ведь мы можем ввести персонаж в его же собственный фильм. А на съемках в Киеве для усиления эффекта использовался следующий нехитрый прием. Меня снимали на специальном зеленом фоне, а потом на него накладывали изображение из фильма Параджанова «Тени забытых предков». И получалось, как будто он на съемочной площадке руководит актерами. Также с фильмом «Цвет граната». Создавалось впечатление, будто Сергей говорит Софику Чиаурели: «Танцуй руками». Показывает ей движения, а она повторяет. Конечно, показываю я, а повторяет Софику в настоящих кадрах из картины Параджанова. Для меня такие моменты соприкосновения нашего фильма с фильмами Параджанова являются очень трогательными и эмоциональными. Это как путешествие во времени.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА С. АВЕДИКЯНА

– Скажите, пожалуйста, ваша внешность помогла или, наоборот, мешала здесь, во Франции, получать роли в фильмах?

– В молодости мне легко было играть разные «средиземноморские» типажи. Я много переиграл французов, евреев, а вот роли армян, как ни странно, мне стали предлагать только в последние годы. Я родился в Армении, до 15 лет прожил там, и уже 42 года живу во Франции. Когда я начинал выступать в театре как актер, то старался интегрироваться во французскую жизнь. И, снимаясь потом в фильмах, уже говорил совсем без акцента. Мне повезло, первые же картины, в которых я участвовал, имели коммерческий успех. Наверное, это было очень важно по многим моментам, поскольку в том числе дало мне возможность одновременно с фильмами для широкой публики начать сниматься в авторском кино, которое меня многому научило. Потом я и сам как режиссер сделал документальный фильм об одном эпизоде армянской истории. Мне это было просто необходимо. Я чувствовал, что очень отделился от корней. Умер мой дедушка, и мне хотелось сделать что-то в память о нем.

У всех армян очень силен голос крови, поскольку был геноцид нашего народа, мой дед это еще пом-

нил. А то, что турки до сих пор этого не признают, означает, что историческая рана никак не может зажить. Это все равно как будто ты прожил жизнь, а кто-нибудь скажет, что тебя и на свете никогда не было.

– Ваш фильм «Лающий остров» оказался очень сильным психологическим ударом. А турки почувствовали эту параллель между историей истребления стамбульских собак и геноцидом армянского народа?

– По-моему, да. Но и этой истории про собак тоже им хватило, поскольку они о ней ничего не знали. То же самое правительство, которое устроило резню армян, отдало приказание в 1910 году перевезти всех бродячих собак Стамбула умирать на необитаемый остров. Собаки, которые подкармливались на своих улицах и лаем распугивали воров, которые не создавали никаких проблем жителям, были ради «европеизации» Стамбула отправлены на жестокую смерть.

Я совершенно не хочу осуждать турок. У меня есть друзья-турки. Мне хотелось только напомнить, что это сделало то же самое правительство.

История с гибелью собак была настолько чудовищной, что я просто не мог показывать ее сред-

«Средиземно-морский» типаж двадцать лет назад

ствами художественного фильма, поэтому решил сделать анимационный фильм. Конечно, я не мультипликационный режиссер, мое дело поставить задачу и найти образы, а потом работают профессионалы в мультипликации. Дело в том, что параллельно с моей работой актера и режиссера я искал, как «реконструировать» память для будущих поколений. Получая награду в Каннах, я так и сказал: «У каждого режиссера свой секрет. Может быть, мой заключается в том, чтобы не дать разорваться связи между моим дедушкой, всеми предками и мною. Между моим отцом, армянином из Анатолии, и моим сыном, родившимся в Париже».

– Многие актеры и режиссеры, находя выигрышную тему, потом долго продолжают ее эксплуатировать. Вы же постоянно в жизни переходили к чему-то другому.

– Мне кажется, роль настоящего художника состоит в том, чтобы постоянно меняться, все время находить в себе то, что может быть интересно и другим людям. Но при всем этом я думаю, что художник всю свою творческую жизнь пытается донести одни и те же принципиальные для него вещи. Но он должен это делать в очень разных формах. В этом и есть секрет творческого человека.

Лично я всю жизнь выражаю приблизительно одни и те же мысли, только в совершенно непохожих формах. Уважение актера и режиссера к зрителю состоит в том числе и в стремлении не повторяться, а постоянно рисковать, искать новые формы. Нужно стараться развиваться самому. Ведь чтобы быть интересным, совершенно необязательно говорить с целым миром на его языке об абстрактном. Можно говорить на своем языке, о личном, но так, чтобы и другие могли для себя что-то открыть. Кинематограф является искусством, которое позволяет «переводить» переживания одних в чувства для других.

– Профессии актера, режиссера, продюсера требуют совершенно разных качеств, иногда противоположных. Как вам удается их совмещать?

– У меня всегда была жажда узнавать новое. И многие вещи приходилось учить по необходимости, когда чувствовал, что без этого нельзя. Нужно стараться слышать ту «необходимость», которая внутри нас. Сначала мне хотелось выразить себя через роли, потом захотелось сказать что-то как режиссеру. А кто мне даст работу? Решил сам сделать продюсерскую компанию и занимался ею десять лет. Но часто действовал вопреки продюсерской логике. Когда заканчивались деньги, то все равно продолжал снимать фильм. Сейчас я прекратил заниматься продюсированием, поскольку почувствовал, что это мне стало скучно. И тем более если еще работаешь на площадке как актер и режиссер, то нуж-

даешься в диалоге. В противном случае крутишься только вокруг себя.

Больше всего в жизни я люблю свободу, поэтому так ценю ту относительную автономию, которую могу иметь в работе. Расскажу, например, как пришел в мультипликацию. Я написал сценарий «Линии жизни», который основывался на реальных фактах и рассказывал о том, как в лагере художнику отрубают руки, чтобы он не мог больше рисовать. Это – настолько противоестественно и бесчеловечно, что возникает вопрос: «А как это показывать на экране?» Я рассказываю очень тяжелую историю, но хочу ли я, чтобы она была столь же тяжела и для зрительского восприятия? Я работал вместе с художником, мы сделали фильм в достаточно наивной манере, но этим достучались до душ зрителей. И благодаря этой форме фильм посмотрело гораздо больше людей.

Сейчас я снимаю полнометражный анимационный фильм. А скоро займусь совсем новым для себя делом: постановкой оперы – «Ануш» сначала пройдет в Ереване, потом ее привезут в Париж.

– Считается, что «новый люкс» XXI века – это не золотые часы на запястье, а «время, свобода и пространство». Похоже, вы как раз живете в стиле «нового люкса». А чего не хватает?

– Со временем очень сложно. Я думаю, нужно «спешить медленно». Не стоит гнаться за всем. Сначала надо решить, что тебе по-настоящему нужно, тогда и прикладывать к этому всю энергию. Я очень счастливый человек и как актер, и как режиссер, поскольку практически все, что хотел сделать, мне удалось осуществить. Так что у меня есть относительная независимость. Но, конечно, когда делаешь большие проекты, нужно уметь повести за собой людей. А чтобы это получилось, надо стопроцентно настраиваться на ту работу, которую делаешь. Тогда это почувствуют и все остальные. И, конечно, нужно уметь организовать работу людей. Организовать не отстраненно математически, а учитывая особенности каждого. В молодости я играл в футбол и был капитаном команды. Мне всегда нравилось работать в команде. И я люблю давать возможность другим показывать свои лучшие качества. То есть мне вовсе не нужно находиться только самому в центре внимания. Параджанов тоже был таким же. Мне везет в том, что я люблю людей, а также думаю, что нужно стараться отодвигать от себя негатив. Конечно, это не означает быть наивным. Но все же стараться это делать, чтобы сохранять позитивную энергетику. Для меня это совершенно принципиально. Лично мне кажется, что половина работы режиссера в том и состоит, чтобы создать вокруг себя группу людей, с которыми можно позитивно общаться и работать. И чтобы все двигалось в одном направлении. А чтобы такой настрой возник, его необходимо создавать. Нужно стараться каждую минуту формировать позитивный настрой. ■

СМУТИЛИСЬ ВСЕ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

В МАРТЕ 1613 ГОДА ЗЕМСКИЙ СОБОР ВСЕЯ РУСИ ВЫБРАЛ ЦАРЯ – МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА ИЗ БОЯРСКОГО РОДА РОМАНОВЫХ. И КОНЧИЛАСЬ НА РУСИ СМУТА. КОНЧИЛОСЬ ВРЕМЯ ПЛОХОЕ, ТЯЖЕЛОЕ, НО БОЛЕЕ ВСЕГО – НЕПОНЯТНОЕ. ОСОБЕННО НАМ, СМОТРЯЩИМ НА ЭТИ ПОЛТОРА ДЕСЯТКА ЛЕТ НАЧАЛА XVII ВЕКА С ВЫСОТЫ ЧЕТЫРЕХ МИНУВШИХ СТОЛЕТИЙ.

СМУТА – ЭТО ВРЕМЯ, вобравшее в себя все беды, которые могут случиться в государстве. Династический кризис и экономические неурядицы, политическая борьба за высшую власть и глубокий конфликт сословий, внешняя агрессия и сепаратизм. Наконец, вакуум верховной власти, отсутствие управления в масштабах государства. Великие историки прошлого прямо пишут: в течение нескольких месяцев страной не руководили вообще! Речь идет о 1611–1612 годах.

А еще Смута – это война. Война-матрешка, когда в одной долгой и большой войне возникали войны поменьше, имевшие самую разную природу. Были бунты, спланированные походы, столкновения вчерашних союзников, интервенции соседних государств, хрестоматийные осады, разбойничьи рейды... Порой казалось, что все воевали против всех. А это уже ключевой признак гражданской войны.

Нас как-то приучили все больше о гражданине Минине и князе Пожарском. О поляках, засевших в Кремле и сбежавших из Москвы в ноябре 1612-го. Невольно формируется ощущение, что поход созданного на Волге в 1611 году по призыву патриарха Гермогена народного ополчения на Москву – это какое-то совершенно самостоятельное историческое дейст-

вие, какая-то отдельная война с Польшей. Точнее, с польскими захватчиками, как в традиционной историографии аккуратно и расплывчато именуют войска гетмана Жолкевского, вошедшие в русскую столицу, между прочим, по официальному поводу. А именно: в связи с боярским приглашением польскому королевичу Владиславу занять царский престол. Это уже по ходу дела выяснилось, что польский король Сигизмунд III не для сына старался, а для себя любимого интригу затеял, что поляки москвичей за людей не считали, что чаяния боярства о приглашенном со стороны царе вовсе не отражали настроения

Один из моментов избрания Михаила Федоровича на царство. Сцена на Красной площади. Из книги «Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича» [СПб., 1913]

других сословий. Но война в рамках Смуты началась вовсе не тогда, когда гетман Жолкевский с полками приблизился к Москве в 1610 году. Хотя и на старте событий без польского участия не обошлось.

Смута на Руси в сугубо политическом плане началась со смертью последнего царя Рюриковича – Феодора Иоанновича. Согласно академику Платонову, ментальность русского народа к тому времени была такова: царь – хозяин земли, остальные – его подданные. А такие понятия, как государство, нация, закон, практически не имели смысла. Раз уж ты живешь в хозяйском доме, повинуйся хозяину. Рюриковичи в сознании народа были наделены этим правом хозяина от Бога. И когда династия пресеклась, нарушились привычные представления о мироустройстве. В этом смысле Борис Годунов, званный на царство, был обречен. У него, в отличие от Рюриковичей, не имелось права на ошибку. Ведь ошибка Богом избранного отличается от ошибки избранного народом. И пока Годунов не ошибался, все шло более или менее. Но грянули неурожайные годы, голод, и вспомнили люди добрые царю Борису странную смерть в Угличе в 1591 году царевича Дмитрия, младшего сына Ивана Грозного...

Не только Платонов, но и многие другие историки объясняют феномен самозванства на Руси в начале XVII века тем, что народ нуждался в восстановлении привычной картины мира. Не в государстве жили русские люди тогда, под властью царя они тогда жили. Но Богом данного царя нет, есть из мира людей вышедший Годунов. А это – не то... Значит, нужно искать того, настоящего, что от Бога. Самый простой способ, подсказываемый христианской душе в Евангелии, – «воскресение мертвых». Нет, не погиб царевич Дмитрий в Угличе. Спасся, вырос, спрятался в чужой земле. И готов вернуться. Так думалось, так мечталось.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Марина (Марианна) Мнишек (ок. 1588 – ок. 1614), авантюристка, дочь сандомирского воеводы Юрия (Ежи) Мнишека и Ядвиги Тарло, жена Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, коронованная как русская царица [8 (18) – 17 (27) мая 1606]. Выдана яицкими казаками русскому правительству. Умерла в заточении

ЛЖЕДМИТРИЙ I. ПОХОД КОНКИСТАДОРА

До этого нехитрого, но крайне эффективного приема додумались несколько польских магнатов, увлеченных «восточной перспективой» развития собственных земель: братья Вишневецкие и Юрий Мнишек. Они то и превратили бывшего инок Чудова монастыря в Московском Кремле Григория (в миру – Юрия Отрепьева) в спасшегося царевича Дмитрия. Впрочем, бродит по свету и другая версия: готовить Григория в самозванцы стали еще в Первопрестольной. Занимались этим остатки боярских родов на Москве, пострадавшие от годуновских репрессий.

Как бы то ни было, Лжедмитрия в 1603 году представили польскому королю. Даром что официально на сейме следующего года Польша на военную авантюру против Московии не согласилась. Предпочла держаться заключенного незадолго до этого мирного договора. Но магнаты-интриганы стали собирать частную армию, чтоб отправить ее на Русь. На первый взгляд план абсурдный. Однако агитпроп в русских землях уже сработал, множество недовольных царем Борисом ждали царевича как спасителя, а под самим Борисом трон уже шатался.

Осенью 1604 года отряды самозванца вторглись в пределы Русского государства. Народу под

Лжедмитрий I (год рождения неизвестен – 17 (27) мая 1606), самозванец, авантюрист, выдававший себя за чудом спасшегося русского царевича Дмитрия Ивановича, русский царь в 1605–1606 годах

хоругви Лжедмитрия собралось немного – не более 5 тысяч человек. Польских гусар – тысяча или чуть более, польских же пехотинцев – до полутысячи, беглых русских – 2–3 сотни да 2–3 тысячи черкасов (запорожских казаков). Возглавил армию сандомирский воевода и отец знаменитой Марины Юрий Мнишек.

Армия пошла на Москву не самой короткой дорогой: через южные пределы. Но были тут и свои плюсы. Прежде всего тотальное недовольство жителей пограничных со Степью городов московской властью. И этот расчет оказался верен. Города-крепости сдавались один за другим. В верности лжецаревичу признались Путивль, Рыльск, Севск, Кромы, Оскол, Воронеж, Елец, Ливны. В списке оказались даже те города, к которым войско Отрепьева даже не приближалось. Работу за него делало общее настроение в южном порубежье и казацкие отряды Украйны, поддержавшие Лжедмитрия и двигавшиеся на Москву по южным дорогам.

А сражения были? Были. С середины ноября держал оборону под руководством воеводы Басманова Новгород-Северский. Месяц держал с лишком, пока не подошла под его стены рать воеводы Мстиславского, посланная царем Борисом. Войско собиралось трудно, дворянское ополчение приказы Годунова саботировало. И все ж таки Мстиславский привел к Новгороду около 40 тысяч воинов. Самозванец располагал армией в два-три раза меньше. Три дня топтались друг напротив друга, ограничиваясь мелкими стычками. Наконец 21 декабря Лжедмитрий атаковал. Бой шел ни шатко ни валко до тех пор, пока русский военачальник не был тяжело ранен. Потерявши воеводу, приняли решение – отойти.

Характер войска Отрепьева и смысл всего похода вскрывается в одном-единственном событии. После условной победы под Новгород-Северским, который, кстати, так и не был сдан русскими, войско потребовало от Лжедмитрия платы. Конфликт кончился тем, что поляки во главе с Мнишеком лагерь покинули и отправились восвояси. Спасло псевдоцаревича то, что в его полуторатысячный отряд влилась очередная – весьма крупная – партия казаков, тысяч эдак двенадцать. И война, если ее можно так назвать, продолжилась. В январе 1605 года случилось второе сражение. Под селом Добрыничи. На сей раз москвиты разбили войско Лжедмитрия в пух и прах. Безвозвратные потери последнего составили более 11 тысяч.

Казалось бы, конец войне? И сам Отрепьев думал так же, мечтая вернуться в Польшу. Но в апреле умер Борис Годунов...

Прошло менее месяца, и все войско перешло на сторону самозванца. Войско на то и войско, чтобы служить кому-то или чему-то. Московские бояре посчитали за благо признать Лжедмитрия Дмитрием, и уже в июне он венчался на царство в Первопрестольной. Терпели его менее года. В мае 1606-го не то что свергли – убили...

БОЛОТНИКОВ. НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ

Бориса Годунова на царство избирали всем народом. С Василием Шуйским все обошлось проще. Хватило боярских голосов, поддержавших одного из организаторов московского бунта против Лжедмитрия I и первого по родovitости претендента. Отсюда и прозвище – «боярский царь». Едва на Руси узнали, что страну возглавил именно такой государь, началось мощное сепаратистское движение. Отпадать от Москвы стал один город за другим, особенно на юге, где многие открывали ворота самозванцу добровольно. Заволновались казаки, уверенные в том, что им не простят сочувственного отношения к Отрепьеву и его проекту. Свой интерес имели дворяне из богатых местностей, вроде Рязани. Понимали, что с воцарением Шуйского власть в полном объеме прибрана московская знать. Короче говоря, военная оппозиция сформировалась очень быстро. Шуйского объявили царем 19 мая 1606 года, а спустя пять месяцев армия «большого воеводы» Ивана Болотникова уже стояла в селе Коломенском, в нескольких верстах от Кремля. Сам Болотников – из холопов князя Телятевского, но лидером «крестьянской войны», как толковали в советских учебниках, он не был. В его весьма значительном по силе войске были и беглые крестьяне, и вольные казаки, и дворяне. Не за волю крестьянскую шли они биться против рати Василия Шуйского под Кромами и Коломной, у московского Симонова монастыря и за стенами Тульского кремля. Бились не «за», а «против». Ибо никакой внятной политической программы у Болотникова не имелось. Были призывы отнимать, грабить, убивать всех, кто относился к успешным сословиям. Речь шла не только о боярстве. Но и о представителях государственной службы, торговых людях, владельцах крепких хозяйств. Кровавый хаос прикрывался одной-единственной идеей: надо восстановить на престоле царевича Дмитрия, спасенного Провидением в Угличе. И хотя не только царевича, но и даже за худалого самозванца у Болотникова под рукой не оказалось, лозунг тем не менее работал. Уж больно опасались в народе Шуйского, который только старательно укреплял эти опасения жестокими мерами в адрес своих противников. Крупное сражение произошло в июне 1607 года на реке Восьме под Каширой. Болотников, располагавший 40 тысячами воинов, был разгромлен воеводой Иваном Воротынским. Болотников «со товарищи» осел в Туле. К этому времени дворянские отряды уже покинули его армию, убедившись, что им явно не по пути. Зато во множестве появились самозванцы. Первым – «царевич Петр Федорович», сын царя Федора. Затем – кого только не было. Лично мне особенно нравятся двое: Август князь Иван и Мартынка... Тема законного царя из рода Рюриковичей, имеющего право владеть русским народом, эксплуатировалась с особенной силой. Но не помогло. Осада Тулы завершилась успешно для царя Василия, гарнизон сдался в октябре. Болотникова пленили, ослепили и утопили в проруби.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Бой повстанцев
Ивана
Болотникова
с войсками
Василия
Шуйского
2 декабря 1606
года. Фрагмент
карты-гравюры
XVII века

ЛЖЕДМИТРИЙ II. МАРШ ИНТЕРВЕНТОВ

Сам по себе второй царевич-самозванец ничего интересно собой не представлял. Самая распространенная версия его происхождения – еврейский сын из местечка Шклов. Вероятно, нелегко было супруге первого самозванца, Марине Мнишек, при очной ставке в подмосковном Тушине признать в этом новом персонаже своего пусть легкомысленного, но не лишнего харизмы мужа Юру. Не случайно появилось выражение: «царевича водили». В том смысле, что он играл роль дурачка на ярмарке.

А руководили процессом теперь уже не из локального Самбора на русско-польской границе. Руководили уже из польской столицы, Кракова. Оглядываясь при этом на столицу шведскую – Стокгольм. В то время Польша и Швеция враждовали насмерть. А Московия, раздираемая Смутой, была и мечтой, и целью королей по обе стороны Балтики. Что польского Сигизмунда III, что шведского Карла IX, приходившегося, между прочим, первому дядей. Но если Карл, стремясь насолить племяннику и заодно отгрызть от Руси прибалтийские земли, напрямую и совершенно официально предлагал царю Василию военный союз, то Сигизмунд все еще опасался начать открытую войну. Хотя тайные санкции на формирование армии Лжедмитрия II выдал. Иначе б не потянулась к царевичу помимо фрондирующей шляхты шляхта, лояльная королевской власти.

Можно утверждать, что на сей раз основной армии вторжения стали польско-литовские вооруженные силы, профессионально подготовленные и ведомые достойными полководцами. В отличие от Юрия Мнишека. Этим и можно объяснить, что войска, двинутые по трем направлениям на Москву, справились с задачей за редкими исключениями полностью. Самого Лжедмитрия поляки вели на Москву через Калугу, отряды гетмана

Петра Сапеги двигались от Смоленска, группировка пана Лисовского – кружным путем, через Зарайск и Коломну.

Силы царя и «царевича» сошлись на Ходынском поле в июне 1608 года. И разошлись – каждая при своих. Стало ясно, что под Москвой возникла ситуация, когда у наступающих нет сил взять город, а у обороняющихся нет возможности врага разгромить. Царь остался в Москве. А Лжедмитрий II разбил лагерь в подмосковном селе Тушине, где речка Сходня вливается в Москву-реку. Вскоре лагерь превратился в деревянный мини-город. Отсюда и прозвище самозванца – Тушинский вор. Надо сказать, всерьез царевичем его никто из активных участников событий не считал. Ни москвичи, ни казаки, ни сами поляки...

Так и стояли летом 1608-го. Однако одной Москвой дело не ограничилось.

И тут уместно вспомнить об эпизоде этого этапа войны, который во многом предопределил ее итоги. Об обороне Троице-Сергиевой лавры. Конечно, и сам по себе самый богатый монастырь России являлся лакомой добычей для незваных гостей. Годовой доход обите-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ли по тем временам колоссальный – до 100 тысяч рублей. Но помимо этого Лавра имела военно-стратегическое значение. Южная и Западная Русь находилась в активной фазе Смуты уже несколько лет. Значит, конфисковывали и грабили все кому не лень. В центре еще восполнили урон, нанесенный голодом последних лет царствования Годунова. А вот Русский Север – Ярославль, Кострома,

Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Парсуна. Начало XVII века. Автор неизвестен

Оборона Троице-Сергиевой лавры. Художник С.Д. Милорадович. 1894 год

Вологда, Поморье – оставался нетронутым. Там имелся стратегический материальный запас, там осел людской ресурс...

Петр Сапега и Лисовский посчитали, что отсиживаться в Тушинском лагере совсем необязательно. Все равно сил для контратаки у Шуйского нет. И пошли в обход Москвы на северо-восток. На пути встала обитель. Конечно, мощные крепостные стены помогали. Но к Лавре подошли 30 тысяч врагов, а гарнизон – от силы 2,5 тысячи человек. И далеко не все были профессиональные ратные люди.

Было все: приступы и обстрелы, минные подкопы и каверзные уговоры. Но защитники Лавры справились и с атаками, и с моральным давлением, и с голодом, и с мором. Монастырь продержался с сентября 1608 года по январь 1610-го! То есть до того времени, когда побил поляков у Александровской слободы талантливейший полководец князь Михаил Скопин-Шуйский и сам Лжедмитрий II бежал из Тушинского лагеря в Калугу.

Скопину-Шуйскому принадлежит особое место в борьбе за Русь против войска Лжедмитрия II. Пожалуй, это был первый случай в истории Смуты, когда воевода действовал не по наитию или необходимости, а согласно четко разработанному плану. Скопин поставил себе задачу, с одной стороны, мобилизовать и организовать все силы Русского Севера на борьбу с поляками, с другой – методично теснить тушинцев из всех регионов, куда забрались их отряды. Обе задачи полководец выполнил. И сумел сконцентрировать в начале 1610 года в Москве внушительную военную силу, включая 12-тысячный отряд тяжелой – «кованой» – шведской пехоты. Одна беда – в апреле 24-летний воевода умер в столице при весьма СМУТНЫХ обстоятельствах.

Так или иначе, с самозванцем номер два все вроде бы рассосалось. Но пока рассасывалось, началась еще одна война.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

**СИГИЗМУНД.
ВОЙНА ПО ПРАВИЛАМ**

Шведские латники взялись в войске Скопина-Шуйского не по мановению волшебной палочки. Царь Василий, не веривший в возможность справиться с самозванцем самостоятельно, согласился на помощь шведского короля в обмен на территориальные уступки. Польский король только и ждал повода нарушить перемирие, заключенное чуть ранее на четыре года. Летом 1609 года Польша начала полномасштабную войну против Московского государства.

Казалось бы, после этого польская сила, собранная под знамена Тушинского вора, должна была получить новые импульсы. А она только и делала, что сдавала ранее обретенные позиции. Ответ прост: для многих в Тушинском лагере и в отрядах, бродивших и грабивших русские уезды, король Сигизмунд был таким же врагом, как и русский царь Шуйский. Анархия не терпит никакой власти.

Войска коронного гетмана и канцлера Великого княжества Литовского Льва Сапегы в сентябре 1609 года осадили Смоленск. Спустя три дня подошли основные силы во главе с королем. Всего под стенами «ключ-города» скопилось до 30 тысяч поляков, литовцев, немцев-наемников и запорожских казаков. Город обороняли 5,5 тысячи человек.

Гетман Жолкевский, непосредственно командовавший польскими силами, был не только против штурма Смоленска, но и вообще против войны с Россией. По всему видать, неглупый был человек. Однако король торопил, и первая атака состоялась в ночь на 25 сентября. Обороной Смоленска руководил замечательный военачальник Михаил Шеин. Один из тех, кто бил еще первого Лжедмитрия под Добрыничами в 1605 году. Воевода многое предусмотрел, если не все. Не мог он предвидеть только того, что осада города затянется на два года без четырех месяцев. Что Москва так и не сможет

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Осада Смоленска войсками Речи Посполитой в 1609–1611 годах. Гравюра начала XVII века

ничем помочь. Что к последнему штурму в июне 1611 года на стены с оружием в руках сможет выйти только 200 человек...

Когда поляки ворвались в Смоленск, бой продолжался еще целые сутки на улицах города. Оставшиеся в живых жители забаррикадировались в Успенском соборе на Соборной горке. Пали последние, и польские солдаты вломались в собор. Тогда и прозвучал взрыв, похоронивший героев-смолян и сотни врагов.

В живых из 40 тысяч мирных жителей осталось не более восьми! Гарнизон воеводы Шеина пал весь, до одного... Сам воевода, плененный в последнем бою после тяжелого ранения,

провел в литовских казематах девять лет.

Нужны ли были эти жертвы? Еще как нужны! После взятия Смоленска Сигизмунд вспомнил советы гетмана Жолкевского. Далее в Русь не пошел и развернул деморализованную армию в сторону Польши.

Почувствовать уверенность в себе королю не позволила даже победа Жолкевского над армией Шуйского при селе Клушино (недалеко от Гжатска, теперь – Гагарин) в июне 1610 года. Там встретились 30 тысяч русских, усиленных европейскими наемниками, и около 13 тысяч поляков вкупе с казаками. Нечасто наше воинство получало подобные оплеухи. Поражение под Клушином можно свалить на бездарность брата царя, воеводы Дмитрия Шуйского. Но, сдается, не только его ошибками можно объяснить происшедшее. Сражаться за «боярского царя» на Руси уже не хотели. За себя, за родную землю, как смоляне и оборонцы Лавры, – да. За Шуйского – нет. После Клушинской катастрофы путь для Жолкевского на Москву был открыт.

Отсиживавшийся в Калуге Лжедмитрий II считал, что пришел ренессанс. Однако его попытка

Ян Петр Сапега (1569–1611) у стен Троицкого монастыря. Гравюра XVII века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

снова вмешаться в войну окончилась для него трагически. В июле с престола свергли Василия Шуйского, власть над Москвой – но не над Московией – взяла боярская элита, и самозванец стал никому не нужен. Начался торг, смысл которого сводился к одному: на каких условиях русский престол займет сын короля Сигизмунда Владислав. И только один человек обсуждал эти условия, зная, что они не имеют никакого значения. Сам польский король Сигизмунд III. Русский престол он готовил для себя. А другой человек – гетман Жолкевский – понимал, что такая политика не приведет ни к чему хорошему ни при каких обстоятельствах. И потому, введя в Москву свои войска в сентябре 1610 года, гетман спустя несколько дней покинул русскую столицу. А Смоленск все еще держался...

ЛЯПУНОВ. ПЕРВОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

Реальной власти над Московским государством ни у кого не стало. Страна развалилась на города и уезды, где каждый местный воевода или боярин правил на свой лад и строил планы, исходя из собственных представлений. В Москве сидели поляки, контролировавшие главную коммуникационную линию на запад. В Новгороде осели шведы. Войны не было. Но и мира – тоже. Первыми, кто осознал необходимость начать хоть какое-то движение, стали думный дворянин Прокопий Ляпунов из Рязани, воевода Дмитрий Трубецкой и казачий донской атаман Иван Заруцкий. Все трое – фигуры сложные, противоречивые, отметившиеся в истории Смуты такими поступками, что выходят за рамки библейских морально-этических норм. Однако ж не поспешим осудить. Нам сегодня невероятно трудно разобраться в перипетиях тех лет, а уж каково было разбираться в них тем, кто жил в то суровое и динамичное время? На всех троих некоторые историки с легкостью вешают ярлыки

Карта России
нидерландского
картографа
Гесселя
Герритса,
изданная
в Амстердаме
в 1613–1614
годах по чертежу
царевича
Федора
Борисовича
Годунова

авантюриста, но, согласитесь, без некоторой доли куража на крутых политических поворотах удержаться в колее трудно. А без куража вовсе в эту колею и не вступают.

Свою войну в годы Смуты Прокопий Ляпунов вместе с Трубецким и Заруцким начал в 1611 году. Начал не просто так. Сначала над Русью разнеслось послание патриарха Гермогена, призывающее и на борьбу с польской силою, и на восстановление нормальной власти в пределах земли православной. Подняв рязанское ополчение, Ляпунов понимал, что сил для серьезного выступления у него маловато. Поэтому и послал весточки в города-веси, а также тем воеводам, что сохранили власть над остатками войск Тушинского вора. Все эти силы начали стекаться в Коломну и Серпухов, а оттуда двинулись на Москву. Столица взбунтовалась на первый взгляд спонтанно, но на самом деле к восстанию морально были готовы. Уж слишком мерзко вели себя поляки в Первопрестольной. Известен случай, когда один из шляхтичей, перепившись, стрелял в икону Богородицы над Сретенскими воротами Белого города. Начальник польского гарнизона гетман Гонсевский распорядился отрубить ему руки и заживо сжечь, но даже такая строгая мера в частном случае не примирила москвичей с нормами поведения вооруженных гостей.

Бои в столице шли три дня. Ополчение Ляпунова–Трубец-

кого–Заруцкого добилось того, что поляки закрылись в Китай-городе и Кремле. Но сил штурмовать эти укрепления у ополченцев не было. Остальную Москву – Белый и Земляной город – польские солдаты сожгли согласно практике тех лет: чтоб врагу негде было укрыться на подступах к стенам крепости. Эта выжженная земля и осталась под контролем ополчения. Принципы, согласно которым формировалось первое ополчение, вырабатывались, как говорится, на марше. Но слишком противоречивы были интересы участников процесса. Несмотря на то, что «временное правительство» трех лидеров задекларировало основные позиции, казаки-ополченцы остались недовольны и в конце июля на казачьем кругу Ляпунова убили. Ополчение фактически прекратило существование. Близилась осень 1611 года. Оставались считанные недели до октября, когда в Нижнем Новгороде Кузьма Минин приступит к формированию второго ополчения...

Политическая Смута на Руси пресеклась в 1613 году. В военном отношении все успокоилось несколько позже – в 1618-м. Когда завершился поход теперь уже короля Владислава на Москву. Сейчас об этом редко вспоминают, но вражеский лагерь располагался все на том же пресловутом Тушинском поле, бои шли у стен Земляного города, полякам удалось прорваться к Арбатским воротам. А всяк, кто бывал в Москве, знает, что от Арбатской площади до Кремлевской стены – менее километра. Но все обошлось. И в декабре 1618 года был заключен мир. На целых четырнадцать с половиной лет. Польский король больше не помышлял о русской короне. А русские начали размышлять, когда и как вернуть утраченные в результате Смуты исконные земли. Ну, хотя бы Смоленск с Черниговом... ❶

ЧЕЛОВЕК-
ТЕАТР

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

НАША ЛИТЕРАТУРА КАК-ТО ОСОБЕННО БОГАТА МУЧЕНИКАМИ И СТРАДАЛЬЦАМИ, А СЧАСТЛИВЫХ И БЛАГОПОЛУЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ В НЕЙ РАЗ-ДВА И ОБЧЕЛСЯ. «ДОГАДАЛ МЕНЯ ЧЕРТ РОДИТЬСЯ В РОССИИ С УМОМ И ТАЛАНТОМ!» – КЛИМАТ НЕ ТО ЧТО НЕ БЛАГОПРИЯТСТВУЕТ, НО ДОБАВЛЯЕТ ЕДВА ЛИ НЕ ВО ВСЯКУЮ СУДЬБУ ТОСКИ И ЗАБОТЫ, ПОДМЕШИВАЕТ ВО ВСЯКУЮ ЖИЗНЕННУЮ ПЬЕСУ ТРАГЕДИИ. АЛЕКСАНДР ОСТРОВСКИЙ – ЕЩЕ ИЗ СЧАСТЛИВЧИКОВ: ПИСАЛ, ПЕЧАТАЛСЯ, ЛЮБИЛ, БЫЛ ЛЮБИМ ЖЕНЩИНАМИ И ПУБЛИКОЙ, К КОНЦУ ЖИЗНИ ДАЖЕ БЛАГОПОЛУЧЕН. НЕВИДИМЫЕ МИРУ СЛЕЗЫ СЛУЧАЛИСЬ, ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО БЬЕШЬСЯ ЛБОМ ОБ СТЕНУ, – БЫВАЛО. И ВСЕ-ТАКИ ЭТО ОДИН ИЗ САМЫХ ГАРМОНИЧНЫХ РУССКИХ ТАЛАНТОВ.

Александр Николаевич
Островский (1823–1886).
Начало 1860-х годов

КАК И МНОГИЕ ЛИТЕРАТОРЫ середины XIX века, он по происхождению – из духовного сословия. Отец его, Николай Федорович, был сыном священника, семинаристом, который не стал батюшкой, а предпочел судейскую карьеру. Дослужившись до восьмого класса, получил, как полагалось, личное дворянство (Саше к этому времени уже было шестнадцать). Мать, Любовь Ивановна Савина, мягкая и добрая женщина, была дочерью просвирни и пономаря. Жили Островские в Замоскворечье – уютном, радужном, бестолковом, с его двухэтажными домиками и высокими колокольнями, населенном свахами, купцами, дьячками, мещанами, ремесленниками, мелкими чиновниками. Утопающее в колокольном звоне, пахнущее пирогами идиллическое Замоскворечье было замкнутым миром со своими правилами и понятиями, своими драмами, своими удовольствиями – зимой катанье на сани, летом на лошадях, гулянье в Сокольниках или Марьиной Роще. У маленького Сашки, старшего из детей Островских, была няня Авдотья Ивановна Кутузова, фигура почти равнозначная Арине Родионовне по вкладу в русскую литературу: она и сказки рассказывала, и песни пела, и прибаутки знала неисчислимое множество... Островского с детства окружала живая, узорчатая языковая стихия, тот самый язык московских просвирен, учиться которому советовал Пушкин. Для того чтобы из этого получилась большая литература, стихия должна была встретиться с культурой; великий писатель – это, как правило, великий читатель. У Островского-старшего была большая библиотека, и старший сын, Саша, много и охотно читал.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ТАЛАНТ, РЕШИТЕЛЬНЫЙ ТАЛАНТ!

Мать Островского рано умерла – Саше было 8 лет. Четверо детей остались сиротами. Отец женился через пять лет на обрусевшей шведке Эмилиии фон Тессин; мачехой она оказалась внимательной и доброй, учила детей языкам и музыке, заботилась о них как родная мать. Детей вскоре стало шестеро. Саша еще гимназистом начал писать стихи; отец, однако, прочил ему юридическую карьеру, так что после выпуска 17-летний Островский пошел учиться на юридический факультет Московского университета, куда имел право поступить без экзаменов, поскольку баллы в аттестате были довольно высокие. Но юриста из него не получилось. «Три семестра прошли благополучно, на четвертом не явился на экзамены, пробыл еще год на втором курсе, затем на экзаменах получил по истории римского права единицу и подал на имя ректора прошение об увольнении его «по домашним обстоятельствам»», – рассказывает биограф Островского Михаил Лобанов.

Отец устроил юношу писцом в совестный суд на 4 рубля жалованья; затем он перешел в суд коммерческий – чиновником стола «для дел словесной расправы» и дослужился до 15 рублей. За восемь лет службы перед глазами Островского прошла бесконечная вереница разнообразных персонажей. Он слушал, смотрел, запоминал, накапливал... Наконец судебные впечатления легли в основу первой драмы, сначала названной «Банкрот», а потом переименованной в «Свои люди – сочтемся»; сцены из нее появились в 1847 году в «Московском листке» за двумя подписями: А.О. и Д.Г. «Д.Г.» был артист Дмитрий Горев. Степень его участия в создании пьесы неизвестна, предыдущая его пьеса, «Государь-Избавитель», довольно беспомощна, однако скандал он устроил шумный, и Островскому долго еще приходилось оправдываться и доказывать свои права на пьесу.

Вид
Замоскворечья
с Вшивой
(Швивой) горки

Первая его законченная пьеса – «Картина семейного счастья». Он впервые прочитал ее публично у профессора Шевырева, лекции которого слушал в университете, 14 февраля 1847 года (14-е Островский с тех пор считал своим счастливым числом). Успех был триумфальный. Хозяин дома поздравил гостей «с новым светилом в отечественной литературе». Еще больший успех ожидал «Банкрота», которого автор читал в 1849 году у Михаила Каткова; наконец, на одном из чтений, у графини Ростопчиной, Островского слушал Гоголь, который нашел, что новый драматург – талант, решительный талант! Пьеса, уже под заглавием «Свои люди – сочтемся», вышла в журнале «Москвитянин» в 1850 году и возмутила

часть московского купечества, которая нашла в ней клевету на свое сословие: молодой купец фактически грабит своего благодетеля. Купцы подали жалобу на Островского, царь ознакомился с пьесой, нашел, что опубликована она зря, а ставить ее не следует. Молодого автора отдали под негласный полицейский надзор, который был с него снят только в начале царствования Александра II, а пьеса добралась до сцены лишь в 1861 году.

Шли последние годы царствования Николая I, памятные современникам и потомкам тем, как удушало всякое вольное слово, как принудительно насаждалось благонравие. К пьесе предъявили претензии, что порок в ней не наказан, как следовало бы. Хотя другая часть московского купечества говорила, что пьеса вполне актуальна и проблема в ней ставится верно.

Николай
Федорович
Островский,
отец драматурга

СЕМЕЙНЫЕ ДРЯЗГИ

С 1849 года Островский жил в отцовском доме вместе с невенчанной женой Агафьей Ивановной, женщиной простой и необразованной, но милой, любящей и заботливой – здорово похужей на обломовскую Агафью Матвеевну, разве что, может быть, она была не такая зашуганная.

Один из посетителей, М.И. Семевский, оставил воспоминания об Островском в начале его семейной жизни: маленький дом, грязная лестница и неза-

пертая по московскому обычаю дверь; за дверью визитера встречает маленький мальчик с пальцем во рту, за ним другой, за ним кормилица с грудным, и только в третьей комнате сидят хозяин с хозяйкой – причем хозяйка сразу убегает за перегородку, а хозяин мучительно думает, следует ли ему снять халат. «Я увидел перед собой очень дородного человека, на вид лет тридцати пяти, полное месяцеобразное лицо обрамляется мягкими русыми волосами, обстриженными в кружок, по-русски (а la мужик или а la Гоголь – как его рисуют на портретах), малозаметная лысина виднеется на маковке, голубые глаза, кои немного щурятся, при улыбке дают необыкновенно добродушное выражение его лицу», – рассказывал гость.

Отец Островского его мезальянса не принял, отношения отца и сына до самой смерти первого оставались натянутыми. Отец купил имение и уехал; ничего хорошего от беспутного сына не ждал, деньги ему давать перестал: живи как знаешь. И Островский жил с семьей на скудные на первых порах литературные и театральные гонорары. Дети числились незаконными и не имели права на отцовскую фамилию. А отцовские надежды оправдал младший сын, Михаил Николаевич, который со временем дослужился до министра. Человек честный, прямой, заботливый и верный долгу, он опекал двух осиротевших племянниц, дочек третьего брата, а к старшему брату своему относился с любовью и заботой. Дети Агафьи Ивановны умерли во младенчестве – кроме одного, Алексея Александрова, который умер в 21 год, пережив свою мать на два года; ничего не осталось от двадцатилетней жизни и семьи. Поразительно отношение к этому браку наследников Островского, детей от второго, венчанного брака: они не сочли нужным даже сохранить для потомков фамилию Агафьи Ивановны.

Злые языки бесконечно рассказывали об Островском сплетни: что он считает себя русским Шекспиром; что языков не зна-

Москва.

Дом в Николо-Воробинском переулке, где с 1841 по 1877 год жил А.Н. Островский

ет, а переводит... «Хотя Островский и жил в Москве, но это не помешало любителям распространять слухи о его частной жизни: будто он пьет без просыпу и толстая деревенская баба командует над ним, – писала Авдотья Панаева. – Когда рассказчику заметили, что Островский, кроме белого вина, ничего не пил за обедом, то на это следовало объяснение, что Островский, приезжая в Петербург, боится выпить рюмку водки, потому что тогда он уж запьет запоем...». Семевский замечал: «Сколько переслышал я о нашем современном драматургическом таланте и пошлых пасквилей, и глупых анекдотов – и никогда, решительно ни в один из многих моих визитов к Островскому не заметил я ни одной черты, ни одного намека, которая бы оправдывала хоть сотую долю из всего того, что говорят его завистники и его недоброжелатели». И еще: «...скромность, добродушие и незлопамятность характера видна и в речах и в поступках Александра Николаевича».

Первая сценическая постановка пьесы Островского состоялась в 1853 году, и с тех пор он ежегодно пополнял репертуар русских театров новыми пьесами. Играть театрам было совершенно нечего: были старые, выспренние классицистские трагедии, уйма бессмысленных водевилей про жену и мужа... были «Недоросль», «Горе от ума» и «Ревизор». И все. «Борис Годунов» впервые добрался до сцены в 1870 году. Потребность в хороших русских пьесах была колоссальная, а в пьесах нового автора было что играть: для каждого актера чудес-

ная роль, которую так интересно осваивать, и есть чем блеснуть... правда, и здесь не обходилось без капризов: иные актрисы наотрез отказывались играть старух или простолюдинок в платочках. Пьесу «Не в свои сани не садись», историю соблазненной и покинутой купеческой дочери Дуни, выбрала для своего бенефиса молодая актриса Любовь Косицкая. Она явилась перед публикой в ситцевом платье – и совершенно умягчила сердца зрителей естественностью и простотой. Пьеса имела шумный успех. Тем не менее, по старому закону о театральных гонорарах, драматургу полагались 4 процента от театральных сборов в столицах, а за провинциальные постановки не полагалось вовсе ничего. Островский долго боролся с этой несправедливостью, но сдвинуть что-то с мертвой точки ему удалось много позже.

«ГРОЗА»

Голубоглазая и золотоволосая Косицкая совершенно очаровала Островского. На похоронах Гоголя в Даниловом монастыре она рассказывала ему, как любила слушать колокольный звон. Из рассказов Косицкой – о детстве, о Волге, о необыкновенных снах – постепенно складывался образ летящей, странной, мечтательной души, воплотившийся потом в Катерине из «Грозы». Любопытно, что сыграла Катерину Косицкая – по сути, ее прототип.

Роман Островского и Косицкой был мучителен для обоих; он страдал от вины перед своей Агафьей Ивановной, для Косицкой, как и для Катерины, понятие греха было абсолютно. Я не хочу отнимать вашей любви у другого человека, – строго сказала она ему. А сама вскоре влюбилась в ничтожество, в купеческого сынка, который разорил ее и унижал; сама любовь Островского была оскорблена этим выбором.

Но чтобы из первых впечатлений получилась «Гроза» – нужен был еще важный душевный опыт. В 1856 году великий князь

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Константин Николаевич задумал литературно-этнографическую экспедицию по Волге; ее организатором стало Морское министерство. Литераторы должны были путешествовать по реке и собирать материалы о жизни населения по ее берегам, о его быте, промыслах, торговле, языке, творчестве и т.п. Волгу поделили между участниками экспедиции, Островскому достались верховья: Тверь, Торжок, Кострома... Два лета подряд Островский ездил по Волге; собрал огромное количество разных материалов, в том числе примеры местных говоров: «перечень» – боковой ветер, «призятить» – взять зятя в дом, «прямушка» – прямая тропинка, по которой ходят и ездят, когда грязна большая дорога. Необыкновенный речной простор, спокойная и уверенная красота Волги – это сразу задает систему координат в «Грозе», где река и гроза становятся такими же участниками действия, как и люди. Это новый театр, доселе неслыханный: здесь двигателем сюжета становится атмосфера. Атмосферу Островский создает мастерски: здесь и физическое ощущение простора – кажется, выйди, раскинь руки и лети... И несколько хронологических пластов – вот как Герцен писал, в столице XIX

век, а отъедешь от нее – там уже XVII, а дальше и вовсе кафры с готтентотами... Здесь и Борис из XIX века, и Кулигин из XVIII, и Кабаниха, словно сошедшая со страниц «Домостроя», и дальше, и глубже в темень веков, до людей с песьими головами... И темная дикость в душах, и фольклорная, светлая стихия, роднящая Катерину с Ярославной...

«Гроза» не выносит однозначных приговоров, позволяет самые разные интерпретации – оттого и спорят так о ней до сих пор: Кабаниха – заботливая мать, носительница вечных ценностей или чудовище? Катерина – луч света в темном царстве или забитая неграмотная женщина? Социальный протест или духовный кризис? Пробуждение души или окончательная гибель? А может, она и вовсе *в прелести* была, как написал недавно один журналист? Островский только показывает – ярко, выпукло, дотошно – и не дает никаких однозначных ответов: думайте сами.

Поразительно странное совпадение «Грозы» с так называемым «кльковским делом», о чем рассказывает Михаил Лобанов. Островский закончил «Грозу» 9 октября 1859 года, а 10 ноября в Костроме вытащили из Волги тело местной мещанки Алексан-

А.Н. Островский читает пьесу «Гроза» актерам. Вторая справа – Л.П. Косицкая

дры Клыкковой. Расследование показало, что она была влюблена в местного почтового служащего, что ее изводила властная свекровь, а добрый, но покорный матери муж никак за нее не заступался. Читать «Грозу» Клыккова никак не могла. Премьера состоялась 16 ноября, вскоре после ее гибели, а в печати пьеса появилась еще позже, в 1860 году. «Гроза» была встречена триумфально. В том же году она получила Уваровскую премию за лучшее драматическое произведение. Критики бросились в схватку: горькая история Катерины стала поводом поговорить о насущно важных вопросах – как Добролюбов в знаменитом «Луче света в темном царстве»: об общественном климате, возможных перемен, прогрессе, цивилизации и так далее. Писарев откликнулся размышлениями о Бокле; Катерина, Бокля не читавшая, «лучом света» быть никак не могла. Критики отталкивались от литературы, чтобы порассуждать о необходимости социальных перемен. А зрители плакали и рукоплескали в театрах.

«Я ТОЛЬКО И ДЕЛАЮ, ЧТО РАБОТАЮ...»

Триумфов в жизни Островского вообще было немало. В.А. Герценштейн так рассказывает о бенефисе Прова Садовского в Москве (играли «Свои люди – сочтемся»): «Что творилось в театре в этот вечер, не поддается никакому описанию. Молодежь вынесла Островского на руках, без шубы, в двадцать градусов мороза, на улицу, намереваясь таким образом доставить его до квартиры, и, когда более благоразумным удалось накинуть ему на плечи шубу и усадить в сани, толпа в несколько сот человек различного пола и возраста направилась по сугробам снега к дому автора. Островский жил тогда в Замоскворечье, в самом центре «темного царства», и в эту ночь шумная толпа потревожила сон многих Кит Китычей, мирно покоившихся на высоких пуховиках. Островский появился на

пороге своей квартиры, вызванный оглушительными криками толпы, он раскланивался со всеми, двух или трех вблизи стоявших обнял и расцеловал и выразил сожаление, что не может пригласить и вместить в своем доме всех, «хотя и поздних, но милых гостей»...»

Провалы, разумеется, тоже бывали. Материальное положение лучшего русского драматурга, чьи пьесы шли по всей России, оставалось довольно шатким. Семевский, редактор журнала «Русская старина», попросил у него в 1879 году воспоминаний для публикации. Островский откликнулся горьким монологом: «С лишком тридцать лет я работаю для русской сцены, написал более 40 оригинальных пьес, вот уже давно не проходит ни одного дня в году, чтобы на нескольких театрах в России не шли мои пьесы, только императорским театрам я доставил сборов более 2 миллионов, и все-таки я не обеспечен настолько, чтобы позволить себе отдохнуть месяца два в году. Я только и делаю, что или работаю для театра, или обдумываю и обделяю сюжеты вперед, в постоянном страхе остаться к сезону без новых пьес, т.е. без хлеба, с огромной семьей – уж до воспоминаний ли тут!»

Через два года после смерти Агафьи Ивановны он снова женился; избранницей его стала актриса Мария Васильевна Бахметьева. Детей у этой пары было шестеро. Чтобы всех прокормить, Островский писал по две пьесы в год, получая от недоброжелателей упреки в халтуре, поспешности; со временем, разумеется, стали говорить, что он «исписался». Он не исписался, но искал новых путей: создал несколько замечательных по стиху и знанию материала исторических хроник, много переводил иностранных пьес, начиная с шекспировского «Укрощения строптивой» – «Укрощения злой жены», которую он перевел прозой в 1850-м и стихами в 1865-м, назвав ее на сей раз «Усмирением своенравной». За

Русские писатели круга журнала «Современник»: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Д.В. Григорович, А.В. Дружинин и А.Н. Островский (крайний справа). Фотография С.Л. Левицкого. Март 1856 года

Шекспиром последовали Плавт, Теренций и Сенека. Новым импульсом для переводов стала его поездка по Европе: Островский объездил несколько стран, восхищаясь красотой природы и архитектуры – до слез, до ощущения, что сердце не может вместить такого счастья. Вернувшись, он взялся за переводы итальянских авторов: Гольдони, Гоцци и современных драматур-

гов. Переводил с французского – часто в рабочих целях, для бенефисов знакомых актеров, причем некоторые пьесы в его переводах оказывались удачнее, чем в оригиналах. Он перевел несколько интермедий Сервантеса, а смерть оборвала его работу над «Антонием и Клеопатрой» Шекспира. 47 (по другим подсчетам – 49) оригинальных пьес и 22 перевода – целая театральная эпоха.

Островский не раз жаловался, что ему приходится заниматься всем: и растолковывать актерам роли, и присутствовать на репетициях, и следить за тем, чтобы режиссер не искажал авторский замысел... Но вряд ли бы он всем этим занимался, не будь он таким энтузиастом театра, требовательным и страстным. В конце жизни он написал, что он и есть русский театр: «Другие искусства имеют школы, академии, высокое покровительство, меценатов; для драматического искусства покровительственным учреждением должен бы быть императорский театр, но

Мария Васильевна Бахметьева, вторая жена А.Н. Островского

он своего назначения давно не исполняет, и у русского драматического искусства один только я. Я – всё: и академия, и меценат, и защита». Заносчиво? – да нет, справедливо.

ВОЗ ОРЕХОВ ДЛЯ БЕЛКИ БЕЗ ЗУБОВ

Островский – один из основателей Литературного фонда, созданного в 1859 году для помощи нуждающимся литераторам и ученым; Литфонд оказался чрезвычайно нужным и живым начинанием, пережившим много правителей и режимов. Второе его общественное начинание – Общество русских драматических писателей и оперных композиторов, нечто вроде профсоюза, который в конце концов отвоевал для авторов пьес и опер право получать пристойные гонорары за постановки; с этих пор материальное положение самого Островского стало хоть сколько-то стабильным. В конце жизни он стал получать назначенную императором Александром III пенсию в 3 тысячи рублей.

Островский, живущий театром и едва ли не в театре, вникал во все театральные процессы, ясно видел, что надо исправлять в театральном деле, – и в 1881 году вошел в комиссию «для пересмотра законоположений по всем частям театрального управления» при Дирекции императорских театров. Эта его работа принесла много пользы артистам, до тех пор бывших такими же бесправными, как и драматурги.

У него было множество планов и идей по реорганизации театра, но не было возможностей. Он знал всё: как учить актеров, как формировать труппу, как правильно организовывать бенефисы, какой должна быть репертуарная политика... Возможности появились в 1885 году, когда Островского назначили заведующим репертуарной частью московских театров и начальником театрального училища. Должность была важная, требующая гражданского чина, по Табе-

Дом А.Н. Островского в Щельковом. Фотография А.М. Кондратьева. 1889 год

ли о рангах соответствующего генеральскому, а Островский как ушел в отставку из суда губернским секретарем, так и остался чиновником двенадцатого класса; это как поручика ставить командовать армией. А командовать больше было некому.

Он был уже немолод и нездоров, и назначение свое прокомментировал так: «Дали белке за ее верную службу целый воз орехов, да только тогда, когда у нее уже зубов не стало».

Поработать на новых должностях он успел совсем недолго, до конца сезона, с декабря 1885-го по май 1886-го, когда – уже совсем больной – уехал в свое любимое Щельково, выкупленное для него братьями после смерти мачехи. Там он с упоением

Шарж на А.Н. Островского. 1884 год

предавался рыбной ловле, там думал, принимал гостей, писал пьесы, торопясь успеть к началу сезона, – там и умер 2 июня от разрыва сердца.

И хотя он в последние годы жизни вел огромную организационную работу, писал в основном заметки и записки по организации театрального дела – талант нисколько не оскудел: в последнее десятилетие написаны «Бесприданница», «Без вины виноватые», «Таланты и поклонники» – и нежнейшая, прозрачнейшая, прекрасная «Снегурочка», совершенно новое слово в театре и литературе.

Не дидактичный, не назойливый, внимательный к людям, он как-то интуитивно понимал их и воссоздавал во всей мешанине красоты и безобразия, наделял собственными физиономиями и безупречно точными речевыми характеристиками: десятки непохожих, не повторяющихся, своеобразных персонажей, целая галерея портретов – от акварельно-нежных до плакатно-ярких, сотни шаржей, набросков, карикатур. Это был «органический», по определению его друга Аполлона Григорьева, талант: для кого другого русская действительность – варварская, скудная и бедная почва, а для него – полная сокровищ. Так человек незнающий и равнодушный проходит по лесу – ну травка, ну птичка, ну дерево, – а для влюбленного в лес наблюдателя тут у каждой букашки есть свое имя и богатая жизнь, у каждого семечка история, и зверская, равнодушная жестокость здесь, и божественная гармония... Недаром его знаменитое прозвище – «Колумб Замоскворечья» – подчеркивает именно эту сторону его дара: первооткрывательскую.

Сам он был человек спокойный, уравновешенный, добрый, и жизнь его лишена африканских страстей и крутых поворотов – упорный многолетний труд, классическое «делай что должно, и будь что будет». А получился из этого практически в одиночку воздвигнутый русский национальный театр. ■

ПЕЧАТНЫМ ШАГОМ

АВТОР
МИХАИЛ БЫКОВ

ЕЖЕЛИ КАКОМУ-НИБУДЬ КИНОРЕЖИССЕРУ НАДОБНО НАЙТИ АНТУРАЖ ДЛЯ СЪЕМОК НЕВЕСЕЛОГО ФИЛЬМА ПРО НАШУ СУРОВУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ КОНЦА 80-Х – НАЧАЛА 90-Х – МОГУ ПОДСКАЗАТЬ АДРЕСОК. В МОСКВЕ, НЕДАЛЕЧЕ ОТ СТАНЦИИ МЕТРО «БЕГОВАЯ», НА УЛИЦЕ С ТЕМ ЖЕ НАЗВАНИЕМ. ПО ПРАВУЮ РУКУ ТОМУ, КТО ДВИЖЕТСЯ ОТ ЦЕНТРА.

ОКАЗАЛСЯ В ЭТОМ ЗДАНИИ по случаю. В одной из расположенных там редакций вдруг решили выплатить авторский гонорар.

И в советское время, когда к армии относились крайне внимательно, пятиэтажный параллелепипед на Беговой улице выглядел скучновато и казенно. Одно слово – казарма добротного провинциального гарнизона. Но светились над главным подъездом два слова – «Красная звезда». Да четыре метровых орден на рядом давали понять – адрес серьезный и достойный. И тогда, и сейчас «казарма» на Беговой – место дислокации издательства Министерства обороны «Красная звезда» и редакции одноименной газеты – главного периодического издания наших Вооруженных сил.

Сегодня, правда, главный вход почему-то закрыт. Но есть еще два: правее – в кафе с неприятным и неизбежным названием «Звездочка», левее – доступ в газетно-печатные недра. Доступ, само собой, ограничен видавшим жизнь охранником, очевидно, из офицеров-отставников. Впрочем, отставные печатники выглядят примерно так же. Вот тут и начинается искомый режиссерами-«чернушниками»

антураж. Ясно, что в зданиях, входящих в систему Минобороны, жизнь определяется приказами. И так же ясно, что последние приказы по покраске стен, замене дверей, ремонту лифтов и обыкновенной уборке отдавались тут последний раз в советское время. Рядом с постом охранника – обшарпанный и пустой стол. Этот объект мебельного дизайна а-ля 60-е явно не на своем месте. И верно: на сте-

Номер газеты
«Русский
инвалид,
или Военные
ведомости»
за 3 января
1840 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

не над столом одинокое объявление какой-то турфирмы, предлагающей шикарно отдохнуть на вечно зеленых курортах Египта. Тут же – записка от руки: телефон менеджера Маши (кажется). Звоните, мол, если надо в Египет. Листок заметно истрепался спустя полтора месяца после новогодних календ. На этажах картина примерно такая же. Уныло, серо, тусклый свет сквозь немые с прошлого века окна, скрип дверей. И редкие люди, такие же мрачные и неприветливые, как пейзаж за немтыми окнами. Да простят автора сотрудники «Красной звезды», но репортажные строки из песни не выкинешь. Что увиделось – то увиделось...

СНАЧАЛА – «ИНВАЛИД»

Как и почему в XX веке у нас это слово – «инвалид» – приобрело ущербно-обидный характер, уже не понять. Но в веке XIX в России оно вызывало несколько иную реакцию. Скорее – уважительную. Ибо инвалидами называли по большей части военных ветеранов, честно служивших Родине и выведенных из штатного состава армии и флота по увечью или другому нездоровью. Не случайно первое военное издание в стране получило название «Русский инвалид». Не потому, конечно, что было адресовано только военным инвалидам. Автор проекта Памиан-Пезаровиус изначально предложил, чтобы вся прибыль от военной газеты поступала в

В.С. Садовников. Санкт-Петербург.
Панорама Невского проспекта.
В доме №28 (угол Невского
и набережной Мойки) располагалась
редакция газеты «Русский инвалид»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

помощь ветеранам-инвалидам. Только что закончилась кампания 1812 года по выдворению Наполеона из пределов России, и армия, перейдя границу, отправилась в поход на Париж. Благотворительность по случаю последствий войны 1812 года приветствовалась всем русским обществом. Слух о «доброй» газете мгновенно распространился среди читающей публики. Не оставили издание без внимания и на самом вершине. Дабы обеспечить издание конкурентным преимуществом, редакции передали право первой получать и печатать военные сводки с европейского театра боевых действий. Первый номер газеты вышел в феврале 1813 года. Выглядел он так: шесть полос формата А-4 (чуть больше. – **Прим. авт.**), рубрики многообразно не блистали. Но зато в них было главное – новости, как российские, так и зарубежные. А кроме того, отчеты о пожертвованиях в адрес ветеранов войны. Жизнь «Русского инвалида», как и любой другой газеты, прожив-

«Морской сборник». №8, 1887 год. Обложка

шей век и более, наполнилась и успехами, и неудачами. К последним привели попытки главредов объединить под одним брендом сугубо военную и общественно-политическую информацию. В начале реформ Александра II подзаголовок подчеркивал: «Газета военная, политическая, литературная и ученая». Издание сократило количество полос – до четырех, но перешло на ежедневный режим выхода. Что по тем временам – профессиональный подвиг. В 1869 году, когда военная реформа графа Милютина уже разворачивалась, именно военный министр принял решение о превращении «Русского инвалида» в профессиональную армейскую газету. Понимал, что значило для военных иметь собственный печатный орган. Газету структурировали на военный манер, наполнили специальной информацией. В таком виде она дожила до 1917 года.

К слову, «Русский инвалид» возродился в 1992 году. Но уже под другим покровительством – Всероссийского общества инвалидов (ВОИ) – и, соответственно, с иной концепцией.

С АРМЕЙСКОЙ ПРОПИСКОЙ

В XIX веке появились и два основных военных журнала: «Военный сборник» и «Морской сборник». Причем военно-морское ведомство опередило сухопутных коллег на десятилетие, приступив к изданию «МС» в 1848 году. Это старейший военно-морской журнал не только в России, но и в мире. Дело заладилась сразу. В «Морском сборнике» охотно печатались такие разные, но равно уважаемые в России люди, как основоположник русской военной хирургии Николай Пирогов и адмирал-новатор Степан Макаров, физик, академик Борис Якоби и дипломат князь Евфимий Путятин, открывший для России официальную Японию, родоначальник российской педагогики Константин Ушинский и составитель словаря Владимир Даль. Журналы того времени не чурались художественной литерату-

ры. Повести, рассказы, описания приключений рассматривали как обязательный десерт к основному блюду. «Морской сборник» не был исключением. На его страницах публиковались Александр Островский, Иван Гончаров, Константин Станюкович, Алексей Писемский...

«Морской сборник» – тот феноменальный случай военной периодики, когда после февральских и октябрьских событий 1917 года издание не прекратило существования и даже не было временно закрыто. Кто знает, вероятно, особое положение флота в революционных событиях того времени и особое отношение большевиков к опоре их власти в лице революционных моряков Балтики сыграли важную роль в сохранении издания. Старейшее флотское издание выходит и сейчас.

У «Военного сборника» судьба оказалась потруднее. Основанный в 1858 году по прямому указанию военного министра графа Милютина, он сразу вызвал к себе живейший интерес в офицерской среде. Число подписчиков превышало 5 тысяч. Напомню, самому Пушкину двадцатилетием ранее с редактируемым им «Современником» и близко не удалось приблизиться к такому показателю. В год основания в «Военном сборнике» по штату числилось 39 офицеров и 5 статских. В 1869 году «ВС» объединили с газетой «Русский инвалид». В том смысле, что издания сохранили творческое лицо, но управление и – главное – стратегия определялись для них в одинаковой степени военным руководством страны. Для проведения единой политики было принято решение ввести объединенного главного редактора. Что-то нам знакомое, верно? «Военный сборник» довольно часто вынужден был лавировать между цензурой и читательским интересом, между консервативным и либеральным крыльями русского армейского орла. «Русскому инвалиду» было легче, так как он занимался в основном

оперативными новостями, как и положено газете. А «ВС» к 1910 году в два раза уменьшил подписку по сравнению с годом основания журнала. Тут есть некий парадокс. Многие прогрессивно мыслявшие военные признавали, что журнал справляется с ролью воспитателя и советника офицерского корпуса. Сам офицерский корпус после некоторых финансовых и организационных реформ, проведенных Николаем II, воспрянул духом, стал инициативнее и любознательнее. А тут – на тебе!

В отличие от своего морского собрата «Военный сборник» перевороты 1917 года не пережил.

Но если кто-то думает, что это все, чем была богата военная периодика Российской империи, тот глубоко ошибается. К началу Первой мировой войны под эгидой военного и морского ведомств по общественной инициативе выходило в свет 7 общих и 12 узкоспециализированных журналов (например, «Артиллерийский журнал» и «Вестник русской конницы»), 11 журналов для нижних чинов, 8 газет, 13 флотских изданий, 6 изданий при военно-учебных заведениях, начиная с «Вестника Николаевской академии Генерального штаба» и заканчивая «Юнкерскими досугами» в Одессе. А также: 4 военно-медицинских издания, военно-музыкальное, Пограничной стражи и еще официальные и не очень бюллетени, всяческие периодические листки. Сюда же можно присовокупить около 30 изданий, к которым русское офицерство тяготело и в профессиональном, и в бытовательском плане. Речь о журналах по автоделу, авиации, конному спорту и коневодству. Наконец, в массовом порядке и систематически издавались истории русских воинских частей, что тоже приобрело характер периодического воздействия на аудиторию. Было что почитать, ей-богу! И – было кому писать. В русском обществе печататься в военной периодике считалось делом приличным и довольно выгодным. Поэтому в прессе отметились не только офицеры, владевшие словом, вро-

Иллюстрированный военный журнал «Часовой». №1-2, 1929 год. Париж

де Петра Краснова и Антона Деникина, но и вполне статские господа. Особенно отчетливо это показала Первая мировая война. Фронтовыми корреспондентами отправились на войну Валерий Брюсов, граф Алексей Толстой, Михаил Пришвин... Серьезно занимался периодической военной печатью в начале Гражданской войны Александр Куприн.

Кстати, о Гражданской войне. Вернее, ее последствиях для тех, кто не разделил красную идею, уцелел в боях, не сгорел в тифу, не встал у расстрельной стенки и – покинул родную землю. Пожалуй, главными изданиями военной эмиграции стали журналы «Часовой» и «Военная быль». В обоих случаях впечатляют не тиражи и объемы. Поражает та преданность избранному делу, с которой в крайне стесненных финансовых условиях, без современной полиграфической базы, при почти полном отсутствии оперативных информационных источников создатели и редакторы этих изданий трудились десятилетиями.

«Часовой» возник в 1929 году в Париже по инициативе офицеров белой армии Василия Орехова и Евгения Тарусского. В 1936 году редакция переехала в Бельгию. Там, в Брюсселе, и вышел последний номер «Часового» в 1988 году. Строго говоря, журнал прекратил существование тогда, когда его последний основатель, Василий Орехов, уже физически не смог продолжить начатое шестьдесят лет назад. Василий Васильевич ушел из жизни в 1990-м в возрасте 93 лет. 669 номеров, 26 760 полос...

«Часовой» довольно строго следовал курсу, заданному для всей военной белоэмиграции головной организацией офицеров – Русским общевоинским союзом. С журналом сотрудничали такой видный военный теоретик, как генерал Николай Головин, и такой выдающийся русский философ, как Иван Ильин.

«Военная быль», задуманный и осуществленный лейтенантом флота Алексеем Герингом, – издание более историчное и менее политизированное, чем «Часовой». Главная задача, которую ставил перед собой Геринг, – публиковать материалы об истории Русской императорской армии и Русского императорского флота. Журнал выходил в Париже с 1952 по 1974 год. Сейчас и «Часовой», и «Военная быль» – раритеты...

ПРОПАГАНДА КАК ОРУЖИЕ

О том, что начиная с первых политических шагов коммунисты очень серьезно относились к пропаганде, сказано много. Не меньше и о том, что они прекрасно владели этим оружием политической борьбы. Удивительно, но в не сложном для Красной армии 1919 году суммарные тиражи фронтовых, армейских, дивизионных газет составили, скажем, в ноябре около 400 тысяч экземпляров ежедневно! Печатным словом бомбили не только свои части, но и передовые порядки противника. Десятки тысяч экземпляров газет были адресованы солдатам и офицерам армий Деникина и Колчака. Надо при-

знать, что соответствующие органы белой пропаганды даже в самой стабильной Добровольческой армии Юга России, впоследствии – Русской армии барона Врангеля, противостояли красному информационному натиску весьма вяло и без выдумки.

Тенденция к сохранению разнообразия изданий на военную тему и больших тиражей длилась все семьдесят с лишком лет советской власти. До распада Советского Союза помимо главного военного официоза – газеты «Красная звезда» – система военных СМИ включала в себя 24 крупные окружные газеты, более дюжины центральных журналов, десятки дивизионных газет. Только в Западной группе войск в Германии издавалось более 20 дивизионных СМИ. Суммарный тираж достигал 8-миллионной отметки. Притом что армия такого числа солдат и офицеров не имела. Расчет делался не только на тех, кто носил погоны. Но и на подrostков, призывную молодежь, ветеранов Вооруженных сил, представителей других силовых структур.

В годы афганской войны далеко не все советские мужчины читали газету «Красная звезда». Но абсолютно уверен, что не было в Отечестве такого мужчины, который не знал бы о ее существовании. Сдается, сейчас таких мужчин – большинство.

Казалось бы, представительство военных СМИ на современном печатном рынке тусклым не назовешь. Есть журналы «Военный вестник», «Военно-исторический вестник», «Морской сборник», «Ориентир», «Братишка», «Военная мысль», «Армейский сборник», «Военный парад», «Зарубежное военное обозрение». Сохранилось немного газет в военных округах. Несколько лет назад тематический федеральный телеканал появился – «Звезда». А ощущения какие-то странные. Иной раз смотришь на продукт труда военных журналистов и диву даешься – насколько устаревшим и скучным этот продукт выглядит. В другой ряд – и продукт замечательный, и читать любопытно, но

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Номер газеты
«Красная
звезда»
от 12 декабря
1956 года

Журнал
«Краснофлотец».
№19–20,
1945 год.
На обложке:
Герои
Советского
Союза старшины
2-й статьи
Л. Куколевский,
Г. Тупицын
и А. Фирсов.
Рисунок
художника-
краснофлотца
И. Струнникова

взять его негде. Или – не по карману. А главное – нет ощущения, что кто-то если и не «рулит процессом», то хотя бы, стоя в сторонке, отдает себе отчет в том, как этот процесс сделать оптимальным с точки зрения экономики и полезным для адресата.

Может быть, поэтому среди молодых офицеров как-то не наблюдается устремлений посидеть в бригадной библиотеке или выписать на дом какую-нибудь «Военную мысль». Пытался разговаривать на эту тему, но понимания не встретил.

Да, у привычных СМИ есть могучий конкурент – Интернет. С его недреманным оком не поспоришь. Но пока далеко не в каждом гарнизоне это око так уж недреманно. Хотя это – полбеды. Полистайте форумы военнослужащих – там редко когда встретишь серьезный разговор или глубокий вопрос. В лучшем случае – военной историей увлекаются.

Есть и такой аргумент в пользу развития военных СМИ и восстановления к ним такого отношения, какое было в Российской

империи и в СССР. Аргумент под названием США. Не стоит спорить о том, является ли эта страна военным лидером планеты. Штаты не испытывают проблем с личным составом и мотивацией солдат и офицеров. Там слово «патриотизм» до сих пор – не пустой звук. И на этом фоне в государстве работает около полутора тысяч военных бумажных СМИ, треть из которых – журналы, а две трети – газеты. Разовый суммарный тираж превышает 10 миллионов экземпляров. У нас, для сравнения, примерно 200 тысяч. Если верить данным самих наших СМИ, заявляющих тиражи порой от вольного.

Интересно, как организовано финансирование этого процесса в США. Далеко не все из СМИ финансируются из военного бюджета. Хотя и эти цифры впечатляют. Довольно много изданий, которыми владеют частные компании. Другое дело, что тиражи удачных проектов выкупаются Пентагоном для распространения в частях и на базах, на боевых кораблях и в военно-учебных заведениях. Существуют строго высчитанные нормы минимального, так сказать, потребления профессионально-духовной пищи на солдатскую и офицерскую душу...

Тираж газеты «Красная звезда», главного печатного официоза Министерства обороны, – 100 тысяч экземпляров, распространяемых в России, СНГ и за рубежом. Так нам сообщает сайт PRO SMI. Стандартная формулировка, из которой совершенно непонятно: СНГ – это за рубежом или все-таки нет? Равно как и не ясно – это сертифицированный тираж или заявленный самой редакцией. Впрочем, сейчас не об этом. Тираж военного официоза Америки Army Times – чуть больше: примерно 140 тысяч. И очень хочется посмотреть, как живет-тужит редакция этого журнала в пригороде Вашингтона – Спрингфилде. Жаль, что до этого Спрингфилда от столичной Беговой улицы так далеко... ■

«УМЪ МОЛОДЪ НЕ ДОШЕЛЪ»

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В СВОИХ МОЛИТВАХ БРАТИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО ВОЗНЕСЕНСКОГО ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ ВСЕГДА ПОМИНАЕТ МОНАХА XIV ВЕКА ЛАВРЕНТИЯ. КАК СЧИТАЮТ МНОГИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ, ИМЕННО В СТЕНАХ ЭТОЙ ОБИТЕЛИ БЫЛА НАПИСАНА ОДНА ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ И ЗНАМЕНИТЫХ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ – ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ.

...МЫ ДУМАЛИ, ЧТО ЛЕКЦИЮ О ДРЕВНЕРУССКОЙ литературе нам будет читать солидный мужчина в очках с толстыми линзами и потертым портфелем.

Но в аудиторию вошла молодая стройная дама в облегающем платье, аккуратно положила на стол модную сумку. Она увлеченно рассказывала о старинных летописях, житиях, поучениях. Слушали мы невнимательно. На второй лекции Мария Алексеевна задала вопрос: в чем причина невнимания к предмету? А нам казалась скучной эта пыль из тьмы веков. На экзамене я так и сказал Марии Алексеевне. Без стипендии за такое невежество она меня не оставила. Но грустно заметила: «Ум молод, не дошел».

Спустя двадцать лет я нашел эти слова в Лаврентьевской летописи, один из составителей которой именно так и написал о себе: «Умъ молодъ не дошелъ».

«НУ, ПОПРОБУЙТЕ!»

Сейчас, стоя во дворе Вознесенского Печерского монастыря, что в Нижнем Новгороде, я с чувством вины вспоминал Марию Алексеевну и те лекции, к которым мы – юные и глупые студенты – относились столь пренебрежительно. Я уже давно совсем иначе смотрю на летописи, и теперь меня никто не переубедит, по крайней мере, в одном: к примеру, о татарском нашествии на Русь лучше читать «Повесть временных лет», а не романы Василия Яна, как бы привлекательны они ни были... От группы что-то обсуждавших монахов отделился один и направился ко мне. Отец Арсений по поручению настоятеля монастыря отца Тихона должен был препроводить меня в гостиницу. Между прочим, когда я спросил отца Тихона, могу ли я с ним побеседовать, он сурово и коротко

«Сходите поклониться Печерскому монастырю... Он все видел на своем веку: и междоусобия, и татарские набеги, и польские сабли, и боярскую спесь, и царское величие».
Граф В. Соллогуб.
«Тарантас»

А таким летописца увидел художник, написавший по заказу монастыря картину о моменте создания Лаврентьевского свода

Монах Арсений, по мнению настоятеля обители, человек из Древней Руси.... Так мог выглядеть переписчик летописи

ответил: «Ну, попробуйте!» Так же он ответил и на мой предыдущий вопрос о том, могу ли я приехать в монастырь: «Ну, попробуйте приехать!» Я решил попробовать и приехал, и теперь меня не покидало странное чувство: мне казалось, будто отец Тихон каким-то странным образом знает о моем легкомысленном отношении к летописям в студенческие годы и явно его не одобряет. Ведь считается, что именно в Вознесенском Печерском монастыре и была создана Лаврентьевская летопись – один из величайших памятников древнерусской литературы...

Я принял от монаха Арсения длинный ключ от старинного замка в древней двери, а затем аккуратно занес свою фамилию в толстый журнал учета гостей. В монастырских гостиницах, где

пришлось бывать, таких книг я не видел. Поэтому, возвращая отцу Арсению гостиничную «летопись» с автографом, я не преминул вспомнить о традициях летописания в монастыре, идущих со времен монаха Лаврентия. Отец Арсений помянул Лаврентия добрым словом, улыбнулся и повел меня в трапезную. Вид у него был презагадочный.

Свет из окон косыми лучами падал на чистенькие столы. В трапезной было чисто и тихо. Хотя, имея определенную долю воображения, легко представить, как стучали здесь деревянные

ми ложками и чашками ветераны знаменитых батальон... Ведь в монастыре коротали свой век на казенном обеспечении постаревшие матросы первых кораблей Петра I. Между тем отец Арсений таинственно поманил меня и неожиданно открыл в стене незаметную дверку. Свет упал внутрь темной каморки. Обожженные кирпичи ее стен казались ровесниками самых древних монастырских построек. И если бы отец Арсений сказал мне, что я первый за последние шестьсот-семьсот лет заглянул сюда, я бы поверил...

Из нижегородского Вознесенского Печерского монастыря, основанного архимандритом Дионисием в начале XIV века, вышли святые преподобные Евфимий Суздальский, создавший знаменитый суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, и Макарий Желтоводский и Унженский. Из этой именно обители шло посольство к князю Пожарскому с просьбой освободить Москву от польских захватчиков. Сюда же 12-летним отроком поступил Никита Минов – будущий Патриарх Московский и всея Руси Никон. И, наконец, возможно, именно здесь в 1377 году монах Лаврентий, житель Суздальско-Нижегородского княжества, писал летописный свод, позже названный по его имени.

Глядя в сумрак древней каморки, я пытался представить себе монаха, старательно выводившего строки знаменитой летописи. Увы, мы не знаем, ни как он выглядел, ни сколько ему было лет, когда он взялся за свой нелегкий труд. До того как прийти сюда, я побывал в церковно-археологическом музее при монастыре, но и там мне сказали, что о Лаврентии ничего не известно. Да и никто из многочисленных посетителей и паломников о нем не спрашивает, а картина с изображением монаха-летописца в начале экспозиции – всего лишь фантазия художника...

Обед в монастырской трапезной был отменным, особенно хороши оказались огурцы и грибы, засоленные в тяжелых

темных бочках. Но время не ждет. И вот уже я снова шагаю по монастырскому двору рядом с монахом Арсением, который подробно объясняет, как обойти обитель и дойти до Старых Печер.

Оказывается, там монах Лаврентий и писал летопись. Раньше монастырь находился в Старых Печерах, но после того, как в конце XVI века оползень с горы снес обитель в Волгу, его перенесли на полторы версты – на нынешнее место. А на старом – построили приходский Спасо-Преображенский храм. «Тогда гора прошла под монастырем, подняла его, как на спине, и вынесла в Волгу. Только утварь успели спасти», – объясняет отец Арсений. Оползень же открыл старые могилы, и братия обнаружила нетленные мощи, которые сейчас хранятся в Спасо-Преображенском храме. Может, это мощи Лаврентия? «Что вы! – замахал руками отец Арсений. – Это мощи схимонаха Иосафа, он умер за тридцать лет до оползня. А тот Лаврентий... Это ж XIV век!»

Не совсем обычным экспонатом церковно-археологического музея при монастыре является один из старинных гробов, найденный в ходе восстановительных работ на территории монастыря

«ХУДОЙ, НЕДОСТОЙНЫЙ И МНОГОГРЕШНЫЙ...»

Мы остановились передохнуть у слепого окна в древней стене, в нише которого вольготно развалился пушистый кот. Он жмурился на солнце и лениво наблюдал за проходившими мимо трудниками и паломниками... И показалось, что и тогда – семь веков назад, когда жил монах Лаврентий, – здесь шла такая же обыденная и размеренная жизнь. Звук шагов, скрип деревянных ступеней, стук двери,

распахнутой ветром, попавшим в ловушку монастырского двора, обнесенного высокой оградой... Правда, тогда за забором виднелась гора, а сейчас красуются коттеджи. За ними – Старые Печеры, до которых можно дойти за двадцать минут. Однако напрямую пройти нельзя: была раньше калитка, но ее закрыли, чтобы чужие не превращали монастырь в проходной двор. Отец Арсений еще раз объясняет мне, как дойти до Старых Печер: «Не заплутаете,

Центральные витрины музея заполнены церковными облачениями и фотографиями монашествующих, священнослужителей и епископов

На этой улочке
когда-то
располагались
кельи монастыря,
до того как он был
снесен оползнем
в Волгу

...Перед Спасо-Преображенским храмом – никого. Тишина и спокойствие. Засматриваюсь на зеленые купола. Над ними с гулом пролетает самолет и медленно, будто нехотя, исчезает за горой. На этой горе семь столетий назад святой Дионисий вырыл пещеры, с которых и начался Вознесенский Печерский монастырь. Считается, что Дионисий выбрал это место из-за сходства с Киевскими высотами над Днепром.

На углу старого бревенчатого дома скучает вывеска «Старо-Печерская слобода». Дорога утоптана, лед на крыльце храма обколот. На дверях – расписание служб. Значит, люди сюда идут. Но сколько из тех, кто приходит, вспоминает о Лаврентии? Место его захоронения неизвестно, доподлинно неизвестно и в самом ли деле тут он писал свою летопись – еще два монастыря могут претендовать на монаха Лаврентия. Но я оглядываюсь вокруг, и мне хочется верить, что именно здесь писалась Лаврентьевская летопись. И что я не зря пришел сюда на свидание с седой древностью... Кажется, даже сейчас тут спокойно можно засесть за написание многотомного исторического труда. Ничто не отвлекает от тяжелой работы переписчика. Полное уединение и отрешенность. Только ветер шумит на горе, да далеко над Волгой розовеют закатные облака...

Лаврентьевская летопись, рассказывающая об истории Русской земли с древних времен до 1305 года, была написана по благословию епископа Суздальского Дионисия и предназначалась для великого князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича – тестя благоверного князя Дмитрия Донского. А одной из причин ее создания было поднятие патриотического духа русичей в период противостояния с монголо-татарскими завоевателями. Летопись была переписана двумя писцами при незначительном участии третьего, при этом второй писец назвал себя в приписке – монах Лаврентий. В послесловии он указал, что начал работу 14 января, а закончил 20 марта 6885 (1377) года. Так что, наблюдая здесь ныне таяние снега и длинные плачущие сосульки на деревьях, можно представить: то же видел и монах Лаврентий, когда, давая отдохнуть глазам, выходил на свет божий из своей кельи. Закончив труд, он написал: «Худый, недостойный и многогрешный раб Божий Лаврентий мних».

прямо идите, прямо и увидите!» А два трудника, как малые дети, уже тянут его куда-то, просят осмотреть выполненную работу. Отец Арсений смеется, машет рукой: «Вечером расскажете!»... Да нет, конечно, сейчас все иначе, не так, как было во времена Лаврентия: не было этих коттеджей, скоростного шоссе вдоль великой русской реки, канатной дороги над ней... И уж точно не было этих шашлычных двориков, как лишай, опоясавших гору, под которой стоит монастырь. И этих многочисленных захламленных двориков мотелей и автостоянок – тоже не было. Гора над Волгой – вот что способно перенести в атмосферу времен монаха Лаврентия. И полное одиночество: за все время пути я не встретил ни одного человека. Но есть еще одно совпадение. Время года.

В Печерской слободе сохранились дома XVIII–XIX веков... Но даже самое древнее здешнее строение и близко быть не может ровесником Лаврентьевской летописи

Как хорошо, что я дошел до Старых Печер в одиночестве, успев о многом подумать во время пути! Нужно прожить жизнь, чтобы оценить совершенный летописцем духовный подвиг и понять, что из написанного остается в веках. И сколько драгоценного времени потрачено на перелистывание легковесного вздора. «Умъ молодъ не дошелъ»? Да-да, отец Лаврентий, именно так!

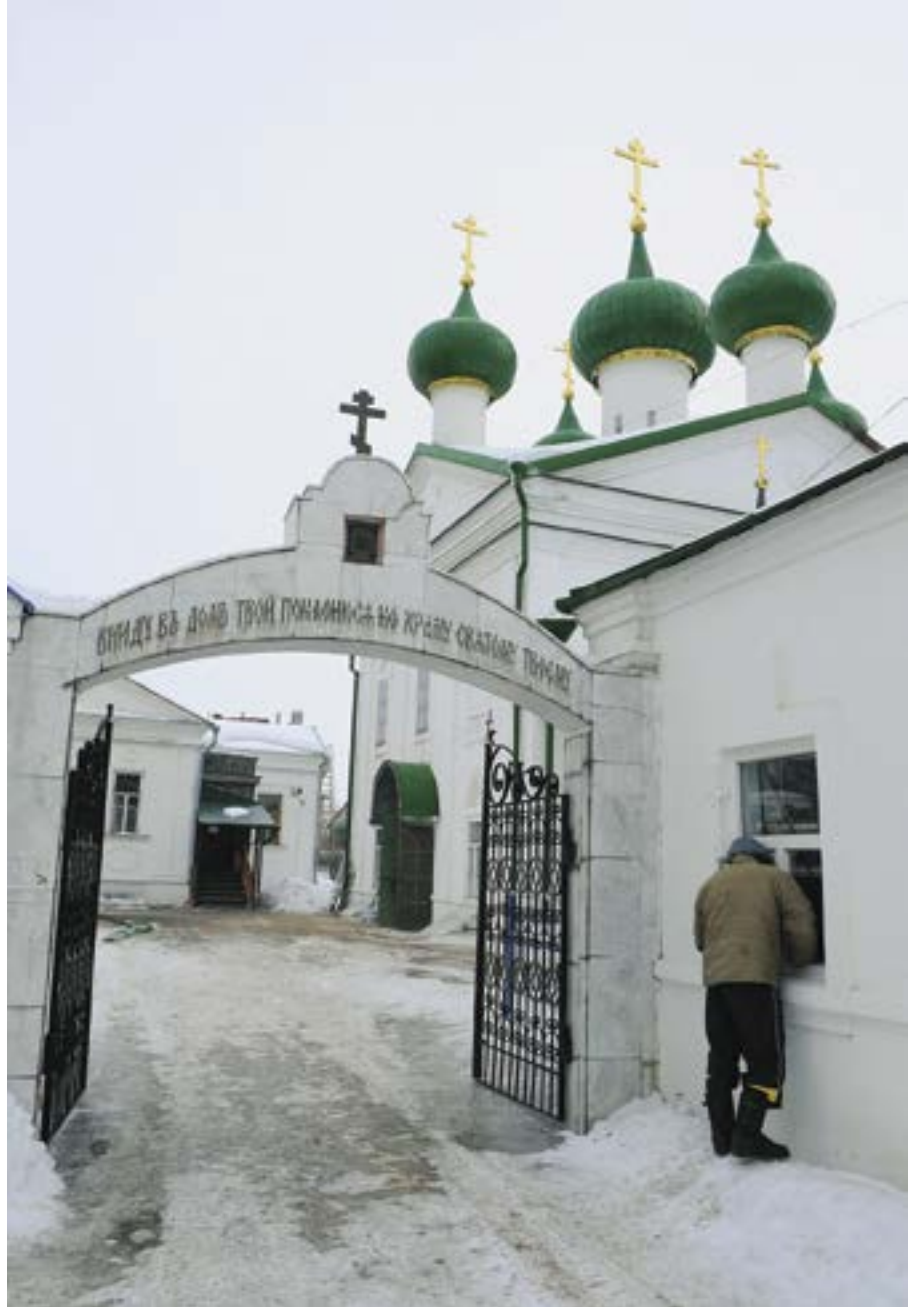
Я стараюсь запомнить каждую деталь увиденного, потому что знаю: вечером ко мне придет монах Арсений и будет расспрашивать о впечатлениях. Он сам бывал тут сотни раз, но его любопытному молодому уму интересно узнать мнение нового человека. И когда следующему жильцу монастырской гостиницы он протянет книгу учета, то, возможно, скажет, что в обитель приезжают еще и ради того, чтобы посмотреть на место создания знаменитой Лаврентьевской летописи. И, возможно, кто-то пройдет тем же путем, что и я...

Вечером приходит Арсений, и я сбивчиво рассказываю молодому монаху о Марии Алексеевне, о пронизательности отца Тихона и о Старых Печерах. Он внимательно слушает, вздыхает и говорит: «Вот же! И слава богу, что приехали и посмотрели. А отца Тихона не стесняйтесь, он хороший!»

Настоятель монастыря отец Тихон верен себе, а потому мой рассказ о впечатлениях предвзвешивает своим любимым выражением: «Ну, попробуйте! Расскажите!» Заканчивая рассказ, я хвалю монаха Арсения, который меня опекал. Отец Тихон улыбается, кивает и загадочно говорит: «Он человек из Древней Руси». Беседа переходит с темы на тему, отец Тихон сетует, что монастырь окружают увеселительные заведения, и называет обитель островом. Рассказывает, что, когда принял монастырь, тут был всего один монашествующий, а теперь восемнадцать. Для городского монастыря – обычное дело. О том, что монах Лаврентий написал

Спасо-Преображенскую церковь у монахов принято называть Старыми Печерами в память о бывшем тут первом месте расположения Вознесенского Печерского монастыря

Паломники проявляют интерес к истории древней обители...

летопись, вокруг которой филологи и историки сломали немало копий, он узнал только здесь, когда ознакомился с историей монастыря. Внимание на этот факт обратил сразу. Но о самом монахе Лаврентии сказать ничего не может. Судя по всему, был

молод, грамотен, имел твердую руку и зоркие глаза и, вполне возможно, походил на Арсения. Но не все считают Вознесенский Печерский монастырь местом создания Лаврентьевской летописи. Писец единственной дошедшей до нас в подлиннике нижегородской летописи монах Лаврентий сообщил даты написания и указал, по чьему благословию она создана, но не сообщил места, где писалась рукопись. Нижегородский историк, автор исторических монографий Борис Пудалов считает, что Лаврентьевская летопись создавалась на Нижегородской земле, но в другом монастыре – Благовещенском, который расположен всего в 3 километрах от Вознесенского Печерского. «Пудалов – серьезный исследователь, с ним спорить трудно, – говорит отец Тихон. – Он весь архив нашего монастыря знает от и до».

ФУНДАМЕНТ И ЭТАЖИ

Обнародовал Лаврентьевскую летопись граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин, купивший ее в 1792 году в Рождественском монастыре города Владимира. Граф подарил рукопись Александру I, а император передал ее в Публичную библиотеку (ныне – Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. – **Прим. ред.**), где она хранится и сегодня.

Историк В.Л. Комарович, опираясь на текстологический анализ летописной хвалы владимирскому князю Юрию Всеволодовичу (сын Всеволода Большое Гнездо. – **Прим. ред.**), местом составления летописи считал нижегородский Благовещенский монастырь. А самого Лаврентия, соответственно, монахом этой обители. Исследователь А.Н. Насонов полагал, что Лаврентий

Наместник
Вознесенского
Печерского
мужского
монастыря
архимандрит
Тихон

был монахом Печерского монастыря, но местом его работы считал владимирский Рождественский монастырь, упомянутый во владельческой записи на л. 1 Лаврентьевской летописи. Суздальское происхождение нижегородской княжеской династии определило мнение Н.Н. Дурново о написании Лаврентьевской летописи в Суздале. Н.Д. Русinov на основе лингвистических данных доказал нижегородское происхождение рукописи Лаврентия. Ученый привел версии о Благовещенском и Печерском монастырях как наиболее вероятных местах ее написания. Историк-краевед А.И. Елисеев считал местом составления летописи Печерский монастырь, так как именно эту обитель основал и возглавлял до поставления на суздальскую кафедру пришедший из Киева Дионисий, благословивший труд переписчика. Эта точка зрения была общепринятой в XIX и XX веках, пока историк Пудалов не пришел к выводу, что аргументы в пользу той или иной версии о месте

Плита, которая
встречает
каждого входя-
щего в Спасо-
Преображен-
скую церковь,
напоминает
о страшном
оползне,
заставившем
перенести
монастырь
в другое место

создания Лаврентьевской летописи неравноценны. «Из того, что Дионисий когда-то возглавлял Печерский монастырь, не следует, что все книжники, работавшие по благословию владыки, непременно были иноками этой обители, – пишет он. – Для версии о составлении летописи во владимирском Рождественском монастыре недостаточно единственного довода – поздней владельческой записи, не подкрепленной текстологическим анализом самого повествования. Тем более нет оснований для версии о Суздале как о месте написания летописи». Пудалов провел текстологический анализ поминальной статьи нижегородских князей в монастырских синодиках и определил, что существовали три редакции великокняжеского синодика. Редакция в синодике Благовещенского монастыря наиболее точно соответствует нижегородскому великокняжескому летописанию – и в перечне имен князей, и в порядке их следования. Близость именно благовещенской редакции следует рассматривать как косвенный довод в пользу ведения монахом Лаврентием лето-

Музей при монастыре бережно хранит рукописные и старопечатные церковные книги. Часть книг монахи сумели вынести из разрушенного оползем монастыря

писи в Благовещенском монастыре, считает Пудалов. Возможно, и хранилась Лаврентьевская летопись в этой обители. На лицевой стороне л. 1 рукописи остались две сильно поврежденные владельческие записи. Полностью была прочитана лишь упоминавшаяся выше запись: «Рождественкова манастиря Володимерьскаго», сделанная в первой половине XVII века. Более ранняя запись,

введенная в научный оборот Г.И. Вздорновым и учтенная при подготовке «Сводного каталога славянорусских рукописных книг XIV в.», настолько повреждена, что сохранились лишь несколько букв: «...л[.]ов[.]ще[.]ск...» Эти уцелевшие буквы и дали Пудалову основания считать ее владельческой записью Благовещенского монастыря. Ни один из упомянутых монастырей стопроцентно не пре-

тендует на звание места создания летописи. К тому, что местом создания рукописи считается Вознесенский Печерский монастырь, все относится спокойно. Рассуждение Пудалова насчет версий о месте создания Лавrentьевской летописи – единственное в своем роде. А вычеркнуть монаха Лавrentия из своей семивековой истории монастырь не собираются, какие бы исследования ни проводились. «Нашей обители монах Лавrentий, и пусть только попробуют потянуть одеяло на себя! Мы Лавrentия с Дионисием и книжником Павлом Высоким всегда в поминальных молитвах упоминаем! – решительно говорит отец Тихон. – Но гостям мы, конечно, всегда рассказываем и о версии с Благовещенским монастырем». Впрочем, нынешние паломники и туристы интереса к вопросу о месте создания Лавrentьевской летописи никогда не проявляли. В монастыре не помнят такого. Директор церковно-археологического музея обители вообще мне заявила, что «для современной жизни

установление места написания Лавrentьевской летописи неактуально». Но вряд ли можно с ней согласиться. Создание Лавrentьевской летописи было не только просветительским, но и духовным подвигом. Предстоящее столкновение с монголо-татарами – до Куликовской битвы оставалось всего три года – и желание сохранить историю Древней Руси заставили игумена Дионисия выбрать монаха и наложить на него послушание в виде создания летописного свода. Дионисий предоставил ему документы и тексты. Следил за работой, редактировал руко-

Старинная церковная утварь переносит посетителя на много-много веков назад...

В кабинете издательского отдела при монастыре: Лавrentьевская летопись продолжается

пись. «А теперь представьте: будет он ходить по этому поводу в другой монастырь? – победно вопрошает отец Тихон. – Благовещенский монастырь был домовым монастырем московских митрополитов. Дионисий никак не мог туда прийти и что-то приказать. Быть такого не может! Я думаю, он к Лавrentию каждый день ходил в келью. Дионисию самому было интересно. Он сам в руках держал рукопись и перечитывал!»

Склонность к ведению самых разнообразных записей и летописей и сегодня присуща Вознесенскому Печерскому монастырю, на что я обратил внимание, еще расписываясь в гостиничной книге. При монастыре создан издательский отдел Нижегородской епархии, выпускающий журналы, множество книг и альбомов. Ведется большая исследовательская работа в архивах страны. Сам отец Тихон составляет хронику монастыря, пишет книги на исторические темы и даже ведет личные записи о каждом прожитом дне. Все это он делает по собственному почину, так как считает, что иначе в монастыре, где была создана Лавrentьевская летопись, быть не может. На эти труды его вдохновляет подвиг Лавrentия, который имел на вооружении пергамент, набор гусиных перьев и несколько видов красок. Поэтому побывать тут и оценить, как в XIV веке создавались исторические и литературные труды, желательно каждому пишущему человеку. А в противном случае, как говорится, «умь молодь не дошел».

«Все, что мы тут делаем, это продолжение Лавrentьевской летописи, – говорит отец Тихон. – Лавrentий заложил фундамент, а мы строим этажи!» В том, как тяжелы эти этажи, я убеждаюсь, когда отец Тихон нагружает меня книгами, изданными в монастыре, в том числе и собственного сочинения. От предложения монаха Арсения, который вызвался помочь донести груз, отказываюсь. Эту ношу нужно нести самому.

В ШАГЕ ОТ НЕБА

АВТОР

ДМИТРИЙ ИВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

МЕЧТА СТАТЬ КОСМОНАВТОМ ЗНАКОМА НЕ ОДНОМУ ПОКОЛЕНИЮ МАЛЬЧИШЕК И ДЕВЧОНОК, ВЫРОСШИХ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ И РОССИИ. ТЕПЕРЬ ДОРОГА В КОСМОС ДЛЯ МНОГИХ ИЗ НИХ МОЖЕТ СТАТЬ КОРОЧЕ: ГОД НАЗАД В ПОДМОСКОВНОМ ЗВЕЗДНОМ ГОРОДКЕ, В ЦЕНТРЕ ПОДГОТОВКИ КОСМОНАВТОВ, ОТКРЫЛСЯ МОЛОДЕЖНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОСМОЦЕНТР.

ЗВЕЗДНЫЙ ГОРОДОК, СОЗДАВАВШИЙ-ся в начале 60-х годов прошлого века, уютно расположился в сосновом лесу. Дорога, идущая от станции Чкаловская, привела нас к КПП. Въехав на территорию Звездного и миновав центральную площадь, мы оказались перед одним из зданий Центра подготовки космонавтов.

– Центр подготовки космонавтов – это дружественная среда для детей, – объясняет преподаватель Космоцентра Галина Ермолина, пока мы идем по длинным коридорам здания. – Мы уже много лет занимаемся различными детскими программами. Это и конкурс научно-технических и художественных проектов «Звездная эстафета», и аэрокосмические смены в лагере «Орленок», и недавно созданная экскурсионная программа «Выходные в космосе». Во время экскурсий ребятам рассказывают о Центре подготовки космонавтов, они осматривают тренажеры, посещают планетарий, иногда участвуют в тренировках по выживанию. Но все же экскурсии – это слишком поверхностно. Нужно, чтобы дети становились соучастниками процесса познания. И Космоцентр такую возможность дает. Здесь ребятам читают лекции, они занимаются с инструкторами, космонавтами, здесь дети могут прикоснуться к миру космоса, сюда они приходят уже не просто как зрители. Каждый ребенок стремится узнать что-то новое и интересное, это его естественное состояние. Надо только поддерживать и направлять это стремление. Поэтому создание Космоцентра – это важный, серьезный шаг, это работа на будущее.

КОСМОС ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Мы вошли в помещение Космоцентра и в первый момент замерли от неожиданности, оказавшись в огромном зале, большую часть которого занимал орбитальный комплекс «Мир». Конечно, это был не тот «Мир», что провёл на околоземной орбите пятнадцать лет, а его точная копия. Знакомые по многочисленным телерепортажам очертания станции – модули «Кристалл», «Квант» и «Квант-2». На этом макете долгие годы тренировались космонавты, которым предстояло жить и работать на орбите.

– Подготовку здесь прошли 28 экипажей, – объясняет начальник тренажерного отделения Космоцентра Олег Захаров. – Это единственный в мире макет станции «Мир», такого больше нигде нет. Но с созданием МКС этот тренажер перестали эксплуатировать. И вот тогда родилась идея использовать уникальный макет орбитальной станции в образовательных целях. Было решено создать Космоцентр – обучающий комплекс для детей, подростков, молодежи. Его главная задача – привлечь внимание к космической отрасли, космической технике. Строительство Космоцентра началось в ноябре 2010 года. Мы очень хотели успеть с открытием к 50-летию первого полета человека в космос. Но в апреле 2011 года было еще очень много недоделок, и официальное открытие Космоцентра состоялось годом позже. Однако уже в процессе создания Космоцентра мы проводили пробные занятия с волонтерами-старшеклассниками, отрабатывали программу и методику преподавания, старались понять, что ребятам будет наиболее интересно.

Эмблема
молодежного
образовательного
Космоцентра

Сегодня Космоцентр – это многочисленные тренажеры, мультимедийные классы, научные лаборатории, виртуальный Центр управления полетами. Здесь дети проходят первоначальную общекосмическую подготовку, узнают о достижениях советской и российской космонавтики, знакомятся с результатами исследований космоса, Солнечной системы, Земли и других планет. Занятия в Космоцентре ведут те же инструкторы, которые готовят к полету экипажи космических кораблей, а также преподаватели из московских вузов. Нередко к ребятам приходят и космонавты, чтобы ответить на

Начальник
тренажерного
отделения
Космоцентра
Олег Захаров
с группой
школьников,
обучающихся
в Космоцентре

Летчик-
космонавт,
Герой России
Андрей
Борисенко
на борту станции
«Мир»

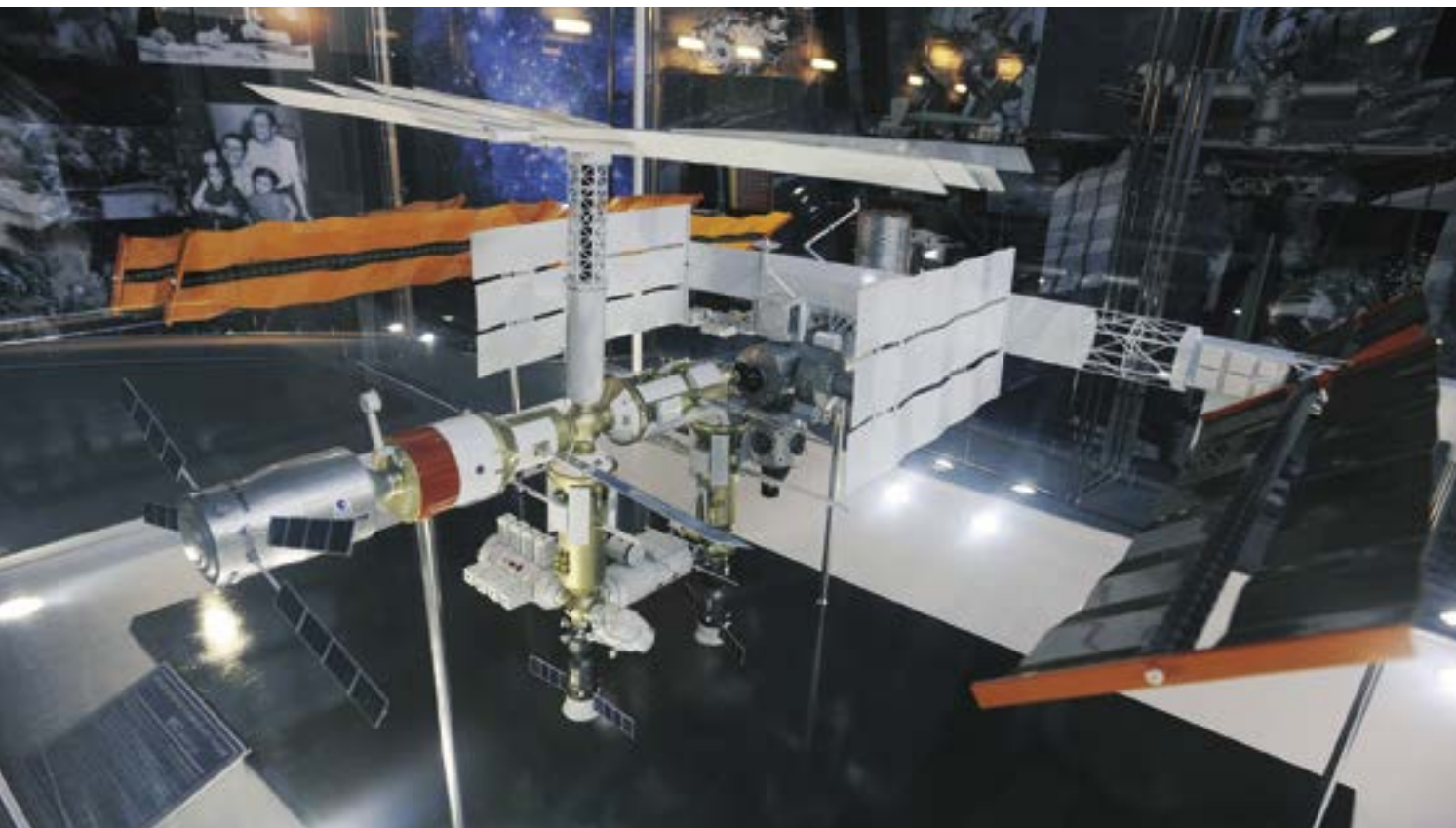

Практические занятия на тренажере «самолет/вертолет» ведет летчик-космонавт Андрей Борисенко

их вопросы, провести викторину или прочитать лекцию. В тот день, когда мы приехали в Космоцентр, занятия вел летчик-космонавт, Герой России Андрей Борисенко. Под его присмотром ребята отработывали навыки пилотирования на тренажере «самолет/вертолет». Занятия на похожем тренажере входят в программу подготовки космонавтов. Здесь можно почувствовать себя настоящим пилотом. Компьютерная программа позволяет перенастраивать рабочее место под различные типы воздушных судов – самолеты Ан-148, АТР-42, «Боинг-737», вертолеты Ми-8 и Ми-17. Разгон самолета, набор высоты, заход на посадку – выполняя эти операции, человек, сидящий за штурвалом тренажера, видит примерно то же, что и пилоты во время реального полета. Любителей позаниматься на таком тренажере среди ребят, приходящих в Космоцентр, немало. Особенной популярностью пользуются совместные «полеты» с кем-нибудь из космонавтов.

– Я и сам в детстве учился в юношеском клубе космонавтики в Ленинграде, – говорит Андрей Бори-

сенко. – У нас тоже были практические занятия на тренажерах в Академии гражданской авиации. Мы часами просиживали в кабине самолета, на тренажерах, где проигрывались разные ситуации при полете в сложных метеоусловиях. Но, конечно, у нас не было такого прекрасного оборудования, как в Космоцентре. О подобном мы тогда и мечтать не могли. К нам в гости тоже приходили космонавты, эти встречи были очень важны для нас, становились настоящим праздником. Поэтому я всегда с удовольствием посещаю Космоцентр, стараюсь передать ребятам какую-то частичку своих знаний. Вслед за Андреем Борисенко мы поднялись на борт станции «Мир». Заходить внутрь можно только в бахилах – уборка космического дома дело непростое и хлопотное. Помещения станции оказались довольно тесными. Видно, что ее создатели стремились использовать буквально каждый миллиметр полезной площади – повсюду размещены приборы, тумблеры и кнопки. В схожих интерьерах на МКС Андрей Борисенко провел более полугода, поэтому на борту станции он чувствует

Макет Международной космической станции, размещенный в Космоцентре

себя как дома и нередко здесь отвечает на вопросы ребят.

– Я уверен, кто-нибудь из тех, кто сегодня обучается в Космоцентре, пополнит отряд космонавтов, займется разработками новой космической техники, посвятит себя решению проблем космической биологии, медицины, – продолжает Андрей Борисенко. – Я пришел в клуб космонавтики, когда учился в восьмом классе. Уже тогда я выбрал для себя профессию. Но именно занятия в клубе помогли сделать этот выбор осознанным, сформировали мои представления о космонавтике. Нынешние дети во многом похожи на нас своей искренностью, своим желанием узнавать что-то интересное. Часто они задают гораздо более глубокие вопросы, чем взрослые. Особенно меня радуют ребята помладше. Старшеклассники, к сожалению, нередко интересуются только размером зарплаты, а не содержанием космических исследований. Но пройдет пять-шесть лет, и в космическую отрасль придут те, для кого космос станет призванием.

К ПОЛЕТУ ГОТОВЫ

Сейчас в Космоцентре постоянно занимаются ребята четырех классов одной из гимназий подмосковного города Юбилейного. Кроме того, два-три раза в неделю здесь принимают группы по 20–25 человек и экскурсии, во время которых ребята четыре-пять дней живут и занимаются на территории Звездного городка. Те, кто побывал в Космоцентре на экскурсии, нередко возвращаются сюда вновь, многие приходят на обучение. Вся работа Космоцентра построена на основе программы подготовки космонавтов, поэтому здесь не только читают лекции, но и проводят разнообразные практические занятия, благодаря которым каждый ребенок может попробовать себя в роли командира экипажа, бортинженера, врача, руководителя полета.

– В наших ближайших планах – создание сети аэрокосмических классов по всей стране, – рассказывает Олег Захаров. – Мы хотели бы, чтобы в этих классах дети проходили начальную подготовку, а лучшие из них могли бы продолжать обучение в Космоцентре. Это будет наиболее эффективная форма работы. Возможно, в будущем нам удастся договориться с аэрокосмическими вузами о льготном зачислении тех, кто прошел обучение у нас. Еще одно перспективное направление – дополнительная подготовка на базе Космоцентра

Занятия на тренажере-симуляторе «Виртуальный транспортный космический корабль «Союз ТМА». Ответственный момент стыковки

студентов аэрокосмических специальностей. Сейчас мы развиваем сотрудничество с МГТУ имени Баумана, МАИ, Индустриальным университетом. Надеюсь, студенты этих и других вузов смогут приезжать в Космоцентр, чтобы побольше узнать о своих специальностях, попробовать себя в практической работе. Мы готовы создать им условия для проведения научных экспериментов, подготовки курсовых и дипломных работ.

Ну а пока полновластные хозяева здесь – школьники. Для большинства из них знакомство с Кос-

моцентром начинается с мультимедийного класса, где проводят интерактивные викторины, олимпиады, опросы. В классе установлен большой панорамный экран, на который транслируются обучающие программы или вопросы космических викторин. Эти же изображения выводятся на мониторы, сидя за которыми дети с помощью специальных клавиш могут выбрать тот ответ, который им кажется правильным.

В соседней аудитории находится тренажер-симулятор «Виртуальный транспортный космический корабль «Союз ТМА». На таком же тренажере космонавты отрабатывают навыки стыковки с МКС, облета орбитальной станции, управления бортовыми системами. Все очень реалистично – на экранах чернота космоса, россыпь звезд, голубой шар Земли и данные телеметрии. Для пущей схожести с настоящим космическим полетом имитируется даже звук двигателей корабля. Рабочее место оснащено ручками управления космическим судном, с их помощью ребята учатся стыковаться с орбитальной станцией.

В одном из классов школьники знакомятся с космической медициной. Занятия ведут врачи настоящих космических экипажей. Они дают ребятам основы знаний по медицине, биологии, анатомии. Для этого используется электронный медицинский атлас. А на манекене ребята учатся ока-

Тренажер «Выход-2», где проводится обучение работе со скафандрами типа «Орлан» для выхода в открытый космос

зывать первую медицинскую помощь. Здесь же детям рассказывают о медико-биологических экспериментах, ведущихся в космосе.

Ни одно посещение Космоцентра не обходится без вопросов о скафандрах. Чтобы рассказ об экипировке космонавтов был наглядным, ребятам разрешают посетить тренажер «Выход-2», где обычно экипажи учатся обращаться со скафандрами для выхода в открытый космос. Тяжелые космические доспехи, снабженные всем необходимым для существования за бортом станции, производят неизгладимое впечатление. Примерить их, правда, не дают: скафандры, рассчитанные на экстремальные нагрузки, все же могут не справиться с энтузиазмом юных покорителей космоса.

Зато есть в Космоцентре место, где можно проявить себя в полной мере. Это – виртуальный Центр управления полетами. От настоящего ЦУПа он отличается разве что размерами. Обычно занятия здесь проводятся для двух групп: одна работает на борту станции «Мир», вторая – в ЦУПе. Первая группа выполняет обязанности экипажа – командира корабля, космонавта-исследователя и бортинженера. В течение нескольких часов дети занимаются работами на станции или проведением научных экспериментов. В это время ребята в ЦУПе тоже не сидят без дела: руководитель полета, его помощники и специалисты отслеживают действия условного экипажа, дают задания, оценивают работу «космонавтов». Для этого в ЦУПе установлены три экрана, на которые передаются изображения с камер, расположенных внутри станции, выводится траектория пролета станции над Землей, изображения космического корабля, параметры полета. На следующих занятиях группы меняются, чтобы каждый мог почувствовать себя участником космической экспедиции или специалистом, который обеспечивает полет на земле.

– Когда у ребят, занимающихся в Космоцентре, начинается что-то получаться, у них загораются глаза, – говорит Галина Ермоленко. – В них рождается дух сотворчества, появляется ощущение сопричастности той большой работе, которая ведется здесь не одно десятилетие. Сейчас мало тех, с кого хочется брать пример. А наши дети видят здесь людей, занятых настоящим делом. Разносторонне образованных, профессиональных, стремящихся сделать многое не для себя или своих близких, а для своей страны. И эти люди становятся для ребят образцом для подражания в человеческих отношениях, в образе мышления. Мы наблюдаем, как меняются наши дети, становятся более дисциплинированными, подтянутыми, активными, открытыми. И теперь все больше людей в Центре подготовки космонавтов понимают, что Космоцентр способен сделать многое для развития детей. Конечно, мы сейчас не можем знать, какими вырастут эти дети, кем они станут. Просто надо в них верить. ■

АНТОН БЕРКАСОВ

СПАСИТЕЛЬ ВАСИЛЬЕВКИ

АВТОР

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

НИКОЛАЙ АРСЕНТЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО, ПРОШЕДШИЙ ВСЮ ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ ОТ И ДО, НЕ ТОЛЬКО ПОЧЕТНЫЙ ВЕТЕРАН НИЖНЕГО НОВГОРОДА, НО И ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН СТАНИЦЫ ВАСИЛЬЕВКА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ. ИМЕННО НА КОСОГОРЕ РЯДОМ С ЭТИМ СЕЛОМ ЕГО ГВАРДЕЙСКИЙ ПОЛК В КОНЦЕ 1942 ГОДА ОСТАНОВИЛ ГРУППУ ТАНКОВ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА МАНШТЕЙНА, КОТОРЫЕ СПЕШИЛИ НА ПОМОЩЬ БЛОКИРОВАННОМУ В СТАЛИНГРАДЕ ПАУЛЮСУ.

СВОЙ БОЕВОЙ ПУТЬ уроженец Запорожья Николай Арсентьевич Шевченко начал на Украине. Он уверяет: о том, что немцы нападут на СССР, все десятиклассники их школы в Мелитополе знали. У одной из одноклассниц брат служил на польской границе под Львовом, именно по ее «секретному» настоянию выпускной ве-

чер в школе провели 21-го, а не 22 июня. Гуляли ночью в парке, ели мороженое, пили сидро... А уже около пяти утра следующего дня услышали несколько сильных взрывов – думали, это учения, а оказалось, немцы бомбят аэродром штурманского училища, которое находилось неподалеку. В одиннадцать утра сели всей семьей за стол, муж сестры налил по полстопки

вина (обычно такого в семье не было) и произнес тост, глядя на Колю, только вчера отметившего окончание школы: «За Победу! Тебе ее делать!»

Уже 25 июня Шевченко с другом был в военкомате – ребята хотели пойти на фронт добровольцами. Им предложили учиться на артиллеристов, и через два дня, простояв всю ночь в тамбуре – других мест в поезде не было, – они были в Харькове.

«КТО БУДЕТ ТАНЦЕВАТЬ В БЕРЛИНЕ?»

На месте выяснилось, что Харьковское противотанковое артиллерийское училище еще весной переехало в город Сумы, – снова ночь на «стоячих местах», и вот парни становятся курсантами ХАУ – училища противотанковой артиллерии. Учеба идет по 14 часов в сутки, но, несмотря на это, в учебном плане находится по два часа занятий в неделю на... бальные танцы под духовой оркестр. И это после 10–12 часов полевых занятий!

Как сейчас вспоминает Николай Арсентьевич, курсанты поначалу тоже не понимали необходимости этих танцев, заниматься не хотели: война идет, зачем «ноги тянуть»? Но однажды зашел в танцзал капитан Кирилл

Чернов. Недовольные курсанты стоят группой в сторонке, не танцуют. «Почему не занимаетесь?» – «Это нам не надо». Тогда Чернов резко, в повелительной форме, одернул: «А кто за вас будет в Берлине Победу танцевать?!» – зарядил молодежь и на учебу, и на Победу! Хотя до нее было еще долгих четыре года... Прозанимались два месяца, и вот 28 августа 1941-го – тревога. На фронт курсанты попали со своей родной «учебной» пушкой, но ее раздавило в первом же бою... Той батареей из четырех орудий, в которую Шевченко попал наводчиком, командовал капитан Тарлецкий. Его главный наказ молодой Коля запомнил на всю жизнь: «Артиллерист всегда сначала должен вырыть «дырку» для себя, – говорил опытный Тарлецкий. – Даже если танк раздавит пушку, ты в своем ровике жив останешься». И заставлял курсантов бесконечно рыть глубокие траншеи, до крови на руках. Курсанты ворчали, но слушались. Мудрость капитана они очень скоро проверили на себе: вот выкатились из-за пригорка семь танков, одному орудие Николая Шевченко успело разнести гусеницу, а по второму не попали – подъехал он близко, пришлось прыгать в вырытый окоп.

– Я только услышал страшный хруст – как танк нашу пушку переехал, – вспоминает Шевченко свой первый бой. – Сколько в своей яме просидел, уже не помню, меня Тарлецкий за шиворот достал, похвалил: «Вот видишь, сыночек, как хорошо зарылся». На нашей батарее после того наступления все остались живы, хотя все четыре пушки раздавило. А на других батареях, где вместо окопов канавки рыли, немецкие танки всех похоронили под своими гусеницами. Потом, когда я сам стал командиром батареи, всех заставлял окапываться, хоть и трудно это, и лень бывает, но не раз спасало жизнь. Вот и тогда: выехало нас на фронт 2 тысячи человек, а в конце октября 1941-го собрали всего 420, не считая раненых.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА Н. ШЕВЧЕНКО

Николай Шевченко (в центре) со своими однополчанами – Николаем Петровским (справа) и командиром батареи Николаем Нужиным. 1956 год

ТРУБКА В ПОДАРОК

В 1942 году Шевченко воевал на Волховском фронте в 3-й гвардейской дивизии, куда его определили командиром батареи в 13-й полк. До него командиром был старший сержант, и 18-летний новоиспеченный лейтенант чувствовал себя не очень уютно.

В июле командиром полка был назначен Василий Филиппович Маргелов, под его командованием пришлось сражаться в сильно заболоченных лесах, советские войска пытались пробиться к Ладоге, но наступление было неудачным, начальника артиллерии убили, и Маргелов назначил исполняющим его обязанности молодого Шевченко.

– Я пробовал возразить: «А как же капитаны?» – рассказывает ветеран. – Маргелов ответил: «Приказы выполнять без разговоров! Капитаны есть – один раньше молокозаводом командовал, другой – кладбищем». А потом отругал меня: «Ну какой из тебя начальник! Ты бы хоть курил, что ли!» – «Так у меня трубки нет!» – ответил я. И он отдал мне свою, большую. Надымился я тогда на всю жизнь! Вкус помню и сейчас, хоть и не курю с тех пор.

«СРАЖАТЬСЯ БУДЕТЕ УМОМ»

В декабре 1942 года в полк поступил приказ: занять рубеж обороны на реке Мышкова – единственный подходящий для обороны рубеж на пути к Сталинграду, – чтобы остановить движение танкового тарана генерал-фельдмаршала Манштейна, спешащего на помощь окруженной в Сталинграде 6-й армии Паулюса. На рассвете 16 декабря солдаты выгрузились из своих теплушек, построились в походные колонны, полковой оркестр заиграл «Прощание славянки»...

– Если бы не барабаны и оркестр, мы бы ни за что не прошагали 120 километров за двое суток, – уверяет Шевченко. – Перекусывали на ходу, засыпали стоя, но, как заиграет труба, – сон как рукой снимало. На рассвете 18 декабря дошли до реки Мышкова и заняли оборону между селами Васильевка и Капкинка, в чистом поле в лучине реки.

– Я – начальник артиллерии, у меня две 45-миллиметровые и две 76-миллиметровые пушки, всего по одному боекомплекту на каждую пару, подвоз боеприпасов в лучшем случае обещают через сутки, а на ру-

беже мы – первые, – описывает ситуацию Николай Арсентьевич. – Спрашиваю у командира корпуса: «Чем сражаться-то будем?» – «Умом», – ответил он мне. Отправились к местным жителям и объяснили им: лопат у нас нет, но если они нам помогут, то мы не станем защищаться их домами, окопаемся на реке и постараемся немцев дальше не пропустить. Весь день с помощью сельчан солдаты оборудовали позиции полка – снова рыли такие ямы, чтобы танк не мог придавить укрывшегося бойца, поставили на дороге одну-единственную имевшуюся противотанковую мину.

СРАЖЕНИЕ У ВАСИЛЬЕВКИ

Ночью того же дня «первый» – командир полка Маргелов – вдруг позвонил Шевченко и дал приказ разминировать проезд: поступила информация, что этой дорогой должны пройти пять советских Т-34. Приказ выполнили, около полуночи к повороту подошли танки. «Командир роты – лейтенант Степанов», – представился старший. Шевченко указал им, куда следовать, и бросился докладывать «первому», как вдруг услышал, что гул моторов не затихает, а нарастает:

– Я подумал: неужели Степанов чего-то не понял и решил вернуться? Выскочил из блиндажа и побежал к стоящим у перекрестка артиллеристам. Смотрю – и не верю глазам: мимо них идут немецкие танки! Стоим с нашими офицерами, обливаемся холодным потом и считаем... Я – снова к телефону: «Первый! Степанов на хвосте привел колонну немцев, на наш сигнал ускорили ход, ушли на мост, что делать?» Командир ответил, что если уж не встретили врага снарядами, то до рассвета не трогать... Велел пересчитать их точно, и мы отправились следом. Немцы встали полукругом на косогоре у Васильевки. Насчитали 27 танков, вокруг – темень, охраны они не выставили никакой, люки закрыли, моторы приглушили – спят. Наши ребята

из личного архива Н. Шевченко

Ветераны бывшего 13-го гвардейского стрелкового полка с боевым знаменем на встрече в 2010 году под Псковом. Николай Арсентьевич Шевченко – второй справа

та с двух немецких танков успели снять ручные пулеметы... Но что делать дальше – непонятно, так как неизвестно, когда подвезут боеприпасы. Вот и оказались мы с кулаками и лопатами против танков. А меж тем командир полка Маргелов уже получил приказ: к полудню все немецкие танки уничтожить, а виновных разинь, пропустивших их, – то есть нас, артиллеристов, – наказать... Обещали, что утром на помощь придет авиация. И не избежать бы нам штрафбата, если бы не «захаровские бутылки»! Мой ординарец знал, что наш сержант Степан Хорьков еще в Витебске в 41-м поджигал вражеские танки с помощью бутылок с бензином. Но ни бензина, ни бутылок тоже нет! Спасло нас то, что командир орудия Степан Федотов был бывшим моряком, а моряки – народ запасливый. Нашлись у него четыре куса хозяйственного мыла, и он с помощью местного мальчика Саши Кузнецова за ночь выменял в деревне мыло на бутылки, бензин и паклю – получилось 12 снарядов. Доложили «первому», тот инициативу одобрил, только велел ждать, пока танки хорошенько прогреются и дым от двигателей станет сизым – иначе поджечь их не получится.

Хорькову, Федотову, Шевченко и другим артиллеристам действительно удалось следующим

утром бутылками с зажигательной смесью подпалить 10 танков из 27, еще пять-шесть разбомбили налетевшие вовремя штурмовики. Несколько танков двинулись в сторону деревни – их встретил выстрелами предупрежденный Степанов с командой на своих Т-34, остановили еще шесть машин. Оставшиеся танки подбили орудиями – словом, к 20 декабря все 27 танков, прорвавшихся к Васильевке, были уничтожены.

– Мы не успели порадоваться, – продолжает Николай Арсентьевич. – Налетели вражеские бомбардировщики, через каждые полчаса «юнкерсы» и «хейнкели» шли по 20–25 самолетов, поливая нас бомбами... Ветеран говорит, что налеты прекратились только ночью. Вражеская атака продолжалась и весь следующий день, и, хотя оружие подвезли, потери полка были – более половины состава. А на рассвете 23 декабря подошла немецкая пехота, весь косогор был оцеплен немцами. Разведчики доставили в полк свежего «языка» – повара. Тот сообщил, что как только немцы попьют свой утренний «кофе», так и начнется наступление.

– Звоню командиру полка: «Первый, за рекой – сотни единиц техники. Пленный немец утверждает, что в восемь часов начнут наступление». Маргелов

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА Н. ШЕВЧЕНКО

С внуком
Сережей
на празднике
в честь
Дня Победы.
2003 год

торые не побоялись выходить его на оккупированной Украине, выжил, прошел все проверки и был восстановлен в звании и должности. Не раз его представляли к наградам, и он дошел до Берлина, а после Победы все-таки вернулся в Горький.

– Я считал себя должником Федотова, – объясняет ветеран. – Поэтому после войны, окончив в Запорожье институт, женился и переехал сюда, в родной город Степана. Пытался отыскать здесь его родню, но тщетно. Несколько лет отработал на ремонтном заводе, а затем стал преподавать в автотранспортном техникуме.

Волею судеб Николай Арсентьевич Шевченко вместе со своим бывшим командиром Василием Маргеловым и начальником штаба Дацко снова оказался в станице Васильевка через двадцать лет после тех незабываемых боев. Подросшему Саше Кузнецову, который в 1942-м достал для начарта судьбоносные бутылки и бензин, уже исполнилось 32 года, он успел стать Героем Социалистического Труда. А благодарные жители Васильевки «за сохранность села в годы войны» сделали Николая Шевченко своим почетным гражданином.

Николай Арсентьевич до сих пор поддерживает отношения с детьми и внуками своего командира Маргелова, вырастил и своих двоих сыновей – старший, Сергей, военврач, воевал в Афганистане и закончил службу в звании капитана, младший, Аркадий, несколько лет назад уволился из внутренних войск в звании полковника. Подрастают внуки и внучка, а Николай Арсентьевич, несмотря на годы (в мае, дай бог, отпразднует девяностолетие!), все так же по-офицерски держит осанку, и рядом с ним тоже хочется расправить плечи... А своей главной наградой brave артиллерист считает жизнь; за нее, за жизнь родных и близких, за спокойную жизнь многих мирных людей, он и воевал семьдесят лет назад. ■

помолчал и процедил сквозь зубы: «Ну, в восемь они не начнут, кофе пить дольше будут, а в девять будет уже поздно. Следи за дорогой на Ивановку». И точно, к восьми часам со стороны дороги на Ивановку стали выходить наши «катюши» – 48 машин. В течение 10 минут построение закончилось, и в 8.20 они дали первый залп. Обрушили все свои снаряды на южный склон косогора, где было наибольшее скопление техники. Все вспыхнуло заревом, потом – взрывами. А когда дым рассеялся, машины как сквозь землю провалились. Спустя 25–30 минут – второе построение и удар по южной части, еще через какое-то время – по средней. К десяти утра весь вражеский «муравейник» превратился в сплошное огненное месиво, да к тому времени подошли еще наши Илы. К полудню 23 де-

кабря было уже окончательно ясно, что прорваться через нас Манштейну не удастся! Весь следующий день мы хоронили, перевязывали, собирали...

ДОЛГ ГОРОДУ ГОРЬКОМУ

В битве на реке Мышкова погиб Степан Федотов – тот самый командир орудия, что своей затеей с бутылками спас начальника артиллерии Шевченко от трибунала и гибели. Степан был горьковчанином, и Шевченко еще на войне дал зарок, что, если останется жив, переедет в Горький (ныне – Нижний Новгород. – Прим. авт.). И свое обещание он сдержал, хотя до этого момента было еще далеко: после Васильевки Николай Арсентьевич воевал в Калмыцкой степи, был ранен и контужен, без сознания попал в плен, но благодаря добрым людям, ко-

ПОМЕХА СПРАВА

Очерк сибирских пространств

АВТОР

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ [ФОТО АВТОРА]

РУССКИЙ ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ... СКОЛЬКО О НЕМ СКАЗАНО-НАПИСАНО... ИЗВЕСТНО, ЧТО ВАЖНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЭТОГО ДРЕВНЕГО СИМВОЛА ЯВЛЯЕТСЯ ЕДИНСТВО ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО НАЧАЛА В СУДЬБЕ РУССКОГО ПРОСТРАНСТВА, ЕГО ОТКРЫТОСТЬ И ЗАПАДУ, И ВОСТОКУ.

ПРИ ЭТОМ РОССИЮ СЛЕДУЕТ ПОНИМАТЬ НЕ КАК РАЗДЕЛ или перепонку между двумя противоположными мирами, как плавное поле для приложения чужого опыта, а как огромный, раскинувшийся между западом и востоком третий континент со своими законами. Так считали и славянофилы, и евразийцы, да и любой патриот Отечества, думаю, считает так. Незнание внутренних законов этого самого Отечества часто приводит к его непониманию, к односторонности диалога между центром и периферией, городом и деревней, столицей и русской провинцией, чиновником и простым человеком. Постичь огромность, многообразие и единство Русского мира невозможно без пристального взгляда в его гигантские просторы, без погружения в самую глубь бытия, в шкуру каждого человека, в характер и обстановку его жизни.

ТРАССА КАК СУДЬБА

Все путешествия принято начинать из столицы. Я же предлагаю обратить взор на восточные пределы Отечества и пройти их непривычным для многих путем: против шерсти, от океана на материк, с востока на запад – Амурским и Сибирским трактами, да еще на автомобиле с правым рулем. Пусть не обижаясь на меня омичи, новосибирцы и барнаульцы, если я скажу, что по-настоящему дикая Сибирь начинается за Енисеем. Дорога, связывающая Тихий океан и сердце Сибири, Красноярский край, протекает по самым малонаселенным и немислимым по суровой красоте местам. Горы, редкая тайга, мари, мерзлота, чахлые лиственницы на фоне синих хребтов... Если посмотреть на карту населения страны, то именно к востоку от великого Енисейского меридиана все меньше зеленого цвета, и все сильнее жметесь вы к дороге.

Не обойтись без истории трассы. 800-километровый отрезок от Владивостока до Хабаровска был построен в 30-х годах XX века. Участок от Енисея до Нерчинска Читинской области проходит по Сибирскому тракту. Царский указ об учреждении последнего вышел в 1689 году, однако обу-

стройство началось только в 1730 году и было закончено в середине XIX века.

Моложе всех пролет Хабаровск – Чита длиной в 2 тысячи километров – до ввода его в строй в Приморье можно было попасть только по рельсам Транссиба. Идея тракта, идущего параллельно Транссибу, появилась еще в 1905 году, но дальше Читы дело не продвинулось.

В 1966 году было принято

распоряжение Совета Министров СССР о строительстве автомобильной дороги Чита – Хабаровск (так называемая трасса «Амур»). Предстояло проложить 2165 километров по горам и мерзлоте. В 1978 году началась стройка. Работа в условиях сурового климата и тяжелейших грунтов двигалась медленно. К середине 90-х построили только участки вокруг Читы, Благовещенска и Хабаровска, всего 605 километров. Проехать от Читы в Хабаровск было можно кое-как – где вдоль железнодорожного полотна, где по зимникам, пролегающим по таежным просекам или рекам.

Несколько слов о зимниках. Они работают зимой. Главное – чтобы промерзли болота (как говорят сибиряки), поэтому сначала его по первым снегам вдавливают вездеходом, а потом продирают грейдером. Грейдер чистит зимник до самой весны и нагребает вдоль бортов дороги две высокие снежные гряды. Бывают зимники, где две машины не могут разъехаться – для разъездов существуют карманы. В местах, где зимники пересекают реки, намораживают переправы. Зимник может пролегать и по льду реки. Зима в Сибири – самая дорожная пора. Жизнь

активного сравнения принадлежит тем, кто как следует поездил на обоих рулях. Во-вторых, Приморье, по статистике, самый безопасный регион. В-третьих, в Японии высшим шиком считается езда на леворуком европейце, а в материковую Европу постоянно ездят по туннелю в гости праворучники-англичане. Еще можно вспомнить праворукие «Москвичи-408» для почтальонов... Но нам важно другое.

Правый Руль возник абсолютно народным образом как защитная реакция жителей Приморья на кризис 90-х. Он особенно сильно ударил именно по окраинам – Крайнему Северу, Дальнему Востоку и

этих вроде бы временных зимних трасс – отдельная история с трагическими эпизодами. Нередко в мороз, если встала машина, ее сжигают, чтобы не замерзнуть. Как правило, зимники пролегают из освоенных мест на север, например в районы Эвенкии и Якутии, куда летом особо не добраться.

Однако вернемся к трассе Хабаровск – Чита, работы на которой были нескончаемыми: прохождение участков совершенно дикой тайги, возведение мостов через многочисленные притоки Амура, пробивка проездов от трассы до железнодорожных станций.

В 2000 году президент Путин потребовал ускорить стройку. Строить решили в два этапа: сначала прокладка дороги с щебенкой, прозванной народом «скалкой» или «гребенкой», а потом укладка асфальтобетона. На перевалах взрывали породу, ставили камнедробилки. Щебенку развозили самосвалами, по дороге ее разгребали грейдеры и бульдозеры. Отсюда, кстати, и пошло «грейдерная гребенка». На труднопроходимых участках делались объезды. Датой открытия сквозного проезда считается 26 февраля 2004 года. А полностью заасфальтирована трасса была в августе 2010-го.

Еще в пору зимников и гребенок началось массовое освоение русским человеком трассы. Основной поток (до 700 машин в сутки) шел с Дальнего Востока в Сибирь. Это были перегонщики японских автомобилей. Машины эти стали называться «праворукими», перегонщики – «перегонами», а трасса стала судьбой целого поколения сибиряков и одной из сторон уникальнейшего явления русского Правого Руля, который придал такое своеобразие жизни восточных регионов, что дорос до настоящего социокультурного феномена. Большой для сибиряков и дальневосточников разговор о мнимой аварийности праворуких машин затевать не будем по трем причинам. Во-первых, право объ-

езда на островах, многие из которых поддерживались дотациями: капитальная жизнь в этих условиях затратна, и забота о ее поддержании на дальних форпостах всегда на плечах государства, дорожащего территорией.

Сначала машины из Японии разрешалось ввозить только морякам, в 1993-м – позволили всем, и это спасло окраину страны. Заводы встали, ученые и военные голодали. Начался отток населения в западные регионы. И тут поднялось дело: рынки, шиномонтажки, сервисы, магазины. «Проклятые 90-е» стали расцветом дальневосточной праворульной культуры... Правый руль фактически работал на сохранение российского присутствия на Дальнем Востоке», – пишет владивостокский писатель и журналист Василий Авченко в книге «Правый руль». Освоившись в Приморье, недорогие праворукие машины довольно быстро хлынули в Сибирь.

В 90-х годах нарушились многолетние жилы-связи между русскими пространствами. Подорожали билеты, уменьшилось количество авиарейсов, закрывались почты, рухнули зарплаты. Население охватило страшное чувство разобщенности, утратилось единство Русского мира. И когда тысячи молодых людей, оставшихся без работы, взялись гонять в Сибирь автомобили из Владивостока и Находки, именно перегон стал той народной иглой, которая сшила регионы, возвращая людям чувство причастности к своей земле.

Все, кто испытал на своей шкуре трассу, особенно на участке М-58 Хабаровск – Чита, знают, по какой красоте она пролегает и какой контраст с этой красотой являет само перегонское ремесло – с бездорожьем, безлюдьем, неустроенностью, опасностями и отсутствием надежды на какую-либо помощь. Перегон привлекал не просто как заработок, не просто как обычный дальнотой – поражали именно небывалость и красота картины, полная необыч-

ность, несусветность всего этого предприятия, рождающегося на твоих глазах. Самым крупным пунктом распространения праворуких машин в Сибири стала ее столица Новосибирск. Именно между этим городом и Владивостоком установились крепчайшие связи, несмотря на то, что Новосибирск ближе к Москве, чем к Приморью. Из Новосибирска правый руль уверенно завоевал Алтайский край и Республику Алтай (Горный Алтай). Я специально назвал отдельно последние два региона: московские журналисты и чиновники постоянно в них плутают. Так, недавно начальник Федеральной службы по тарифам, спутав Горный Алтай с Алтайским краем,

дал неправильную информацию президенту Российской Федерации о росте тарифов.

Перегон зародился с начала 90-х, когда никакой нормальной дороги и в помине не было. Часть перегонщиков грузили машины в сетки (род железнодорожного вагона), а наиболее отчаянные ехали сами, пробираясь несусветными тропами – где вдоль железной дороги «колхозными» проселками, где по зимникам, где по льду Шилки. Заправок почти не было – заправлялись у местных мужиков из канистр. Постепенно и абсолютно самостоятельно трасса обросла кафешками, шашлычками, шиномонтажками и гостиницами. Великое счастье подъехать в темноте к ночлегу, уставшими глазами выглядывая огни долгожданной «заезжки». Какое прекрасное старинное слово «заезжая»... Сколько в нем памяти о прежних заезжих, где толклись КраЗы, ЗИЛы и «Колхиды»... И в столовках работяги-водители, начав обед со стакана густейшей сметаны, запивали компотом макароны с котлетами и лечо. А потом обували на колеса цепи и шли сквозь пургу по серпантинам Усинского и Чуйского трактов.

ЛЮБОВЬ, ВОШЕДШАЯ В ПРАВИЛО

Как мы говорили, субкультура Правого Руля поначалу возникла на Дальнем Востоке, в городах, наполненных непривычными для европейского ока белыми, еще угловатыми тогда машинами (белый цвет автомобилей долгое время был в Японии очень популярным). Потихоньку машины теряли угловатость, приобретали красивые стремительные очертания и в больших количествах отправлялись в Сибирь, поражая народ невообразимым, на все случаи, разнообразием и характером каждой модели. Для большинства мужиков, ничего не видевших, кроме «Жиг», «Волг» и «уазиков», и задавленных бытом выживания, они стали открытием, отдушиной. Впечатление усиливалось контрастом между окружающей обстановкой

разрухи и великолепием мощной машины, в роскошном салоне которой ты будто прятался от рваной серебрянки теплотрасс, обшарпанности бетонных пятиэтажек, разора пустеющих промзон и выбитых стекол заводов и коровников.

Явный национальный характер странной внешности машин, то по-дельфиньи тугой, то сухо-аскетической, выразительность, разлитая по десяткам вариантов и имеющая нечто неповторимо общее, какая-то то морская, то крылатая стать тихоокеанских чаек, стойки с дизайном «плавник акулы», плавно переходящие в линию багажника, парковочные зеркала на левых крыльях джипов – все эти чуждые авточерты придали улицам городов и поселков какую-то горькую изюминку. Этот оттенок обострил ощущение Родины, ее края, рубежа именно на контрасте с абсолютно чужим, пришедшим из другой цивилизации: раскосые фары, драконьи глаза задних фонарей, их азиатская затрапезность. Чуждость сыграла обратную роль, поскольку, как сказал один перегон в своем стихе: «Только крепче любовь на чужбине». Так, подержанные японские машины обрели в России вторую жизнь, до дрожи полюбили и стали символом выбора брошенных на выживание окраин. Любовь и гордость обострили враждебное отношение к проблеме ряда чиновников. С восточного борта русской земли позиция выглядела узко «внутримакадовской»: забота о целостности страны провоцировала как раз конфронтацию и еще больший раздрай в Русском мире.

Правый Руль превратился из категории экономической в социокультурную и политическую. И вот еще один ключ к его пониманию: если взять перегон машин в Россию с Запада, то для них мир европейских автомобилей не стал особым явлением жизни, никому не пришло в голову ни очеловечить свои машины, ни воспеть. Значит, сибирские

мужики не такие уж и дети, и причина, слава богу, не в машинах, а в чем-то другом: в особенностях жизни в Сибири и на Дальнем Востоке. В энергии этой могучей и суровой земли, требующей от человека соответствия. В ее излучении, которое окрашивает всякое явление в новый цвет, придает неожиданное значение и новую глубину, открывая что-то непознанное в человеческой душе, в зрении и слухе. И дающее взамен внешней неустроенности гордость и чувство своей земли.

Все, что прошло испытание ею, становится предметом любви. Вот и праворукие машины, овеванные и закаленные таежными морозными трассами, стали больше, чем автомобили, превратились в верных товарищей и были одушевлены как нечто свое и кровное, заслужив настоящую любовь, какая и не снилась ни перегонщикам немецких машин в Москву из Европы, ни самим японцам. Постоянный страх запретов только усиливал эту любовь, вошедшую в правило, и в Сибири до сих пор люди среднего достатка предпочитают правый руль и говорят о праворукой эпохе с горечью потери. Для простых сибирских ребят машины стали признаком «свой – не свой», символом небуржуазности и демократичности. В отличие от европейцев, пригнанных с Запада, праворукицы имели окраску явную и яркую, потому что сделались *собратями по доле*. А доля – это выживание, тепленько на дальних и трудных рубежах Родины и гордость за них. Про дальневосточников хорошо сказала одна тюменская женщина в фильме

«Перегон»: «Людам здесь приплачивать надо за то, что они живут в такой нищете и красоте».

Картины перегона впечатляют, и меня не покидает мечта снять художественный фильм об этом мужском деле. Такой фильм был бы полезен для воспитания мужского начала в наших молодых людях. Последнее время оно явно утрачивается под натиском всяческих «унисексов» и прочих западных бесполостей... А фильм мог бы получиться хороший... Машины несутся на скорости в страшной пыли. Морды оклеены пленкой или укутаны картоном или пластиком: на гребенке из-под колес летит такое количество камней, что машина придет побитой. Поэтому ехать медленней, чем другие, нельзя – рискуешь быть «скоцанным». Зимой гребенка частично сглажена и уплотнена снегом, и ехать вроде легче. Но другая беда – снега да морозы да короткие дни. Надо сказать, что кадры с летящим щебнем представляют уже исторический интерес – сейчас трасса полностью асфальтирована.

Необыкновенно эффектный кадр: один водитель перегоняет несколько машин. Самый распространенный вариант – грузовик с легковухой или джипом в кузове. Еще способ: сзади на жесткой сцепке укутанный до бровей автомобиль без водителя. В перегонском пересказе картина дорастает до мощного образа: по трассе несется грузовик «сороконожка» с двумя легковушками в кузове, сзади на жесткой сцепке болтается грузовичок с джипом в кузове и мелкой легковухой на сцепке.

ДАК ВОТ...

Еще об одном свойстве русского человека хочется сказать. О способности переводить все незнакомое на понятный язык. У нашего народа обостренное чувство языка, и простые люди сердцем чувствуют его силу. Язык наш в беде, его надо спасать, охранять. Я категорически не согласен с теорией самостоятельной жизни языка – дескать, язык – это свободное существо, как хочет, так пускай и развивается. Да нет, ребята, любой крестьянин знает: огород надо полоть, покосы расчищать от плавника, выкашивать каждую кулигу, а то так зарастет дудкой, что потом никакая литовка не возьмет. Как овраг надо засаживать дерном, так и язык нуждается в защите и правке. Язык – это носитель национальной памяти, и сегодня в русском обществе необходимо немедленно ввести гражданское обращение «сударь» и «сударыня» и перестать унижать себя убогими «женщина» и «мужчина» – об этом надо 24 часа в сутки кричать из телевизоров.

В Сибири любят говорить: «Дак вот...» Дак вот, русский народ обладает способностью холодные непонятные названия переводить на понятные. Помню, как наш енисейский товарищ прозвал труднопроизносимое для него эвенкийское название ручья «Ядокта» – Ягодкой.

Когда появились японские машины с целым миром странных названий, русский человек моментально приспособил их к языку, обрастил кличками, которые распространились на пол-Сибири. Названия эти заслуживают особого разговора и сами по себе уже предмет диссертации. Японцы не называют машины по номерам, для каждой придумывают свое имя. Причем нарекают любимиц испанскими, английскими и итальянскими именами в самых несусветных и несурзных сочетаниях, зачастую изобретая почти новые слова («тойота-виндом» или «хонда-вигор»). Нередко название состоит из трех ступеней:

японской, английской, испанской (итальянской или латинской). В разных комбинациях (например, «ниссан-лаурель-медалист» или «тойота-краун-мажеста»). И вдруг вся эта какофония начинает обрастать русскими кличками. «Тойота-марк-2» становится «марковником», «тойота-хариер» – «хорьком», «тойота-соарер» – «сайрой». Список тянется на десятки страниц. «Слива» – «ниссан-сильвия», «виноград» – «ниссан-вингроуд», «степан» – «хонда-степвагон». Особенно глянулось близкое: «надя», «марино» (которую все звали «марина»), «корона», «фамилия», «партнер». А «карину» с длинным во всю корму задним фонарем, напоминающим улыбающиеся губы, прозвали «улыбкой». «Слепыш» – машина с закрывающимися фарами, поэтому «хонда-прелюд» – «прелка-слепыш». Белая машина – «беляш», любого другого цвета – «цветной». Желтое колесико-докатка – «банан». Грузовик с двумя рядами передних колес – «сороконожка». Рассадником и законодателем этого языка стал «Зеленый угол» во Владивостоке.

Когда я впервые столкнулся в Красноярске с внутренним автомиром Японии, меня поразила его бесконечность, альтернативность и будто зеркальность по отношению к привычному. Я вырос в Москве и в двадцатилетнем возрасте уехал в Сибирь, где многому предстояло научиться. Почти все здесь было по-другому, и зеркальность машин будто кричала об этом, когда я выезжал в Красноярск. А образ Дальнего Востока как края света и запредельного захолустья вдруг расцветал новой реальностью, был началом другой галактики.

В Красноярске становилось все больше праворуких машин. На них ездили большинство таксистов. На крановых грузовиках, прозванных «воровайками» (по аналогии с «воровским кузовом» ГАЗ-53, оборудованным краном), перевозили грузы: надо перевезти снегоход, большой ящик – вызвал «воровайку», никаких грузчиков не надо.

Табуны «вороваек» стоят со своими кранами на специальных площадках.

Енисейский флот тоже приобщился к автомобильной жизни: машины ехали на пароходах в Дудинку и Норильск, и самоходки, заставленные сверкающими кузовами, смотрелись с таежного комариного берега диковато...

И вот, созерцая великий Енисейский меридиан, я вдруг обнаружил поразительную картину, которая с некоторыми поправками выглядела так: к востоку рули у машин справа, а к западу – слева. Поначалу я увидел в этом разрыв, а потом великую рулевую симметрию русской жизни, очередное подтверждение двуглавости нашего пространства. Под двуглавыстью можно понимать сложность мира и способность русского человека к постижению противоречий, его не-страх порвать душу. А можно – извечную распростертость России на запад и восток. И я подумал о неоправданной смещенности русского центра к Западу, об опасностях этой асимметрии в обстановке ухудшения качества жизни в восточных окраинах. А в балансе рулей я увидел напоминание о ежедневном, ежеминутном выборе пути, осознанием, вдумчивом и созидательном бытии... Кажется, сам Господь Бог спрашивает нас: какой все-таки путь мы выбираем? Путь традиции и единства? Сознание общности и соборности, когда интересы Отечества важнее амбиций отдельной личности, а главной целью и человека, и общества является *служение*? Или путь западного индивидуализма и свободы от каких-либо исконных правил и норм? А если уж Запад так восхищает научно-технической силой, то не взглянуть ли на «отсталый» Восток, который на наших глазах уже почти заткнул его за пояс? Тем более с христианской своей дороги Запад давно сбился, и у России вряд ли есть перед ним духовные обязательства. Вот такие неновые мысли одолевали меня, пока я наслаждался с высокой сопки видом стального Батюшки-Енисея.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Однако вернемся к истокам нашего размышления о русском орле и перенесемся от Енисея под восточную оконечность огромного его крыла – к началу пути от океана до Енисея. Выйдя из Владивостока, дорога долго тянется по равнинному Приморью, пересекает отроги Сихотэ-Алиня, поросшие прозрачными дубняками, и наконец подходит к Хабаровску, на подъезде к которому резко меняется климат – из сырого и теплого приморского он становится более морозным, сибирским.

К Хабаровску у водителей особое отношение: в пору разгула преступности он славился нападениями на перегонов, сбором дани за проезд по трассе. Последние годы стало поспокойнее, да и перегоны вооружились, кто «Сайгами», кто прочими стволами. За Хабаровском трасса тянется по низине, ближе к границе с Амурской областью пересекает сопки, продолжающие южные отроги Буреинского хребта. Они покрыты дубняками, сизо-прозрачными на фоне снега, в них вкраплены слоистые кучки-кроны корейских кедров. Спустившись с перевалов, трасса некоторое время идет по ровной Зейско-Буреинской равнине.

Чем дальше в Амурскую область, тем безлюднее, дичее и красивее места. Редкие худосочные лиственничники, бесконечные горные цепи. Ощущение задумчивой мощи, заставляющей душу напряженно работать, читать знаки, которые дает нам наша земля. Дорога на Руси всегда была разговором с Богом: «Выхожу один я на дорогу»...

Еще С.М. Соловьев и В.О. Ключевский писали о роли ландшафта в истории России. «Степь широкая, раздольная, как величает ее песня, своим простором, которому конца-краю нет, воспитывала в древнерусском южанине чувство шири и дали, представление о просторном горизонте, окоеме, как говорили в старину», – замечал Ключевский. О роли суровой и великолепной природы Сибири и Даль-

него Востока, где соединены абсолютно все ландшафты, историкам еще предстоит сказать слово. Именно природа и диктует человеку образ жизни. Пожалуй, главное в нем – энергия преодоления. Она дает крепчайшую закалку духа и одновременно отучает от гордыни, подчиняет вечному, напоминает о месте человека среди огромной и суровой действительности. Под стать местности заворожившие названия: Архара, Лондоко, Магдагачи, Невер, Амазар, Могоча. Многие поселки на Транссибе названы по речкам-притокам Амура (например, Амазар, Магдагачи). Не менее звучны и суровы названия забайкальские – Нерчинск, Петровский Завод, Хилок, Чикой. Повторяя очертание китайской границы, трасса уходит по Амурской области к северу, образовав горб – вершину сопки недалеко от границы с Читинской областью. Ее западный склон плавно целит на юг Байкала. Вершина эта является серединой между Хабаровском и Читой. Это самый дикий и красивый кусок трассы. Читинская область в этих местах особенно выразительна. Мари с редкими листвяжками... Отрог Олёкминского Становика вдали с граненой пологой вершиной... В некоторых местах взгляду открывается Транссиб с составом. Сопки, тянущиеся вдоль трассы, покрытые редким забайкальским соснячком. Когда трасса строилась, асфальт чередовался с гребенкой, и асфальтовые куски проносились под капотом с неестественной легкостью. Полет быстро заканчивался, и снова наступала трясучая смесь снега с ржавой щебенкой. На свежевзорванных перевалах громоздились развалы рыжей породы, огромные глыбы, угловатые кубы, которые тут же дробились на камнедробильном заводике. Щебенку самосвалы развозили на страшной скорости, вздымая невообразимую пылью. Свежий острый камешник с лопающимся звуком дроботал под колесами, непонятно как выдерживала резина. Снег на сотни метров в стороны был покрыт цвета ряженки пылью. Она лежала везде – на капоте, на стекле. На ледяном обвесе, покрывающем кузов, крылья будто языки пламени.

И вот Чита в степной котловине. Забайкальские степи, ярко-желтые и едва припорошенные сухим снежком. Белые, будто гипсовые, увалы в складках. Поселок в долине, морозные вертикальные дымки... Песочек недосыпа в глазах... Придорожное долгожданное кафе... Борщ, пельмени, чай с лимоном... Да какой тут ресторан сравнится! Подступающая к глазам ословелость, жар в лице. Стакан горячего кофе... И снова сопки с соснячком, скалы, бесконечные подъемы, спуски, повороты. Горные дороги Бурятии, красивейшие окрестности Улан-Удэ. И дорога вдоль могучей Селенги в горных берегах.

В машине обязательно диск с музыкой или стихами... Они накладываются на проплывающие пространства, и дивно переплетается Отечество географическое с Отечеством духовным, дает неделимый сплав, образует такие связи и такую остроту придает нашей и без того острой от событий и впечатлений жизни, что никогда не забудешь и захочешь обязательно повторить.

И все дальше, дальше, дальше... И снова густеющая синева раннего вечера, свет фар на снежном полотне, раннее утро и медленно синеющее небо... Рыжее небо под плоской тучкой. И открывается окрестность, и взгляд расправляется, облегченно ощупывая знакомые очертания. А дальше – белый Байкал в седом снежном мороке. И дорога опасливо лепится по-над Транссибом на крутом склоне Хамар-Дабана, подошедшего слева, острыми пиками восставшего из дымной снеговой завесы. Уже почти енисейский вид тревожит сердце: черные кедровые горы тайги, змеи-поземки на сизом асфальте, встречная машина с раскосыми фарами и иркутскими номерами... А вот и кемеровская фура падает солярным выхлопом на перевале. Иркутская область после пролета Хабаровск – Чита кажется центром цивилизации. Еще день пути и – Красноярье. И Енисей, огромный, свинцовый, сизый среди столбов пара (из-за близости плотины здесь в любой мороз открытая вода). Вот и все. 5 тысяч километров замерли за плечами. Но трасса все еще живет-гудит в сердце и вместе с облегчением уже вызывает чувство утраты, пустоты, утери смысла, как бывает, когда оставляешь дорогое. Вспоминается лучшее: люди, говорящие на одном языке, одними словечками («гальманул», «растележился»), живущие одними заботами. Взаимовыручка на трассе. Если что-то случилось, поломался или улетел с дороги – одна за одной

останавливаются машины: все понимают, сегодня это произошло с тобой, а завтра с ним.

Удивительно живет неделимое русское пространство, кажется, оно и Богом создано как единое. Я уже говорил о силе имен. Например, эвенкийских названий рек, впадающих в Амур. Название «Магдагачи» удивительно переключается с горой Хаканачи на притоке Енисея. Поселок Лондоко Хабаровского края – с горой Лочоко. Бира – с эвенкийского «река». Территория к востоку от Енисея буквально пестрит реками: Биракан, Бирами. Гигантская территория была для эвенков одним великим оленьим пастбищем.

Я считаю, что Сибирь и Дальний Восток – главная тема сегодняшних дней. Ей надо уделять максимум внимания и буквально бить в набат: к востоку от Урала, несмотря на огромность просторов и богатство природы, живет крайне мало людей – порядка 30 миллионов, по разным подсчетам и в зависимости от того, брать ли восточный склон Урала. Эта цифра – примерно две Москвы с окрестностями. Часть населения при возможности уехала бы на запад России, многие и уезжают – останавливает только сложность пуска корней на новом месте. Тенденция эта крайне опасна и работает как снежный ком – чем больше людей уедет с Камчатки, из Приморья и Восточной Сибири, тем труднее будет оставшимся, и тем сильнее они захотят тоже уехать. Ведь закрывшуюся школу никто снова не откроет. И никакой теплый салон «марковника» не спасет от вопросов...

...Засыпаешь, и в глазах слепящий свет встречных фар, немеркнущий отгиск дороги. Огромные оковалки расстояний, страницы напряженной внутренней жизни, переживание одиночества – такого мучительного и такого не-

обходимого... И главная тайна пространства – переход одной местности в другую и твое свидетельство великого перерождения, закона постепенности – еще есть чему поучиться у Матушки-Земли... Не по карте, а всем телом, хребтом пропахав каждый камешек бесконечной дороги... Заправка, выход на 35-градусный морозец из жары салона. Хрусткая ото льда и снега площадка в следах протекторов. Лужица масла... Сочно-терпкий запах солянки. Ледяной пистолет. Девчушка за окошком кассы... Рокот от огромного тягача. И люди... В каждом поселке, на каждой станции, прилепившейся к Транссибу. Для москвича или питерца – вроде невиданное захолустье, остаться здесь даже ненадолго – нет хуже наказания. А для какого-нибудь Василича, деловито укладывающего промороженные канистры и сети в раздолбанный японский пикап – это Родина и центр мира. «Мое это!» – так и скажет он, глядя на морозный простор, на гипсово-белую дорогу, и привычно хлопнет дверцей вишневого «хайлюкса» 92-го года. И сыто затахтит дизелем в сторону перевала.

Уже редкими косячками несутся по М-58 белые и серебристые машинки: после введения заградительных пошлин выживают только совсем малолитражные «шмопсы». Но все так же жарко в салонах, так же сияют в зеркалах фары сзади идущих попутчиков, так же проплывают мимо белые сопки в штриховке тайги, и еще сильнее рады посетителям официантки из кафешек. И снова садятся перегоны в поезд №8 Новосибирск – Владивосток, чтобы вернуться своим ходом по трассе красоты и силы. Кто испытал перегон – тот знает: это сродни промыслу в тайге, путине в океане. Для мужика это как наркотик – остаться наедине со своими мыслями. С морозными звездами над Сибирью. А ведь так оно и было на Руси во веки веков... ❧

ЗАПИСКИ ВРАЧА

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ОСКАР КРАЗУЗЕ ПОСВЯТИЛ БОРЬБЕ С ДЕТСКИМИ БОЛЕЗНЯМИ И ОПИСАНИЮ ПОДВИГОВ СВОИХ ПРЕДКОВ, ВОЕВАВШИХ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНАХ.

В ВОЛОГОДСКОЙ ОБласти это имя известно почти всем, кому за двадцать. Оскар Краузе – почетный гражданин Череповца, на протяжении 35 лет был главным детским врачом города. На пенсию Оскар Фридрихович вышел поздно – в 70

лет. А все потому, что заменить его было некем. Едва снял белый халат, решил заняться разборкой семейного архива и написать по итогам этих бумажных раскопок биографические повести о своих предках. А предки и родственники у Оскара Краузе, надо сказать, за-

мечательные. Отец участвовал в Первой мировой войне и оставил после себя дневник в письмах, а дед по матери попал на страницы знаменитого романа «Цусима». Да и собственная жизнь Оскара Краузе тянет если не на большой роман, то уж точно на «Записки врача».

Недавно Оскар Фридрихович отметил свое 80-летие. «Я использую заслуженный отдых, чтобы работать. Кое-что почитываю, пописываю, обрабатываю, – рассказывает он. – В основном это семейные документы. Сохраняю по возможности память о предках, родителях. За последние годы вышли три книжки: о моем деде-моряке, погибшем при Цусиме («Письма из похода к Цусиме»), о маме («Вера Федоровна») и о драматичном времени начала войны в жизни нашей семьи и нашего города Магнитогорска («Пришла война в Березки»).

ДВЕ ВОЙНЫ, ДВЕ СУДЬБЫ

– О ком пишете сейчас?

– Закончил книгу об отце. Приближается столетие с начала Первой мировой войны, в которой мой отец – тогда молодой московский детский врач – принимал участие с первых дней. Сохранилось много его писем невесте, а потом жене за период с 1914 по 1917 год, до самого Октябрьского переворота. Отец писал почти ежедневно и подробно отовсюду: из Воронежа, где формировался госпиталь, из Галиции, Волыни, Румынии, где он командовал легучим санитарным отрядом. Из этих писем становятся понятны настроения образованных людей тех лет. На фронте отец с энтузиазмом встретил и Февральскую революцию. Он был любителем-фотографом. Чудом уцелели его фронтовые фотографии: врачи, сестры милосердия, офицеры, солдаты,

пленные австрийцы, несчастные беженцы, военное кладбище 1916 года и т.д. – вплоть до наблюдательного поста на дереве на позициях. Никому не приходило в голову это запрещать. Теперь это историческая ценность. Письма отца дополняются ответами из Москвы его невесты – тоже детского врача. В них отражены будни тыла, перемены московского быта и настроений – от ожидания скорого окончания войны через два-три месяца до полной разрухи, общественного бурления и хаоса, голода и холода. Мне кажется, все это представляет не узкосемейный интерес. Одно московское издательство заинтересовалось, собиралось печатать, но когда работа была готова – отказали. Даже не читая. Нет, мол, денег. Но я не расстроен: книга-то сделана. Авось еще кто-нибудь заинтересуется, придет и ее черед.

– Как, если судить по письмам вашего отца, люди в то время воспринимали Первую мировую войну?

– Однозначно как глобальную катастрофу. Она затронула сразу все слои общества, никто не остался в стороне. После Первой мировой Европа и Россия становятся другими. Еще в 1915 году русский тыл живет старой жизнью – работают рестораны, идут концерты, по проспектам ходят дамы с кружевными зонтиками. А в 1916 и 1917 годах настроения уже другие. И в этом смысле свидетельства простых людей того времени в чем-то даже интереснее, чем биографии крупных деятелей. Так мне кажется.

– Какая деталь из писем отца о войне вас особенно поразила?

– Отец воевал не с неприятелем, а с инфекциями и болезнями. Меня, как врача, который знает, что такое холера, сыпной и возвратный тиф, сибирская язва, дифтерия, поражает, в каких условиях проходила борьба со страшнейшими заразами. У них ведь ничего не было, возможности были почти нулевые. Эпидемии бушевали не только в армии, но и в деревнях, рядом с военными позициями. Заболевает член семьи, за ним другой, третий. Отец описывает, как отряд приезжает в очаг очередной эпидемии, делают дезинфекцию, забивают зараженный колодец, но ведь больных-то девать некуда. Стационаров нет, даже передвижных, а в армейские гражданских брать запрещено. А не вывезешь больных, эпидемию в деревне не остановить. Что делать, как быть? И все-таки они работали и помогали. Очень помогали земские отряды Союза городов. Отец сам тяжело переболел и дифтерией, и всеми тремя тифами, и «испанкой». Нам сейчас трудно представить масштабы тех бедствий. Появись сейчас холера хотя бы у одного больного, все бы на ушах стояли. Я, когда работал, однажды для того, чтобы эпидемиолог быстрее при-

После трех с лишним десятков лет ненормированного рабочего дня Оскар Краузе вышел на заслуженный отдых. Освободившееся время отдает историческим изысканиям и книгам о членах своей семьи

Родители Оскара Краузе в августе 1940 года. Обоих заберут в 1942-м. Оскар с сестрой вмиг осиротеют

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА О. КРАУЗЕ

АНАСТАСИЯ ПЕТРОВИЧ

АНАСТАСИЯ ПЕТРОВИЧ

шел в больницу, сказал по телефону: «По симптомам похоже на холеру». Так через считанные минуты ко мне не только эпидемиолог, но и все начальство прилетело. А для отца и его коллег столет назад холера была повседневной практикой. Бывало, человек, заболев утром, к обеду умирал...

– Когда вы впервые услышали о своем дедушке по материнской линии?

– Мы с сестрой знали о нем с раннего детства, мама любила о нем рассказывать. Это был прекрасный человек, умный, образованный, с хорошим чувством юмора. Демократ и настоящий русский интеллигент. Мама показывала интересные открытки, которые отец присылал ей, еще девочке, в 1904 году из своего последнего далекого похода в Японию. Помню на одной из фотографий большую компанию офицеров 2-й Тихоокеанской эскадры в гостях у местного царька с его «придворными» в Габоне, на самом экваторе, где

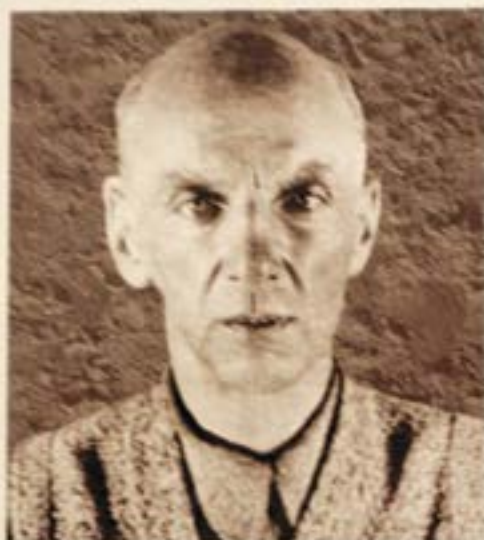
у них была небольшая стоянка. Африканские пальмы, хижины, тропические пробковые шлемы, белые костюмы, наши дамы с госпитального «Орла» с племянницей «короля»...

Полковник морской артиллерии Федор Аркадьевич Берснев родом был из волжского городка Мышкина, имел два образования – артиллерийское и металлургическое, поработал в Англии и Америке. Он шел флагманским артиллеристом на головном броненосце «Князь Суворов». Лихая им досталась доля... В Цусимском сражении он погиб на посту, у дальнего номера в боевой рубке, в первые полчаса боя. Осколок японского снаряда попал ему в голову. Обстоятельства его гибели приводятся в известном романе Новикова-Прибоя «Цусима». Их описал очевидец – флаг-офицер штаба лейтенант Кржижановский, один из нескольких спасшихся с тонущего «Суворова». Тяжело раненного адмирала и остатки штаба чудом удалось снять под обстрелом на подошедший

к флагману миноносец «Буйный». Деду же и почти тысячной команде броненосца могилой стал «Суворов», лежащий теперь на дне Цусимского пролива. Деду тогда едва исполнилось 44 года. Осталась жена с четырьмя маленькими детьми. Моя мать была старшей – ей было 8 лет... Бабушка, Елена Константиновна, была одной из первых русских женщин – дипломированных врачей, трудилась честно на этом поприще до самой смерти.

Еще одно довольно подробное упоминание о деде я нашел не так давно в изданной в 1938 году книге «Обуховцы», рассказывающей об истории Обуховского завода в Петербурге. Дед был там заведующим броневой мастерской, его очень любили и уважали рабочие. Он их учил, заботился об их быте, был одним из создателей театра для рабочих. А во время знаменитой стачки – Обуховской обороны 1901 года – подполковник Берснев защищал своих рабочих от расстрела матросами.

За годы Первой мировой войны отец Оскара Краузе написал своей невесте не одну сотню писем, которые стали основой для книги

Фридрих Оскарович Краузе и Вера Фёдоровна Берсенева.
Фотографии из тюремного дела,
Магнитогорск, 1942 год.

Родители.
Судебное дело

– Назвал в честь своего отца, московского учителя, который умер незадолго до моего рождения.

– В XX веке Россия дважды во-
евала с Германией. Как жилось
отцу и вашим родственникам с
фамилией Краузе?

– Всякое бывало, иногда прихо-
дилось и нелегко – а вы как ду-
мали? И в письмах отца, кстати,
это отражено. Во время Первой
мировой войны в России были
немецкие погромы, и жестокие.
Например, в Москве в послед-
ние дни мая 1915 года. Громили
и поджигали магазины, кварта-
ры, мастерские и фабрики, чьи
владельцы носили немецкую
фамилию. Людям с немецкими
фамилиями тоже доставалось.
И мы, дети, наслушались обид-
ных прозвищ, особенно в на-
чале войны, когда родителей с
нами уже не было, – мы были
дети «врагов народа», да еще
«немцев».

– Вы помните, как забрали ро-
дителей?

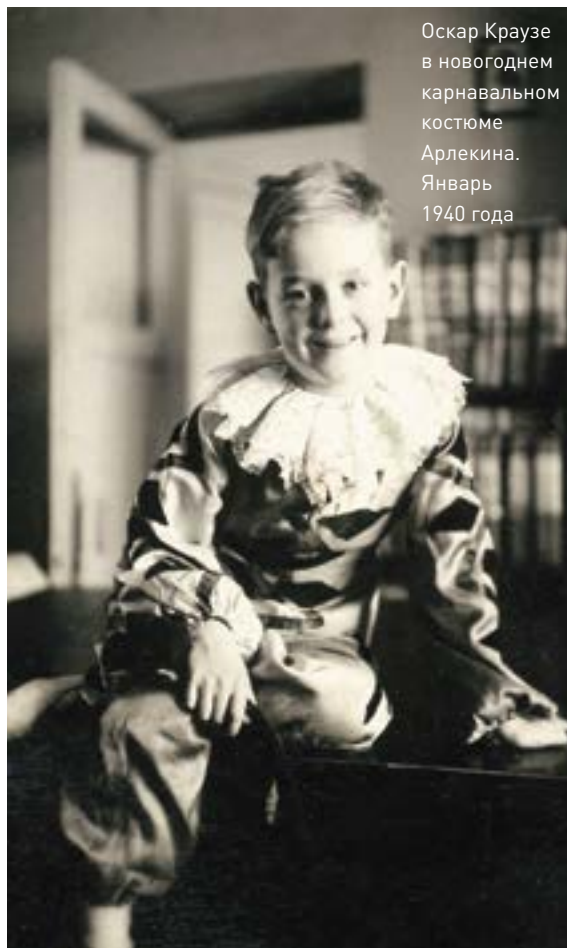
– Конечно. Это было в Магни-
тогорске. Хотя мне и было всего
10 лет, это врезалось в память на
всю жизнь. Шел 1942 год. Отца
увели в марте, а маму позднее
осенью. Их аресты, само собой,
были связаны. Обвинения клас-
сические: антисоветская агита-
ция. Возможно, свою роль тут
сыграла наша удобная квартира.
В 30-е годы, когда Магнитогорск
строился, врачей там ценили
высоко, а отца очень выделяли.
Он был первый детский врач в
городе, организовывал эту служ-
бу. Мы жили в замечательной
квартире, большой и удобной.
Наша семья прожила в ней не-
сколько счастливых лет. А когда
родителей забрали, в квартире
поселился новый председатель
горисполкома, эвакуированный

МОСКВА – УРАЛ – ВОЛОГОДЧИНА

– Вообще-то многих врачей явно
манит писательская стезя.
И некоторые из них даже ста-
новятся великими писателями,
достаточно вспомнить Чехова
и Булгакова. Почему врачей так
тянет к перу?

– Я не вижу здесь прямой свя-
зи. Наверное, все дело в том,
что врачи в большинстве сво-
ем хорошо образованные люди
и умеют учиться, иначе просто
не стали бы врачами. Для моего
отца была доступна еще и ино-
странный литература на языке
оригинала, в их доме говорили
по-немецки. Мой дед был лат-
вийским немцем, 35 лет рабо-
тал в Москве педагогом. Все его
семеро детей, включая моего
отца, родились в Москве. В 1913
году дед вышел на пенсию и
уехал в Ригу, туда отправилась
и вся его семья, кроме папы. Он
не мыслил себя без Москвы и
России.

– Отец назвал вас немецким
именем...

Оскар Краузе
в новогоднем
карнавальном
костюме
Арлекина.
Январь
1940 года

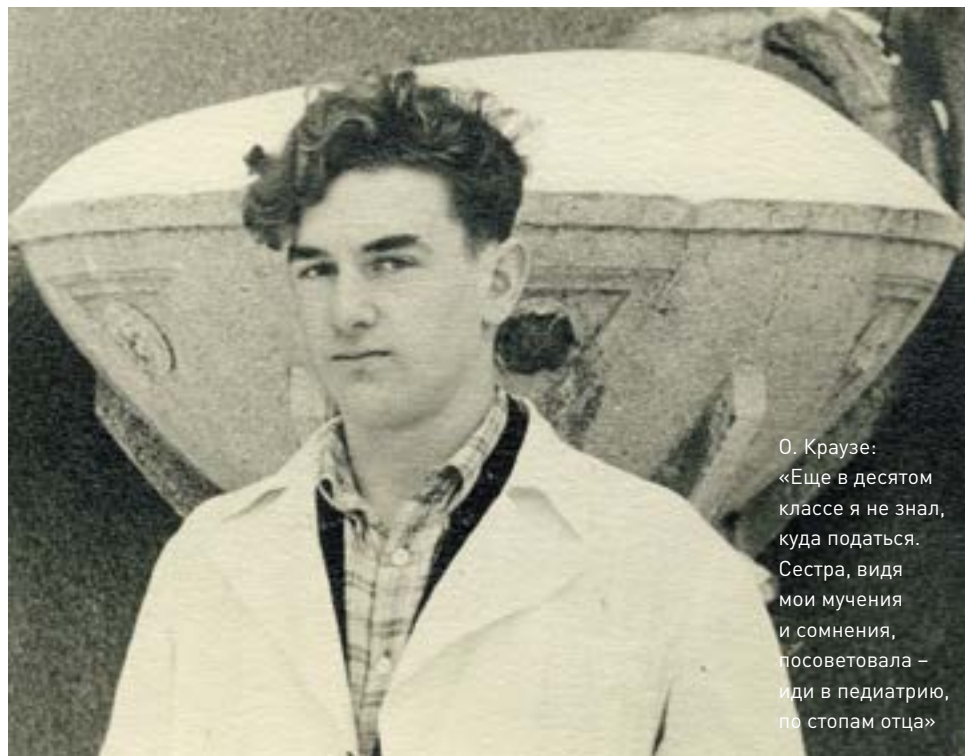
с Украины. Точнее, он с семьей уже поселился в части нашей квартиры еще до арестов. Когда маму и папу забрали, мы с сестрой оказались у тетки, сестры матери. Она с мужем переехала в Магнитогорск из Днепропетровска в 1935 году. В семье рассказывали, что его, отличного врача, однажды пригласили в дом большого человека Днепропетровска, и кто-то, сидевший в полумраке, посоветовал ему немедленно уехать, поскольку ночью за ним придут. К тому моменту, когда мы оказались у тетки, муж ее уже умер от рака, и на ее руках было двое собственных детей.

– Как московская семья оказалась в Магнитогорске?

– В конце 20-х годов отец работал в столичном Доме охраны материнства и младенчества, возглавлял загородное отделение, существовавшее для восстановления истощенных детей. Потом отделение закрыли, отец занимался частной практикой, которую не любил. Было голодно. Ему хотелось иметь стабильную работу и свой дом, а не съемную квартиру. И тут как раз началась агитационная кампания Магнитостроя – так называемая профсоюзная мобилизация. В мае 1931-го отец с радостью поехал поднимать детское здравоохранение будущего города металлургов. Мама его поддержала. «Что ж, пусть наши дети будут уральцами», – сказала она. Родители стали горячими патриотами Магнитки. Через полтора года здесь родился и я.

– Вы решили стать врачом из-за отца?

– В какой-то мере. Еще в десятом классе я не знал, куда податься и чем заняться. Интересовала физика и биология. Сестра, видя мои мучения и сомнения, посоветовала: иди в педиатры, по стопам отца. Конкурс был серьезный, но я поступил сразу же. Окончив, отправился в Вологодскую область, которая стала для меня родной на всю жизнь. Первым местом жи-

О. Краузе:
«Еще в десятом классе я не знал, куда податься. Сестра, видя мои мучения и сомнения, посоветовала – иди в педиатрию, по стопам отца»

из личного архива О. Краузе

тельства здесь была Тарнога. Вообще-то меня распределили во Владимир. Хороший город, несколько часов на автобусе до Москвы. А Тарнога была несусветной глушью. Там работал после лагерей мой отец, и я отправился ему на смену, он уходил на пенсию.

Третьекурсник Краузе на практике. Первые опыты общения с детьми показали, что профессия выбрана правильно

БАШЕННЫЕ ЧАСЫ И ДАМСКИЕ ЧАСИКИ

– Что отличает детского врача от его коллег?

– Отличия есть, и они серьезные. Болезнь у ребенка протекает во многом совершенно иначе; нужно знать и учитывать эти особенности – будь то инфек-

из личного архива О. Краузе

Оскар
Фридрихович
Краузе
на презентации
своих
фотовыставки
и новой книги

ция, травма или тот же аппендицит. Детскому врачу работать с взрослыми пациентами зачастую очень легко. Сравнить лечение взрослых и детей все равно что сравнить работу часовых мастеров – один имеет дело с башенными часами, а другой – с дамскими часиками. Но

проблема, конечно, не только в размерах. Ребенок очень редко может сформулировать, что у него болит. И еще он всячески стремится избежать встречи с врачом, протестует. И всего боится. Его отрывают от привычной обстановки, и для него это шок. Ему трудно что-то объяснить. Со

всем этим помимо собственно медицинской работы детский врач сталкивается ежедневно.

– *Хорошие педиатры и детские хирурги обычно добродушные и разговорчивые...*

– Это не главное. Детский врач должен обладать безграничным терпением. Работа практически с каждым ребенком начинается с того, что ты стремишься его успокоить, завоевать доверие, на это уходит много сил и времени. Вот, говорят, он подошел, сел, поговорил, и ребенок тут же замолк. Наверное, со стороны так и казалось. Но я ведь в это время не только говорил и успокаивал, это был лишь отвлекающий маневр. Я еще и делом занимался – прощупывал живот для постановки диагноза. А в этом деле столько тонкостей, я вам доложу. По учебнику этому научиться невозможно. Нужно перещупать несколько тысяч животов, прежде чем начнешь в этом разбираться по настоящему. У хорошего педиатра пальцы не менее чувствительны, чем у музыканта.

– *Разговаривая с маленьким пациентом, вы сюсюкали или разговаривали как с взрослым? Ну, «Терти казак...» и «До свадьбы заживет»?*

– Никакого сюсюканья. Главное, понять, чего ребенок боится и от чего страдает, и по возможности избавить его от этого страха. Важен тон разговора – спокойный, уверенный, мирный. К сожалению, это получалось не всегда. Некоторые дети кричат все то время, пока врач рядом. Как ты ни изошрайся. Но при всем при этом подкупает то, что дети всегда открыты и не лгут – еще не научились этому. Знаете, как я понимал, что ребенок пошел на поправку? Когда он мне первый раз улыбнется. Заходишь утром в палату, а он сидит в постели, еще слабенький и бледный, но улыбается тебе. И улыбка чуть заметная, чуть-чуть пробивающаяся, но все же улыбка. Все! Значит, дело пошло на лад!

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ТЕРРИКОНОВЫЕ ЛЕСА

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЕВА

ФОТО

АЛЕКСЕЯ ТАРАСИКОВА

И НА КАМНЯХ РАСТУТ ДЕРЕВЬЯ... ТАК ЧАСТО ГОВОРЯТ, ПЫТАЯСЬ УВЕРИТЬ, ЧТО И САМАЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ МЕЧТА ПОРОЙ МОЖЕТ СТАТЬ РЕАЛЬНОСТЬЮ. ЛЕСНИК ИЗ СКОПИНСКОГО РАЙОНА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ ВИКТОР СОЛОВЬЕВ ДЕЛОМ ДОКАЗАЛ, ЧТО НЕВОЗМОЖНОЕ – ВОЗМОЖНО, ВЫРАСТИВ ЛЕС НА КАМНЯХ.

СЕЙЧАС, НАВЕРНОЕ, уже мало кто вспомнит, что когда-то Скопинский район был шахтерским краем: здешние места являлись частью Подмосковского угольного бассейна. Потом в нашей стране с угля перешли на более выгодные нефть и газ, потребность в угле существенно снизилась, здешние добытчики оказались без работы, шахты закрылись... На память о тех

временах остались только горы отработанной земли – серой, бесплодной, больше похожей на золу или щебенку.

Эти безжизненные холмы так и возвышались бы в разных уголках района, если бы местному леснику-энтузиасту не пришла в голову, казалось бы, безрассудная мысль: озеленить эти территории. Конечно, никто не верил, что эта идея может стать реальностью – Соловьеву приходилось выслушивать долгие отповеди о том, что, мол, природу не обманешь и деревья не заставишь расти там, где нет никаких условий для их развития. На протяжении многих лет горы шлака стояли абсолютно «лысыми» – так какая же сила вдруг заставит их зазеленеть? Рассуждения эти были вполне логичными, однако Виктор Васильевич выслушивал их да и продолжал делать свое дело. И верил, что рано или поздно на территориях появится жизнь... И ведь так и произошло!

Сегодня над горами шлака шумят деревья. На вопрос, как этого удалось добиться, Виктор Соловьев отвечает с улыбкой: «Главное – относиться к природе с любовью. Тогда и она отвечает тем же. А если приходишь с черствым сердцем, никогда не жди результата...» Казалось бы, секрет простой. И тем не менее, хотя многие и пытались перенять опыт скопинского лесника, но разве можно научиться трепетному отношению к каждому деревцу, к каждому кустику?..

Лес стал не просто призванием Соловьева. Здесь, не краснея, уместно употребить высокопарное определение «дело жизни». И в этом нет никакого преувеличения. Вся его жизнь связана со служением природе. Можно сказать, он родился и вырос в лесу. Его отец был лесничим, и для маленького Виктора эта профессия была, похоже, чем-то само собой разумеющимся. Жаль только, что отцу рано пришлось расстаться с любимым делом: свои коррективы внесла война. Но и той, детской прививки любви к природе Виктору хватило, чтобы в дальнейшем,

не задумываясь, определиться с выбором специальности. Родительский пример стал основным, направил в нужное русло. Хотя отца своего Виктор Соловьев в последний раз видел, когда ему было всего 4 года...

– Я немножко помню, как папа уходил на фронт, хотя я был тогда совсем маленьким. Помню, как провожали, как отец сидел за столом в белом кителе – у лесников была такая парадная форма, – вспоминает Виктор Васильевич. – А потом помню, как пришло извещение – это врезалось в память особенно четко. И сейчас перед глазами тот желтый листок. Отец был убит в августе 42-го, а извещение о его гибели пришло только в сентябре. Он воевал под Смоленском, там была просто мясорубка...

Виктору Соловьеву рано пришлось привыкать к самостоятельности: когда ему исполнилось 12 лет, не стало и мамы. Можно сказать, что самым близким существом для него тогда стал лес. Здесь он нашел защиту и заботу... А впоследствии сторицей отплатил за то тепло, которым окружала его природа.

Такими
самодельными
баннерами
Соловьев
пытается уберечь
дорогой ему лес
от недоброжела-
телей

НАПЕРЕКОР ЗАКОНАМ ПРИРОДЫ

Когда разговариваешь со скопинским лесником, складывается ощущение, что для Виктора Соловьева лес по-настоящему живой. Он говорит о нем как о друге, как о родном человеке. В своих «лесных угодах» ему знакомо едва ли не каждое дерево. О том, что касается леса, Соловьев может говорить долго и не останавливаясь. «Это только кажется, что для того, чтобы вырастить дерево, нужно просто создать благоприятные условия. На самом деле этого недостаточно. Порой кажется, что все хорошо – и почва, и погода, и уход, – а дерево не растет... Просто без Божьей помощи ничего невозможно сделать», – уверен Виктор Васильевич.

Наверное, именно деревья подпитывают неутомимого лесника энергией – шустрый, стремительный, он и в свои 75 лет не может ни минуты сидеть на месте. Торопясь, рассказывает о проблемах, с которыми сталкивается в депутатской работе (Виктор Соловьев уже не первый раз избирается депутатом

районной Думы), тут же угощает медом с собственной пасеки, показывает многочисленные вырезки из газет, касающиеся вопросов развития леса... И все очень быстро, как будто боится чего-то не успеть. Он не умеет давать себе передышек, привык постоянно работать – у лесника всегда дел хватает. Сколько километров прошагал он по лесным дорогам – не поддается никаким подсчетам. Он и сейчас преодолевает немалые расстояния, отправляясь проверять новые посадки. Иногда кто-то подвезет, иногда он вышагивает десятки километров, чтобы навестить своих многочисленных питомцев.

Пожалуй, только такому энтузиасту могло прийти в голову взяться за озеленение терриконов. «Сначала я просто рассеял семена по горам – думал, зацепятся они корнями и приживутся. Но не тут-то было – их очень быстро сдуло ветром, смыло дождем. И следа не осталось от моей попытки», – вспоминает Виктор Васильевич. Но лесничий не успокоился, стал применять другую методику, попробовал укреплять саженцы. И, всем на удивление, наперекор мнениям скептиков, молоденькие деревца прижились и, цепляясь корнями за истощенную, скудную землю, стали расти... Растут там, где, казалось, нет никакого питания и возможности развиваться. «Смотрите, какая красота, – любовно показывает свои терриконовые посадки Виктор Васильевич, легко и проворно взбираясь по крутым склонам шлаковой горы. – Теперь люди сюда даже за грибами ходят», – не без гордости делится лесник. На терриконах сейчас и правда, опровергая все законы природы, растут грибы. И, как говорят, по осени местные жители спускаются с этих гор с неплохой добычей. Но эстетической стороной и дополнительным «грибным местом» не исчерпываются плюсы, которые обеспечило облесение – так называется результат работы Виктора Соловьева на профессио-

Виктора Соловьева часто называют «чудиком», ведь только ему могло прийти в голову вырастить деревья там, где это невозможно

нальном языке. С появлением растительности на голых до этого горах в окрестностях прекратилось образование оврагов, остановлена эрозия почв, а поля защищены от пыли и ветров.

БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПОДОПЕЧНЫЕ

Сегодня Виктора Соловьева знают не только в родном районе, во всей области он хорошо известен. Результаты его работы наделали шума не только среди коллег. А два года назад Виктор Соловьев был удостоен звания «Почетный работник лесного хозяйства Рязанской области». Его опыт, по сути, единственный в своем роде во всей

стране, и успехи скопинского лесника заслужили признание на самом высоком уровне. Ему присвоено звание заслуженного лесовода Российской Федерации. Когда в прошлом году Соловьева награждал президент РФ, многие говорили: «Награда нашла героя». Однако сам увлеченный лесовод вовсе не помышлял о героизме. Просто занимался любимым делом, без которого не представляет своей жизни...

Кстати, о приеме у главы государства у Виктора Васильевича остались самые яркие впечатления. Хотя об этой встрече он вспоминает с изрядной долей самоиронии. «Я боялся

Мечта лесника-энтузиаста – создать парк-дендрарий. К ее осуществлению он уже приступил

что-нибудь не так сделать, поэтому постоянно держал равнение на президента. Посмотрю, сколько Медведев отпил из бокала, столько же и я. – И, продолжая подтрунивать над собой, рассказывает о суете перед отъездом на высокий прием: – А уж как меня туда собирали! Из регионального правительства выделили женщину, которая помогала мне подобрать костюм – надо же было прилично выглядеть на таком ответственном мероприятии. Перемерили несколько вариантов, в конце концов один был одобрен. Потом галстук подбирали, потом причесывали... Целая эпопея! Раньше так невесту к жениху не собирали, как меня», – смеется Виктор Соловьев.

В своих лесных владениях он наряжаться не привык. Главное, чтобы было удобно перемещаться по любой местности, пробираться через непролазные чащобы. Правда, есть у него и лесной

парадный костюм – китель, на котором позвякивают медали, заслуженные на «зеленом поприще». Ведь не только «терриконовая слава» составляет весь список заслуг Виктора Соловьева. Безусловно, озеленение шлаковых гор привлекло больше всего внимания к личности увлеченного лесника, а резонанс, созданный средствами массовой информации, еще сильнее подогрел этот интерес. Между тем Виктор Соловьев заслужил признание и другими своими делами. К примеру, ему удалось создать целый природный памятник – участок, подведомственный ему, десять лет назад был зарегистрирован как памятник природы регионального значения «Урочище Чапыж». Здесь удалось сохранить множество растений, занесенных в Красную книгу. А теперь Соловьев одержим новой мечтой: создать недалеко от урочища парк-дендрарий, где будут

расти самые разные растения. Виктор Васильевич уже приступил к реализации своей задумки – на территории будущего дендрария лесником и его юными помощниками из местных школ уже посажены липы, ясени, рябинки, есть здесь и представители экзотической флоры – орех маньчжурский, клен канадский. И хотя деревца пока совсем маленькие, когда лесник рассказывает о будущем парке, кажется, он уже видит, как здесь шумят мощные ветви его питомцев.

Виктора Соловьева часто называют «чудиком». На взгляд окружающих, его действия порой трудно объяснить с рациональной точки зрения. Может быть... Зато в результатах его работы всегда есть вполне определенная логика: своим примером он учит бережно относиться к природе. Ведь для него лес – не просто часть жизни, а, скорее, часть его самого. ♣

КАЛЕДОНСКИЙ ДНЕВНИК

АВТОРЫ

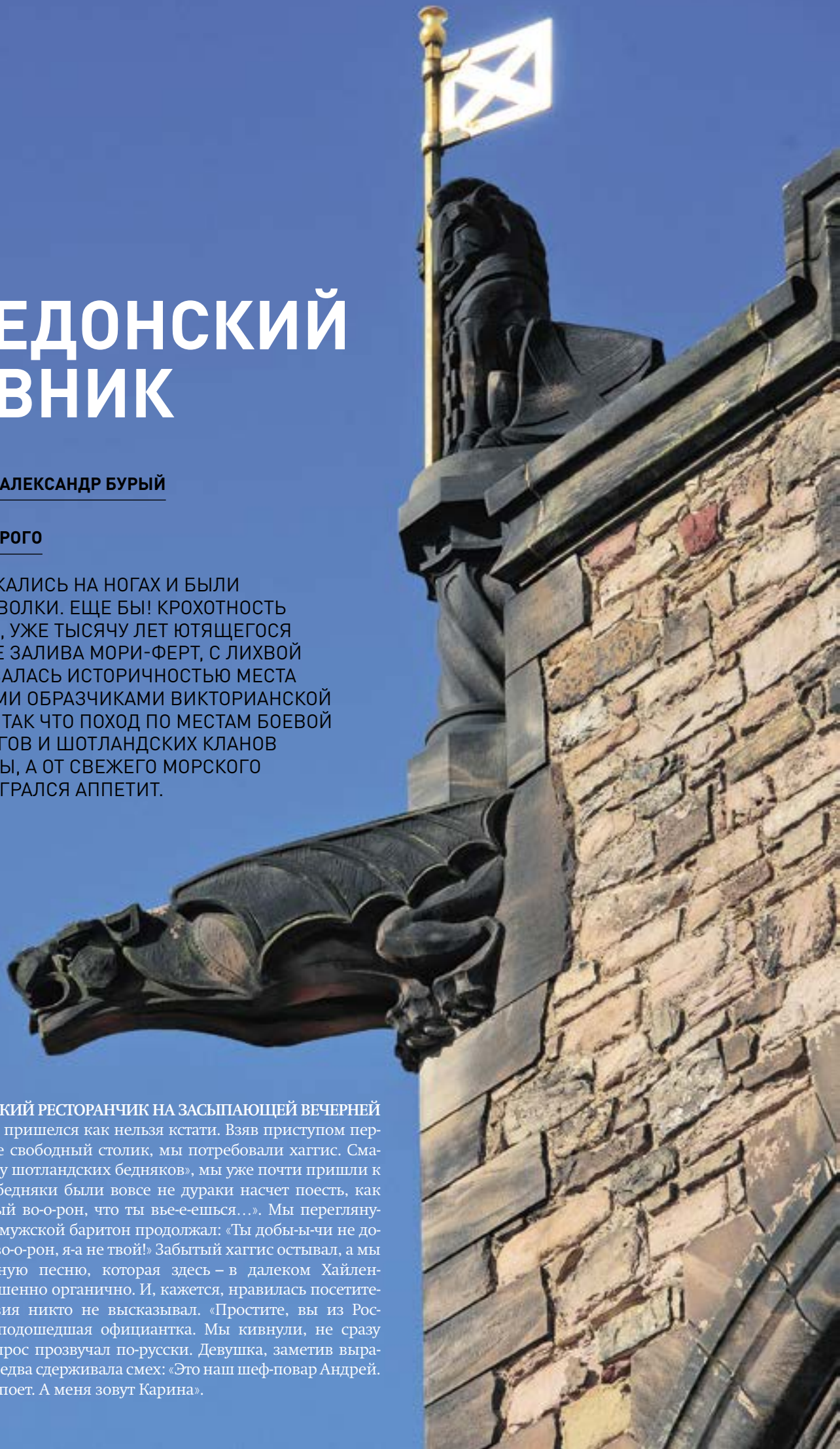
ЛАДА КЛОКОВА, АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МЫ ЕДВА ДЕРЖАЛИСЬ НА НОГАХ И БЫЛИ ГОЛОДНЫ КАК ВОЛКИ. ЕЩЕ БЫ! КРОХОТНОСТЬ ГОРОДКА НЭРН, УЖЕ ТЫСЯЧУ ЛЕТ ЮТЯЩЕГОСЯ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ЗАЛИВА МОРИ-ФЕРТ, С ЛИХВОЙ КОМПЕНСИРОВАЛАСЬ ИСТОРИЧНОСТЬЮ МЕСТА И ПРЕКРАСНЫМИ ОБРАЗЧИКАМИ ВИКТОРИАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ. ТАК ЧТО ПОХОД ПО МЕСТАМ БОЕВОЙ СЛАВЫ ВИКИНГОВ И ШОТЛАНДСКИХ КЛАНОВ ИСТОЩИЛ СИЛЫ, А ОТ СВЕЖЕГО МОРСКОГО ВОЗДУХА РАЗЫГРАЛСЯ АППЕТИТ.

МАЛЕНЬКИЙ РЕСТОРАНЧИК НА ЗАСЫПАЮЩЕЙ ВЕЧЕРНЕЙ улочке пришелся как нельзя кстати. Взяв приступом первый же свободный столик, мы потребовали хаггис. Смакуя «еду шотландских бедняков», мы уже почти пришли к соглашению, что бедняки были вовсе не дураки насчет поесть, как вдруг... «Че-е-е-рный во-о-рон, что ты вье-е-е-шься...». Мы переглянулись. А приятный мужской баритон продолжал: «Ты добы-ы-чи не добыешься. Черный во-о-рон, я-а не твой!» Забытый хаггис остывал, а мы все слушали родную песню, которая здесь – в далеком Хайленде – звучала совершенно органично. И, кажется, нравилась посетителям: неудовольствия никто не высказывал. «Простите, вы из России?» – спросила подошедшая официантка. Мы кивнули, не сразу сообразив, что вопрос прозвучал по-русски. Девушка, заметив выражение наших лиц, едва сдерживала смех: «Это наш шеф-повар Андрей. Он часто на кухне поет. А меня зовут Карина».

Как ни странно, эта маленькая сценка довольно точно характеризует историю взаимных отношений между Россией и Шотландией. Казалось бы, ну где Россия и где Шотландия? Ну что у них общего? Но стоит только присмотреться – и удивлению не будет предела! Вот только не надо скатываться в банальности: мы не о любви русских и шотландцев к виски и водке ведем речь...

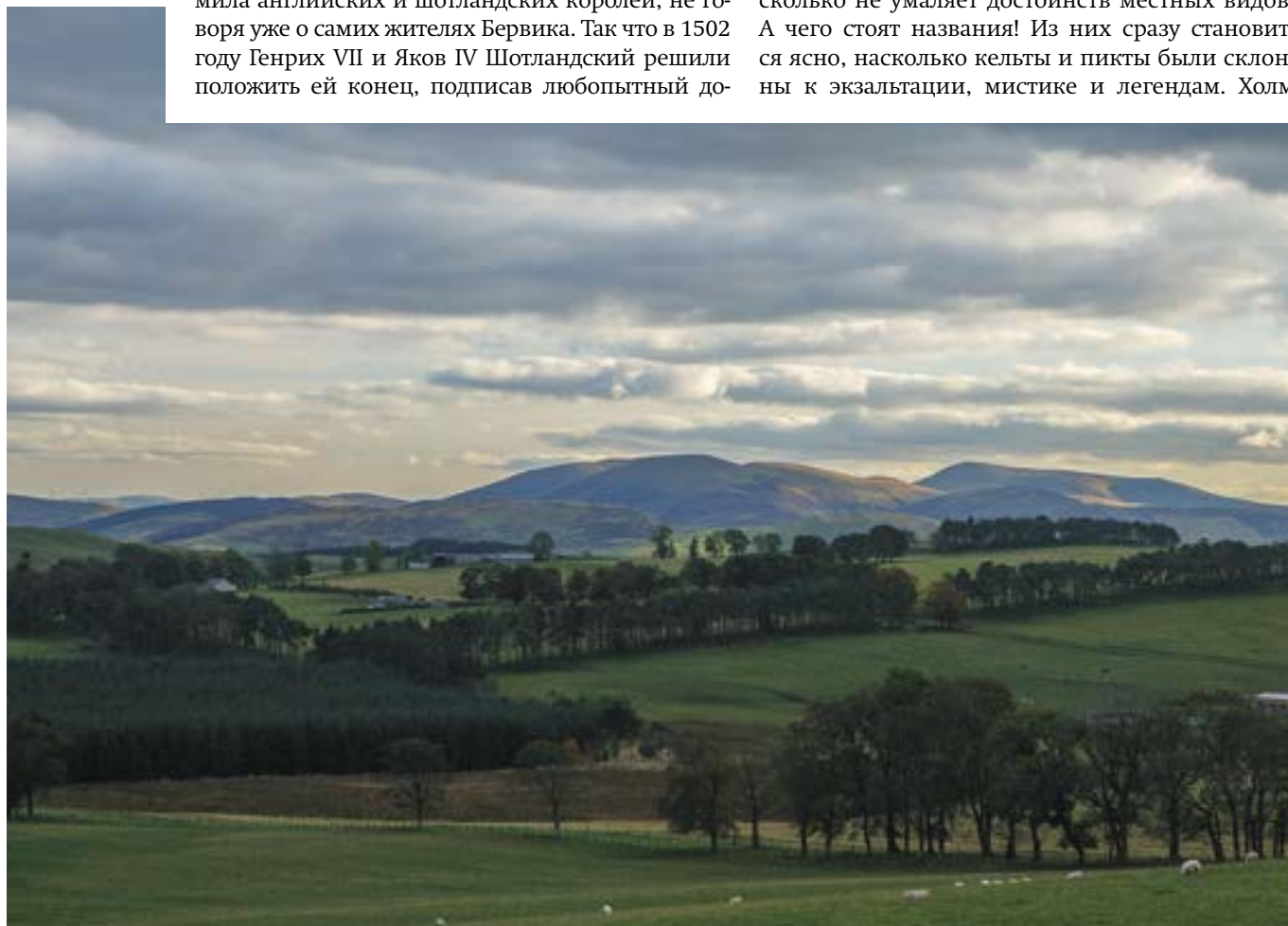
СТРАНА ЭЛЬФОВ И ВЕРЕСКА

Вообще-то со страной скоттов вы встретитесь еще до того, как на поезде Лондон – Эдинбург пересечете рубеж между Англией и Шотландией. Почти на границе – на реке Твид – стоит городок Бервик, славный своими красивейшими мостами. Но этот шотландский город находится на территории Англии. А все потому, что первые жители Бервика крайне неудачно выбрали место для поселения: сначала город входил в состав англосаксонского королевства Нортумбрия, с 1018 года принадлежал Шотландии, а в конце XIII века его захватил английский король Эдуард I Длинноногий, заслуживший прозвище «Молот скоттов». Неизвестно, за что судьба так ополчилась на Бервик-апон-Твид, но до конца XV века несчастный городок в результате войн тринадцать раз переходил от Англии к Шотландии и обратно! Видимо, эта неразбериха ужасно утомила английских и шотландских королей, не говоря уже о самих жителях Бервика. Так что в 1502 году Генрих VII и Яков IV Шотландский решили положить ей конец, подписав любопытный до-

говор, по которому город отходил к Англии, но не являлся ее частью. Родился забавный юридический казус: до 1885 года британские монархи подписывали свои указы от имени Англии, Шотландии и... города Бервик. Вот так Бервик в 1854 году вместе с Великобританией и всеми британскими владениями начал военные действия против России (Крымская война. – Прим. авт.). Объявившая своим указом войну королева Виктория и предположить не могла, что спустя два года при заключении Парижского мирного договора дипломаты по оплошности забудут включить в него Бервик, так что крохотный городок продолжал «воевать» с Россией еще больше ста лет. Недоразумение было улажено лишь в 1966 году, когда мэр Бервика и представитель СССР подписали наконец мирный договор...

То, что мы пересекли границу, было понятно не только по синим плакатам с надписями на английском и гэльском: Welcome to Scotland и Failte gu Alb (древние римляне именовали Шотландию «Каледонией», а кельты называли ее «Альба». – Прим. авт.). Изменились и пейзажи. Теперь вокруг расстилались романтические пустоши, дремлющие под серебристо-пурпурными вересковыми коврами. Мы вступили в шотландский Лоуленд – Пограничье. Высоких гор, в отличие от Хайленда, здесь нет, но это несколько не умаляет достоинств местных видов. А чего стоят названия! Из них сразу становится ясно, насколько кельты и пикты были склонны к экзальтации, мистике и легендам. Холм

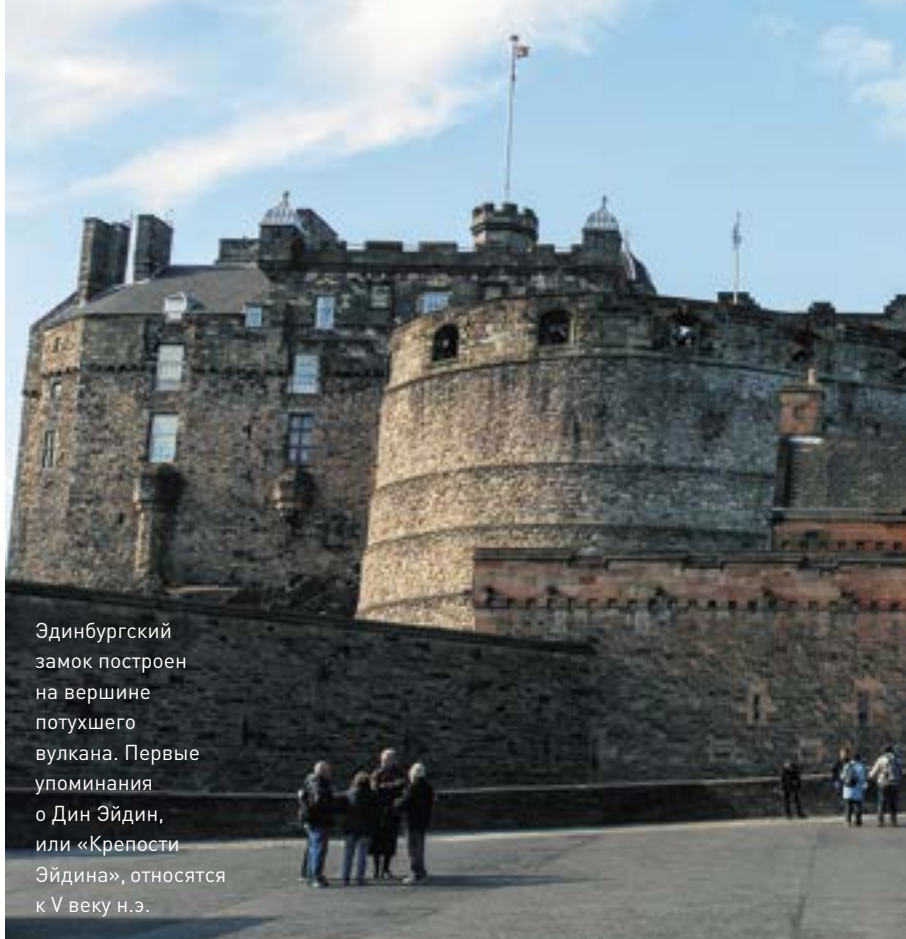
Сегодня население Шотландии – 5,2 миллиона человек. Причем две трети из них живут в Лоуленде

Черного Человека! Край Кровавого Вереска! А ласкающий слух загадочный Ламмермур в конце концов? Помните, как после премьеры фильма «Пятый элемент» ария из оперы «Лючия ди Ламмермур» звучала буквально из каждого утюга? Скажите спасибо Ламмермурским холмам, воспетым гениальным шотландцем Вальтером Скоттом в романе «Ламмермурская невеста», по которому ломбардец Доницетти написал свою пронзительную оперу...

Но есть еще Эйлдонские холмы. Шотландцы уверены, что именно на их пологих склонах случилась история с легендарным бардом XIII века Томасом Лермонтом, известным также как Честный Томас и Томас-Рифмач. Здесь он встретил красавицу-королеву эльфов в зеленом платье и алом плаще, ехавшую на прекрасном коне, в гриве которого мелодично позвякивали 59 серебряных колокольчиков... Конечно, «Ее чудесной красотой, // Как солнцем, Том был ослеплен...» – перечитайте эту балладу в переводе Маршака, не пожалеете. Королева, надо сказать, не была коварной особой: она честно предупредила барда, чтобы он не целовал ее в «уста краснее роз». Томас, естественно, пренебрег запретом и попал в услужение к красавице на семь лет. От своей возлюбленной он получил дар предвидения, причем его пророчества всегда сбывались, за что Томаса и стали называть «Честным». Жизнь с обычными людьми не радовала Томаса, он безмерно тосковал по своей королеве. По легенде, Рифмач вернулся в страну эльфов и больше его никто никогда не видел. Правда, скептики говорят, будто на самом деле Томас Лермонт умер в одном из монастырей, но что в этой истории правда, а что – вымысел, знает только вереск Эйлдонских холмов...

А вот род Лермонтов существует и поныне. Его основатель упоминается в хрониках: в XI веке он храбро сражался за Малькольма III, и шотландский король дал ему земли, закрепив их название за родом воина – Лермонт. Судьба забросила одного из представителей этого семейства в Россию: в 1613 году попавший в русский плен поручик польской службы Джордж Лермонт принял православие и стал служить царю Михаилу Федоровичу. Так в России появился дворянский род, имя которого обессмертил великий Михаил Лермонтов. Между прочим, на родство с Томасом-Рифмачом претендует еще один великий поэт: один из предков Джорджа Байрона в XVI веке женился на Маргарет Лермонт... Вот только одно удивляет: почему в стране вересковых пустошей до сих пор нет ни одного памятника русскому стихотворцу, чей далекий предок был шотландцем? Ведь не забыли же здесь установить монумент русскому крейсеру «Варяг», затонувшему в конце своей трагической судьбы у шотландского поселка Ленделфут? А уж поставить памятник Михаилу Юрьевичу в Шотландии, как говорит-ся, сам Бог велел...

Эдинбургский замок построен на вершине потухшего вулкана. Первые упоминания о Дин Эйдин, или «Крепости Эйдина», относятся к V веку н.э.

КРЕСТ АПОСТОЛА

Но, конечно, главной приметой того, что мы находились в Шотландии, был небесно-синий флаг с белым диагональным крестом. Его здесь можно увидеть на каждом шагу. Однако поменяйте цвета местами – и вместо национального знамени Шотландии получите военно-морской флаг России, знаменитый Андреевский стяг.

И в России, и в Шотландии почитают святого апостола Андрея Первозванного. По православному преданию, он проповедовал христианство скифам и славянам и предсказал грядущую славу Киева. А в Шотландии в 832 году произошла история сродни той, что приключилась с Константином Великим, когда он раз и навсегда выяснил отношения с Максенцием у Мильвийского моста на Тибре. Король Ангус II, в 832 году готовивший-

В Большом зале королевского дворца Эдинбургского замка можно полюбоваться на коллекцию доспехов, оружия и средневековых ключей

ся повести своих диких скоттов и пиктов в битву против англов, ночью молился и дал обет в случае победы объявить покровителем страны святого Андрея. И утром воины увидели, что облака над полем брани образовали крест – как тот, на котором апостол был распят в греческом городе Патры. Воодушевленные скотты и пикты, уступавшие в численности англам, разгромили врага, а Андрей Первозванный с того времени стал покровителем Шотландии. Правда, Андреевский крест появился на знамени Шотландии только в 1542 году. Зато шотландские войска украшали им свою печать аж с конца XIII века.

В России же Андреевский стяг был введен Петром I: в 1712 году флаг с синим диагональным крестом на белом поле взвился на мачтах российских кораблей. Можно было бы считать это обычным совпадением, не имеющим связи с Шотландией, но... Как известно, во время пребывания Петра с Великим посольством в Англии его сопровождал один из верных сподвижников – шотландец Яков Вилимович Брюс. Точнее, Джейкоб Дэниел Брюс. Трудно представить себе, кто еще из ближайшего окружения мог обратить внимание Петра I на шотландскую символику, тем более что в самой Шотландии русский самодержец не был. Наверное, результат превзошел ожидания Брюса: в 1699 году, вернувшись из европейского турне, Петр I учредил первый российский орден – орден Андрея Первозванного, ставший высшей наградой Российской империи (орден Святого Андрея к тому времени уже существовал в Шотландии). С военно-морским флагом было сложнее. До 1712 года Петр I собственноручно рисовал восемь разнообразных его вариантов, но в итоге остановился на Андреевском стяге, который вплоть до 1917 года поднимался на российских кораблях. Ну а в 1992 году он вновь стал флагом Военно-Морского Флота России.

Любимый национальный герой шотландцев Уильям Уоллес и король Роберт Брюс охраняют эдинбургскую твердыню

ПОТЕРЯННАЯ КОРОНА И КАМЕНЬ СУДЬБЫ

...Уильям Уоллес, размахивающий мечом на улице Касл-хилл, с которой начинается знаменитая Королевская Миля Эдинбурга, больше похож на Мела Гибсона из «Храброго сердца», чем на национального героя Шотландии. Школьный учитель Адам, раскрашивающий лицо синей краской и наряжающийся в килт, и сам знает, что Уоллес этого не делал, но разве туристам, обожающим фильм с Гибсоном, это объяснишь? Выяснив, что мы из России, он машет рукой, кричит на прощание: «Спасибо! Да здравствуй!» и опирается на внушительный меч, поджидая новых туристов. А мы топаем по брусчатке вверх – к Замковой скале, где стоит древний Эдинбургский замок, при взгляде на который понимаешь истинный смысл слова «твердыня».

Вход в замок охраняют две огромные статуи: справа в рыцарском облачении несет караул Уильям Уоллес, с явным укором глядящий в сторону учителя Адама. А слева, опираясь на щит и откинув плащ, стоит тот, кого на самом деле шотландцы и называли Храбрым Сердцем, – король Роберт Брюс. Над ними красуется королевский герб: вздыбленный красный лев на золотом поле. На голубом фоне сияют белые буквы девиза: *Nemo me impune lacessit* – «Никто не обидит меня безнаказанно»...

На батаре Аргайла собралась толпа: все ждут выстрела из «Пушки первого часа». Каждый день, кроме воскресенья, к One O'Clock Gun марширует строгая блондинка в военной форме, для того чтобы ровно в час пополудни эдинбургцы проверили свои часы. Но, конечно, ни «Пушка первого часа», ни Монс Меган (бомбарда вроде Царь-пушки в Кремле. – **Прим. авт.**) – не основные ценности Эдинбургского замка. Главные святыни хранятся во дворце XVII века на Королевской площади: корона Шотландии, монарший скипетр, церемониальный меч и Скунский камень или, как его еще называют, Камень Судьбы.

В небольшой комнате ярко подсвечена только центральная витрина. За стеклом на темном пурпуре покоятся четыре королевские регалии Шотландии. Фотографировать здесь запрещено, равно как

и прикасаться к стеклу витрины. Смотрители наблюдают за каждым вашим шагом. Наглядевшись на экспонаты, мы подходим к смотрительнице: девушка стоит, вытянувшись в струнку, кажется, ей не хватает только формы шотландских гвардейцев. «Это настоящие регалии или реплики?» – интересуемся мы. Она вздрагивает, возмущенно смотрит на нас и обиженно поджимает губы: «Что вы! Это настоящие королевские регалии Шотландии! Посмотрите, как мы их охраняем: стекло бронированное, везде сигнализация и двери – сейфовые!» Мы извиняемся, объясняем, что вовсе не хотели ее обидеть. Просто решили удостовериться: ведь выставленные в Тауэре британские королевские регалии – реплики середины XVII века. Как ни странно, именно британцы – приверженцы монархии – сами уничтожили древние оригиналы символов королевской власти. Решение об этом принял английский парламент после того, как в 1649 году несчастному королю Карлу I отрубили голову в Уайтхолле.

Шотландские королевские регалии тоже имеют непростую судьбу. После объединения Англии и Шотландии в 1707 году шотландская корона была спрятана в сундук, который затерялся в одной из комнат Эдинбургского замка. И только в 1818 году Вальтер Скотт с группой энтузиастов отыскал ее здесь. А Камень Судьбы, на котором короновались шотландские короли, был в 1296 году вывезен «Молотом скотгов» в Вестминстерское аббатство. Там он был установлен под троном английских королей, где пролежал до 1950 года, когда четверо студентов из Университета Глазго похитили его и доставили в Шотландию. Правда, через год он снова вернулся в Вестминстер. Только в 1996 году правительство Великобритании наконец вернуло Камень Судьбы шотландцам...

Между прочим, России преданно служили представители двух кланов, сыгравших важные роли в бурной истории Эдинбургского замка. В 1639 году Александр Лесли, возглавлявший войска ковенантеров (партия, защищавшая права пресвитерианской церкви Шотландии, противники роялистов. – Прим. авт.), умудрился взять замок, не потеряв ни одного солдата. Приблизительно в то же время в России его тезка, другой представитель клана, Александр Лесли, командовал двумя полками в Смоленской войне. Приняв православие, Лесли стал Авраамом Ильичом, дослужился до генерала и состоял главным военным советником при царе Алексее Михайловиче.

А глава клана Гордонов, герцог Гордон, в 1689 году, напротив, успешно защищал Эдинбургский замок. Он был личным патроном прославившегося в России Патрика Гордона. В тот самый год, когда герцог Гордон оборонял Замковую скалу, Петр Иванович Гордон шел с русскими войсками во второй Крымский поход. Чуть позже он станет одним из ближайших соратников Петра I, генералом и контр-адмиралом и оставит интересные записи, известные сегодня как «Дневник Патрика Гордона»...

Вечерний
Эдинбург

КОРОЛЕВСКАЯ МИЛЯ

Любой уважающий себя шотландец с ходу расскажет вам как минимум парочку историй про привидения, которые живут в его родном городе, деревне или замке. И боже вас упаси посмеяться над ним! А первое место в Шотландии по числу привидений на квадратный метр удерживает глав-

Говорят, обитатели Касл-хилл как-то пожаловались в муниципалитет на местного волынщика. Теперь он может развлекать туристов только в определенные часы дня

Здесь проповедовал рьяный реформатор церкви Джон Нокс

Собор Святого Джайлза – украшение Хай-стрит

ная улица столицы – Королевская Миля. Это действительно миля, только шотландская, которая длиннее английской на 200 метров. Она соединяет Эдинбургский замок и королевскую резиденцию Холируд и состоит из четырех улочек – Касл-хилл, Лонмаркет, Хай-стрит и Кэнонгейт.

На Касл-хилл помимо нашего знакомого Адама можно встретить немало любопытных персонажей, включая даже человека без головы. Ну, и, естественно, волынщика в килте, без устали исторгающего из своей волынки то жалобные плачи, то военные марши кланов. Немногие туристы выдерживают рядом с ним больше пяти минут. Нам показалось, что все дело в неправильном выборе места: одно дело слушать пиброхи и ламенты, вызывающие к жизни призраки бывших героев, на просторах Лоуленда или Хайленда и совсем другое – пытаться услышать голос волынки в шуме и суете большого города. Правда, есть про-

блема: кто вам заплатит за игру на волынке на каком-нибудь холме в Хайленде?

Лонмаркет как была рынком, так по большому счету им и осталась. От вывешенных прямо на улице разноцветных килтов, брюк и шарфиков в клетку начинает рябить в глазах. А как только в этой мешанине цветов появляется темное пятно, можете не сомневаться: ваш взгляд уперся в витрину с бесчисленными пузатыми бутылками шотландского виски.

Хай-стрит – это прибежище уличных музыкантов и торговцев серебряными побрякушками с кельтскими узорами. Она такая же живая, как и Касл-хилл, несмотря на то, что здесь находятся Верховный суд и парламент Шотландии.

Но главное украшение Хай-стрит – собор Святого Джайлза, покровителя калек и прокаженных, а также Эдинбурга. До Реформации это был главный собор города и гордость католиков. Но в 1559 году именно здесь неистовый Джон Нокс произнес свою первую пламенную проповедь о Реформации, положив начало Шотландской пресвитерианской церкви...

Внутри собора было сумрачно и тихо, огромный неф освещался лишь трепещущими огоньками немногочисленных свечей и разноцветными лучами света, пробивающимися сквозь великолепные витражи. В приделе Престона сквозняк шевелил огромные знамена с гербами рыцарей ордена Чертополоха. У стены бронзовый Джон Нокс строго хмурился и наблюдал за нами. Собор был почти пуст. А к нам спешил молодой рыжий священник в черном глухом костюме с белым воротничком. Узнав, что мы из России, он почему-то обрадовался, попросил обождать и бодрой рысью понесся в глубины церкви. Вернувшись через пару минут, он торжественно вручил нам скромный буклетик о соборе на русском языке. Мы

Газон
во внутреннем
дворике
королевской
резиденции
Холируд-хаус
выше всяких
похвал

были тронуты. Священник тоже. На прощание, таинственно улыбнувшись, он настоятельно рекомендовал нам зайти в церковную лавку: «Вас там ожидает сюрприз!»

Но прежде мы отправились в Часовню Древнейшего и Благороднейшего Ордена Чертополоха, учрежденного королем Яковом VII в 1687 году. Главами ордена всегда были и остаются только короли – сначала Шотландии, а затем Соединенного Королевства. Если вы когда-нибудь попадете в Эдинбург, обязательно побывайте здесь: никакие описания не передадут атмосферы часовни, украшенной рыцарскими мечами и фантастическим по своей красоте резным потолком. В Шотландии есть только одно здание, превосходящее ее по великолепию и красоте, – это знаменитая часовня Рослин.

А в церковную лавку мы все-таки зашли, хоть и не ожидали увидеть там ничего необычного. Но священник был прав: сюрпризом оказались новенькие, блестящие позолотой софринские иконы Богородицы и Спаса, обнаружившиеся здесь в большом количестве...

Но вот мы уже и на Кэнонгейт, на «дороге каноников». Свое название улица получила в честь монахов-августинцев Холирудского аббатства, которым заканчивается Королевская Миля. Помните о привидениях? Мы думаем, что именно с Кэнонгейт они и разбредаются по всей Королевской Миле. Во-первых, именно здесь располагалась раньше знаменитая старая тюрьма Толбут, истории о которой леденили кровь не одной чувствительной особы. Теперь на месте Толбута брусчатку улицы украшает большое мозаичное «Сердце Мидлотиана» (да-да, роман Скотта «Эдинбургская темница» в оригинале как раз и называется «Сердце Мидлотиана». – Прим. авт.). На него нужно встать и плюнуть, дабы таким обра-

Руины собора
Холирудского
аббатства

зом выразить свое презрение к тюремщикам, а за это, как говорится, будет вам счастье. При большом наплыве туристических групп картина эта, в общем, не для слабонервных. Во-вторых, здесь же стоит Кэнонгейтская церковь, на кладбище которой вечным сном спят многие известные шотландцы, включая Адама Смита и Роберта Фергюсона. Ну, и, в-третьих, рядом находится вход в Мэри-Кингз-клоуз – тупичок, названный по имени домовладелицы. Когда в XVII веке рядом с улочкой начали возводить новые здания, проектировщики то ли виски с элем перепили, то ли просто были плохими специалистами... Как бы то ни было, Мэри-Кингз-клоуз оказалась... погребенной под землей. В следующем столетии Эдинбург настигла страшная эпидемия чумы, и мэрия решила, что подземный квартал – самое лучшее место для больных горожан. Бывало, целые семьи безжалостно замуровывали в этих страшных подвалах. И стоит ли после этого удивляться, что вскоре эдинбуржцев стали преследовать злые призраки?

Вход во дворец
Холируд-хаус

ЕДИНОРОГ И ЛЕВ

Восемь столетий назад шотландский король Давид I Святой, приехавший поохотиться, где-то здесь увидел красивого оленя с крестом между рогами. Надо полагать, охота была прервана. Король же после долгой молитвы объявил о том, что построит на этом месте аббатство. Что и было сделано к 1128 году. Аббатство, в котором поселились монахи-августинцы, было названо Холируд, что в переводе с англо-шотландского означает «Святой крест».

Места тут действительно очень красивые, а потому неудивительно, что шотландские монархи уже с XV века приспособили монастырскую гостиницу под свою резиденцию. Ну а в начале XVI века Яков IV построил здесь настоящий дворец...

На входе в Холируд вас встречают каменные единорог и лев, стерегущие ворота, ведущие во двор Холируд-хаус, который и сегодня является официальной резиденцией британских монархов во время их пребывания в Шотландии. Фасад двор-

Развалины
Холирудского
аббатства
примыкают
прямо к дворцу

Единорог – один из национальных
символов Шотландии

ца украшает еще один единорог с позолоченным рогом. Да и в самом дворце вы не раз увидите изображение этого мифического зверя. Ничего странного: три главных национальных символа Шотландии – святой Андрей Первозванный, чертополох и единорог.

Главная гордость музейных зрителей – комната дворца, в которой в 1566 году заговорщиками-протестантами был зверски убит лю-

бимый секретарь королевы-католички Марии Стюарт Давид Риччо. Мария пыталась защитить итальянца, но как могла беременная женщина противостоять разъяренным шотландским лордам, считавшим, что Риччо получил слишком большую власть над королевой? После смерти на теле секретаря насчитали более пятидесяти ран! Комнатка, где произошло убийство, довольно маленькая и мрачная, впрочем, как и большинство помещений дворца. Кстати, до сих пор хранителем Холирудхауса по традиции является герцог Гамильтон, глава одноименного клана. Считается, что русский дворянский род Хомутовых (фамилия Hamilton была переименована у нас в «Хомутов». – **Прим. авт.**) ведет начало от шотландца Томаса Гамильтона, прибывшего на службу в Россию при Иване Грозном. Самой известной из его потомков стала Мария Гамильтон, фрейлина Екатерины I, фаворитка Петра Алексеевича, казненная в 1719 году по обвинению в детоубийстве и воровстве...

Вплотную к дворцу примыкают великолепные руины Холирудского аббатства. Да, от него мало что осталось, но все равно эти развалины стоят того, чтобы на них посмотреть. Прогуливаясь по бывшему нефу собора и читая надписи на стертых могильных плитах, трудно отделаться от впечатления, что тени похороненных здесь членов шотландской королевской семьи тихо следу-

ют за вами по пятам, пытаются рассказать о чем-то очень важном и забытом нами. Можно только поражаться тому, что даже в таком разрушенном виде аббатство производит неизгладимое впечатление. И вот что удивительно: всем известно, что начало европейской готики связывают обычно с аббатом Сугерием, возглавлявшим французское аббатство Сен-Дени и построившим там знаменитую монастырскую церковь – первую в готическом стиле. Но как же быть с тем, что в холирудском соборе, возведенном раньше церкви в Сен-Дени, присутствуют знакомые элементы готического стиля: и нюрверные своды, и заостренные арки, и стрельчатые окна, и рвущиеся вверх мощные колонны?..

День клонился к вечеру, посетителей в Холируде заметно поубавилось. Мы вышли в Холируд-парк и замерли, пораженные красотой открывшегося пейзажа. В лучах заходящего солнца темнел мощный холм, нависающий над дворцом и аббатством. Шотландцы называют его Седлом Короля Артура. И верят, что именно под ним спят долгим сном сам Король Артур и двенадцать рыцарей Круглого стола. Но, как говорят шотландцы, они проснутся в тот момент, когда в Шотландии настанут тяжелые времена, и придут на помощь, когда надежда на спасение почти иссякнет... ❀

Окончание следует.

Шотландцы любят сажать чертополох – еще один национальный символ – на любом свободном клочке земли